

Глава 1. Фотограф

За пару минут до будильника, как это обычно бывает, просыпается Тея Уайт. Электронные часы голубым неонам показывают четверть седьмого. Она просыпается, как и засыпает, внезапно. И всегда в одно и то же время, даже если это выходной. Таковы правила. Тея едва ли не всю свою жизнь живёт по неписанным законам, иначе никак. Так легче, спокойней и радостней.

Она не откроет глаза, пока не услышит звуки будильника. Прислушается к окружающему пространству. Всё в порядке: тишина, дома нет никого, окна зашторены, а воздух наполнен теплотой и запахом чистого белья. Белого, потому что её успокаивает этот цвет. В комнате вообще много белого и черного, а одна из стен заполнена чёрно-белыми фотографиями, расположенными в виде квадрата с большим снимком строго посередине. Эти фотографии её авторства. И так их расположила сама Тэ.

Её утро — это образец действий, отработанных до автоматизма, но всегда проделываемых слишком тщательно. Без них никуда. Когда Тея заправляет постель, то чувствует тепло одеяла, нагретого её собственным телом, ей это не слишком нравится, но то в порядке вещей. Следом она, несмотря на приятную весеннюю погоду, не поспешит проветрить комнату: шум из окна сделает утро невыносимо громким, а Тэ такого не перенесёт. Вдобавок это сведёт на нет оставшиеся пункты плана — умывание и чистку зубов. Будет настолько сложно справиться с этим, как если бы вдруг началось землетрясение.

Ровно десять раз. По верхним и нижним зубам, а также по их внутренней поверхности, зубная щётка скользит не менее десяти раз. С умыванием — так же. Тея отсчитывает, чтобы вода, стекающая между её пальцев, перестала попадать на лицо точно на счёте десять. И ничего не должно мешать действиям, схематически выстроенным у неё в голове. Это не утренняя гармония и, уж тем более, не привилегия. Это порядок. По-другому и быть не может, когда ты живёшь с аутизмом. Впрочем, Тея уже давно сама для себя обозначила, что это не она живёт с ним, а наоборот. Скорее, её научили так жить, а она лишь здорово справляется, поскольку есть ради чего. Это не так сложно, когда ты аутист с синдромом Аспергера. Проще говоря, это такой другой взгляд на мир, людей, да и на всё в целом... Хотя здесь просто не получится, когда твои глаза видят всё иначе, разум воспринимает обычные вещи не так, как все, а эти «все» считают тебя странным. Они не знают. Было бы обидно, если бы Тея умела обижаться, а так она всего лишь не любит, когда её считают странной. И у неё есть голос, чтобы об этом сказать, а не кричать и плакать, как это бывало.

Она возвращается из ванной и, стоя напротив зеркала, натянуто улыбается и сосредоточенно расчёсывает волосы. Расчёска проходит по её волосам лишь десять раз, и длинная чёлка едва ли не касается ресниц. Пришлось бы продумывать поход к парикмахеру, если бы хоть кому-то в этом мире она бы позволила к себе прикоснуться, кроме близких. А так, как обычно, ножницы в руках её мамы быстро решают проблему. Пока же волосы не лежат, как надо, и Тея небрежно сгребает их со лба, в душе немного

этому досадуя, и открывает дверцу шкафа. Вот тут её самочувствие слегка встряхивает, как если бы под него попал камешек, ведь такого развития события вообще не предполагалось в её голове...

— Ты всегда встречаешь меня за входной дверью, — потерянно обращается она к тому, кто внутри. — Привет.

Однако тут же Тея улыбается, едва ли не светится от счастья. Никому другому она улыбаться не стала бы. Нежданный, но всегда любимый гость. Из-под капюшона мятой чёрной толстовки доносится его шумное дыхание. Парень, проводивший, скорее всего, остаток ночи, сидя во сне на дне шкафа, сначала медленно зевает, затем проводит ладонью по лицу, деланно оттягивая нижние веки, и с вялой насмешкой уставляется на Тею:

— Обычно — да, — спросонья заявляет он. — Но вчерашние обстоятельства вынудили меня прикорнуть здесь. Прости, Тэ, но тебе самой не помешало бы привыкнуть, не впервые ночью ведь. И да, сегодня я хотя бы не забыл окно за собой закрыть. Как думаешь, это похвально? Как думаешь, человека нужно ругать за то, что ему негде было спать?

— Нет, но ты должен был меня разбудить.

— Было четыре часа утра, ты бы потом не уснула, а это куда хуже — полный сдвиг по фазе... О, прости, сейчас скажу яснее. В общем, это бы нарушило все твои правила. Ещё бы и родители твои проснулись. Ты, конечно, не можешь представить, что было бы, зато я могу.

— Нет, не могу, — Тея на мгновение сделалась очень серьёзной. — Но, Най, ты не виноват.

— Я знаю, ты тоже, — Найджел улыбается, неловко выбираясь наружу. Он ощущает, как затвердели мышцы в его ногах — да, спалось сегодня не сладко... Зато спалось под крышей дома и, по крайней мере, не чужого, а лучшего друга. Тея никогда не привыкнет к таким его визитам, потому что они всегда несуразны даже для неё самой.

— Нет, останься пока там. Сядь, как сидел до этого, пожалуйста, — и она вдруг отходит к столу.

— Господи, где? В шкафу? Ладно-ладно, не спорю, посижу, раз это так важно.

Единственный жест — и Найджел снова занимает место под вешалками с одеждой. С Теей никогда не нужно спорить, потому что любые её слова или действия всегда по делу. А своё дело эта девушка знает, да получше любого эксперта. Правда, только когда оно касается фотоаппарата... Именно благодаря нему, пару лет назад, Найджел заметил Тею, или наоборот.

«Я мало что понимаю в музыке, но мне нравится цвет твоей футболки, — неуверенно произнесла она тогда, заметив, как Найджел зарабатывал какие-то гроши на тротуаре, читая уличный рэп. — Фотография не передаёт звука. Можно мне сделать пару кадров? Ты здесь вписываешься в принцип золотого сечения».

— Тэ, это потому, что я вписываюсь в шкаф, как в принцип золотого сечения? — спрашивает он, вспомнив о первых обращённых к нему словах Теи, которая как раз уже возвращается с фотоаппаратом.

К технике у неё тяга, но к такой — особенная. Най давно заметил, что Тэ часто просто берёт эту машину с объективом весом под килограмм и без особой надобности: срабатывает навязчивое желание держать её в руках. Или же ей постоянно требуется что-то снимать. Людей, в особенности, чтобы их лучше понять, но не суть. Тея фотографирует всегда.

— Да, вписываешься, и потому что такой твоей фотографии у меня ещё нет, а я снимаю все места, где ты обычно ночуешь, — говорит Тея, и тут же настраивает выдержку, скрывая лицо за камерой. — Только, пожалуйста, не трогай мою одежду — у тебя руки грязные. И ты воняешь.

— Ой, а то я не в курсе! Прямо не в бровь, а в глаз, Тэтэ, ты неисправима. Как мне сесть, как было, типа я сплю?

В шкафу он снова принимает это дико неудобное положение: к груди прижаты колени, голова с надвинутым капюшоном покоится сверху, а руки сцеплены вокруг тела. Почти что поза эмбриона. Внезапно Найджела одолевает представление, что из такого положения он рвётся всю свою жизнь, как из кокона. Это теперь он открытый и не боится самого себя. Это ни в его натуре, ни в его мыслях. Теперь он никого и ничего не боится, а потому и не испугался Тею, тогда та с мокрыми глазами просила показать ей дорогу домой, когда она вместе со своей недешёвой «игрушкой» заявила в дебри чужого района, заблудившись. Вокруг сновали люди, диковатые в её глазах, и не обращали внимания на семнадцатилетнюю девчущку с красным текущим носом — Тея тогда действительно плакала.

«Больше ты никогда не будешь нить прилюдно и гулять одна, уяснила? Я отведу тебя домой...»

Она может расплакаться и сейчас, если пойдёт гулять одна с фотоаппаратом. Правда в том, что не рискнёт. И потому, что не всегда Найджел поможет, когда всё будет не в порядке.

— Боже мой, Тэ, ну хватит! — Найджел отмахивается от очередной вспышки, как от назойливой мухи. — У меня задница болит, спина затекла... Не жалко? И вообще я есть хочу зверски. Поэтому заканчивай тут со сборами побыстрее и приходи на кухню. Я там приготовлю что-нибудь нам, хорошо? Да, и перед этим в душ, разумеется... — он договаривает последнее предложение, замечая, как Тея, опустив взгляд, маячит им по его рукам.

Если Тея увлечена съёмкой, то забывает обо всем, но, в первую очередь, о времени и пространстве. Для неё одно перетекает в другое, когда взгляд направлен в объектив, а после и вовсе всё пропадает, и остаются одни лишь люди. Найджел поразился этой страсти ещё в первую их встречу, когда, провожая её домой, осознал, какой путь та проделала из-за идеальных кадров. Плохо разбирающийся в съёмке Най, по большей части, обычно просто гримасничает в объектив, а фото всегда получаются удачными. И всё на радость этому вездесущему фотографу, который коллекционирует моменты своей первой настоящей дружбы.

«Мир в объективе не так страшен, да? Он пусть и крошечный, но в нём так же легко заблудиться. Люди, конечно, тоже намного меньше. Вот поэтому тебе так проще всё воспринимать, хотя размер вообще не имеет значения — смысл везде один».

В кухне Найджел обнаруживает рис, оставшийся в холодильнике ещё с вечера: мать Теи всегда так делает, чтобы с утра ей осталось только поджарить себе яйца с хлебом, как учили. Впрочем, сейчас этим всё равно займётся Най. Он не способен забыть о голоде, как это часто проделывает Тэ, которая может не есть целыми днями лишь потому, что увлётся работой со снимками. Нет, это не чудачество, как могло казаться раньше. Это такая ответственность, граничащая с безумием. А ещё бесконечная цикличность действий, в которые его подруга уходит с головой, повторяя одно за другим. Мания, способная свести в могилу, если за ней не следить. Так думается Найджелу теперь. И это правда. К слову, до встречи с Теей, он и понятия не имел о том, кто такие аутисты. В их общении никогда не было места для предвзятости, поскольку всё началось с нуля.

Когда по кухне стал витать запах омлета, Найджел, выключив плиту, идёт в спальню, но не проходит, а останавливается в дверях. Он стоит, подперев позвоночником дверной косяк и засунув руки в карманы потёртых джинсов, наблюдает. На его губах замирает кривая усмешка. Так педантична. Это сейчас о Теоне, ведь она от зеркала не отходит: строга к своей внешности до мелочей...

— Всё нормально? — она оборачивается к Наю, поправляя воротник своей белой рубашки.

— Идеально, Тэ, ты в универ, в конце концов, собираешься, а не на свадьбу.

Тея смотрит на своё отражение, после — вниз... Она не понимает, хотя и пытается, к чему это замечание о её свадьбе. Она часто испытывает непонимание в нормальных разговорах. Собственную отчуждённость от них, немощность — тоже. Почти никто не осознаёт, что так же, как нормальным людям сложно понять её, ей, странной, сложно понять и их.

— Я — нормальная? — вдруг спрашивает она, обращаясь, кажется, больше к самой себе, прижавшись к собственному отражению в зеркале.

— Нет, — тихо отвечает Найджел и подходит к ней. — Ты это хотела услышать? К чёрту нормальность. С тобой всё в порядке.

— Я в порядке, но ненормальная... Ладно, — Тея неискренне соглашается и снова начинает поправлять волосы. — Что насчёт тебя? Четыре утра, Най, почему ты пришёл так рано?

— Ну-у, ночевать же надо было где-то. За хибарку свою вовремя не оплатил, вот поэтому... И, в общем, меня выгнали, — он признаётся в этом как-то вяло и предлагает рассказать все подробности за завтраком.

Пока Найджел освещает по пунктам своё ночное путешествие, Тея в известном ей порядке раскладывает еду по тарелке: выложив на тарелку рис и разровняв, она рядками распределяет по его поверхности кусочки омлета, чередуя с прямоугольниками обжаренного хлеба. Всё вровень, прямо — это важно. У Ная важно другое: хозяин его хилого жилища ввалился туда посреди ночи и не в лучшем виде, требуя просроченную на день оплату. Спорить было бесполезно. Не было ни сил, ни желания, ни, что главное всего, денег. Лучший выход — сматывать, пока тебя не приложили, чем попадётся, хотя и вариаций на эту тему было немного. Так же как и вариантов, как и где провести ночь... Бродить среди переулков и ярких вывесок магазинов? Сносно, вполне, да и не впервой. Переждать в какой-нибудь круглосуточной забегаловке до утра? Лучше, и намного, но вряд ли у него найдётся хоть немного мелочи в карманах. И, если уж начистоту, то идти проситься переночевать у друзей — стыдно, а он — бедствие на двух ногах — имеет гордость.

— Понимаешь, Тэ, я знал, что ты меня не пошлешь обратно, откуда бы я ни пришёл, даже если бы я тебя разбудил, — невесело усмехается он. — Слушай, я положу себе ещё омлета, не против? А то, знаешь, голодный ещё с вечера... — он продолжает улыбаться. С улыбкой он спрашивает её о том, и об этом, что касается стола, и, чтобы всё было честно, подливает сок и себе, и Теоне. — Я понимаю, что веду себя, как нахал, но, по крайней мере, стараюсь делать это мило.

Такое поведение не раздражает Тею: дом для неё становится настоящим, только когда там есть Найджел. И этот милый нахал догадывается об этом без лишних слов, чего только стоит одна улыбка.

Теоне Уайт не нравится обувь. С тем же мучением, с каким кто-то ест сельдерей, она надевает кроссовки на свои ноги. Она ненавидит шнуровку утром, перед выходом на улицу, и обожает её, когда возвращается домой, и с кроссовками можно попрощаться минимум часов на пятнадцать. Сегодня Найджел впервые об этом слышит, а, наблюдая за её попытками завязать шнурки, не может не смеяться, чего однозначно делать не стоило бы. Возможно, это и не странно, но где здесь порядок, которого так досконально придерживается его подруга? Она раздражается, подобно трёхлетней, когда в её пальцах рассыпаются шнурки в попытке очередного узла. Най замечает, как от напряжения на её кистях вспухают вены, а сама Тея, чувствуя постыдный жар, сдувает со лба чёлку, шумно дышит. Ей неприятно, что кто-то, пусть и не посторонний, становится свидетелем её дефектов.

— Дай сюда, — Найджел присаживается рядом с ней и, в конечном итоге, сдаётся, помогая справиться с обувью. — И не красней. Тебе сложно завязывать шнурки, зато ты способна сделать шикарные снимки. Видишь разницу? Каждый выбрал бы второе.

У Теи во взгляде играет щенячья благодарность, хотя та и скрывает её, глядя в пол.

— Тебе неприятен сам процесс или ощущения, когда ноги в кроссовках? Цвет, стиль, что не так? Запах, может быть?.. — Найджел беспокоится и заваливает вопросами, когда они, наконец, подходят к автобусной остановке.

— Всё, — краткий ответ со стороны даёт понять, что и говорить об этом Тею неприятно. — Мне вообще не нравится обувь. У любого человека есть что-то, что он не переносит, я знаю, — она сбрасывает с плеча рюкзак и ныряет туда рукой в поисках фотоаппарата. Этот намного меньше — полароид сиреневого цвета, который она всегда берёт с собой в университет. Он нужен. Так гораздо спокойнее, когда под ладонью скользит его пластик.

В день, когда они познакомились, футболка Найджела была того же цвета, что и эта камера. У Теи особое отношение к цветам, и, если бы футболка на Найджеле тогда была зелёной, то она бы не стала его фотографировать, потому что не переносит зелёный. Скверы и парки Тэ тоже не переносит. И даже комнатные цветы. Любые, вне зависимости от цвета бутонов. Своими стеблями и листьями они способны вызвать такой гнев, какой едва ли поддастся контролю. Непонятно, что движет этой девушкой в такие моменты, даже ей самой. Летом и весной, как сейчас, она всегда ходит по улице в темных очках, которые скрывают повсеместную и слишком кричащую зелень деревьев. Зелёный не вписывается в её рамки. Ужасный цвет.

— Сегодня провожу тебя прямо до дверей, — важно произносит Най, с неприязнью косясь на «мыльницу» в руках Теи. — Иначе ты снова начнёшь снимать своего «любимца» и так и не попадёшь на пары.

— Я всегда прихожу на пары вовремя, если не опаздывает автобус. Мой «любимец», как ты его назвал, здесь не причём.

Они стоят у ступеней внушительного белого строения в несколько этажей, и Тея, сняв очки, прислоняет к глазу видеоискатель и начинает следить через него за дорогой, настраивая фокус. У корпуса университета искусств ошиваются молодые люди: сидят на ступенях и болтают, спешно входят внутрь и стоят под окнами перед занятиями. Студентка с камерой в руках особого интереса не вызывает, здесь это не редкость. Тем более в это время. На часах без пятнадцати девять.

Идеальное время, минута в минуту. В такое время никто и не посмотрит на единственного здесь фотографа-аутиста, снимающего в университетском дворике того, на которого сейчас смотрят все. Этот парень никогда не опаздывает. Пунктуальное и беспрекословно верное прибытие, чтобы все заметили. Не хочет, но всё равно выделяется, не скрывая, что любит себя так же, как любят его все вокруг. Он кажется немного отстраненным и холодным. Кажется возвышенным, хотя и приветлив со всеми, кто бы с ним не поздоровался. И, каким бы банальным это не было, но парень не то, что знает себе цену, а даже гордится ей.

— Киан Янг, — тихо произносит Тея, щурясь в видеоискатель. Но лицо у неё не вздрагивает, как у многих, когда она наблюдает за этим объектом восхищённых взглядов через полароид.

— Тебе он нравится, — прямо заявляет Найджел замечая, как Тэ ведёт камерой по следу вышедшего из машины Киана. — Едва ли не каждый день его фотографируешь.

— Сегодня в чёрной рубашке, мне нравится этот цвет.

— Это я знаю, а он — нет.

— Он красивый.

— А вот за это напоминать ему лишний раз не стоит, поверь, чувак и без того в курсе. Сколько смотрю, как ты его снимаешь, ни разу не видел, чтобы он хоть разок взглянул в камеру. А ведь давно пора заметить своего верного папарацци.

— Он меня не знает.

— Зато его знают все, как и тебя. А это значит, Тэ, что ему всё же известно о твоём существовании, — на этом Найджел, выплюнув жвачку, носком кроссовка швыряет её в свежескошенный газон и торопится к воротам, бросая подруге через плечо: — Боюсь опоздать на новую работу — псина сама себя не выгуляет, а мне обещали хорошо заплатить!

Тея опускает камеру в растерянности, но не спешит надеть солнцезащитные очки. Она оглядывается по сторонам. Хочется спросить у Ная, что конкретно он хотел сказать: порой так трудно понять даже его! Слишком много информации. Ощущение в голове такое, точно сначала ударили обухом по затылку, а после сразу окатили ледяной водой под пение птиц. Вместе с тем она ощущает липкую плёнку свежих снимков между большим и указательным пальцами — это три снимка Киана. Тея снова видит, что ни на одном из них он не смотрит. Всё в порядке, так и должно быть. Он и не должен смотреть. Она снимает его не для того, чтобы быть замеченной, а для того, чтобы заметить, каково это быть в центре внимания. Быть нормальным, быть тем, на кого все ровняются... И ещё тем, который всегда получается в кадре, хоть не старайся и вовсе, по принципу золотого сечения. Всегда выходит идеально. Тэ садится на ступеньки и раскладывает фотокарточки на своих коленях, её полароид находится рядом, касаясь прикладом для большого пальца к бедру. Это ощутимое присутствие знакомой аппаратуры одаряет чувством комфорта и некой уверенности. Но слишком знакомый и различимый запах, витающий совсем рядом, вселяет в сердце тревогу. Тея резко вскидывает голову вверх и пугается.

— Прости, я тебя не задел?

Тот самый Киан Янг с её плёнки, поднимаясь по ступенькам, на мгновение отрывается от беседы со своими друзьями и смотрит на Тею. Становится вдруг невыносимо тесно, а голос Янга повторяется раскатами грома в разуме. Он всё ещё смотрит и улыбается. И находится так близко, что можно протянуть руку и дотронуться, как до фотографий на коленях. Но Тея лишь принимает его улыбку не в силах улыбнуться в ответ и игнорирует взгляд, потому что никогда не смотрит в глаза.

Там скрывается ненависть. В прекрасных глазах Киана полно ужасающей ненависти.

Глава 2. Никто не смотрит

В солнечном дворике университета искусств почти безлюдно. Почти, потому что на холодных ступенях под козырьком у входа остаётся сидеть Тея Уайт, а вокруг нет ни души. Она опаздывает на пары. Сидит, качая небольшую камеру в обеих ладонях, и сама слегка покачивается в известный лишь ей такт. Слегка, взад-вперёд, пока тёплый ветер треплет на ней рубашку и сдувает с её коленей чёрно-белые снимки полароида.

Что-то не чувствуется порядка и отсутствует всякая собранность. Сегодня всё идёт наперекосяк. Камера — осколок дома в её ладонях — помогает укрыться, сжаться в собственных мыслях, где теперь стёрты разметки её дальнейших действий. Тея забыла расписание занятий и ищет виноватого. Виноват Найджел, заночевавший у неё в шкафу, виноват Киан Янг, ощущение присутствия которого так и не отпускает, и виновата сама Тея, закрывшаяся от реальности своим фотоаппаратом.

Она постоянно окружает себя снимками людей, чтобы отгородиться от одиночества. Ещё начинает бояться собственного взросления и так сильно тревожится из-за своей неуверенности, которая всегда отбрасывает её в начало. Она не даёт развиваться, двигаться дальше, как делают обычные люди. Тея же, в отличие от них, словно невидимка: есть и нет одновременно, за камерой ей видны лица всех, но никому не видно её собственного. Человек без лица. Винить её здесь не за что, это у неё в крови — быть другой. Она сомневается в себе, особенно во внешности и собственных возможностях, но не сомневается в остальных. Хотя в Найджеле иногда одолевают сомнения, и всё чаще такие, касающиеся самой Теи. Не хочется, чтобы Най оставлял её надолго, чтобы забывал о ней, чтобы, оставшись только на плёнке, стал воспоминанием... Вот что страшно. И температура от таких мыслей понижается в той же степени, как повышаются её сомнения в том, что она останется одна. Этот страх одиночества и боязнь общества. Она этого боится и ненавидит. Она странная. Люди всегда видят её такой или не видят вовсе. Да, если ты другой, то тебя сторонятся, боятся даже, может быть... Иногда случается. Только здесь, как в дикой природе: один боится другого не меньше, чем он сам.

Навязчивый страх сводит на нет все шансы, и как же часто Тэ думает об этом перед сном, когда остаётся одна. Её никогда не примут, так думается ей, и никто не станет относиться к ней всерьёз, когда поймёт, что её навыки общения граничат с уровнем пятнадцатилетнего подростка. Никто не заметит. Никто не посмотрит в глаза, что скрыты за фотоаппаратом. И будет не с кем разделить этот прекрасный и ужасный мир в собственном до боли ярком зрении и сверхчувствительном слухе.

— Эй, девочка, — вдруг кто-то за спиной хлопает её по плечу, выдергивая из собственного потока сознания. — Занятия идут. Ты либо входи внутрь, либо проваливай отсюда.

Тея произвольно дёргается от чужого касания: она не терпит прикосновений. И, уж тем более, таких внезапных и грубых.

— Я забыла расписание и не знаю, куда идти.

— Так, документы с собой? Давай посмотрим, что там у тебя, — этот мужчина в чёрной форме охранника фокусируется мгновенно. — Сейчас всё решим, за мной иди.

На часах треть одиннадцатого. За десять минут до окончания лекции (впервые!) в аудиторию входит Тея Уайт и пробегает растерянным взглядом по рядам студентов. Ищет собственное место, которое, к счастью, свободно. Её место не занято — хотя бы здесь можно поставить галочку в списке заведённого порядка. Очередное его нарушение свело бы Тею с ума, хотя она уже порядком устала за это утро.

Сидеть на своём месте, близко расположенном к кафедре, для Тэ принципиально: так она может лучше слышать и, если нужно, поправлять преподавателя в словах. На лекциях Тея чувствует себя уверенней, потому что знает, насколько она талантлива — ей так часто говорят. А о том, насколько красива, говорить не любят. Впрочем, сейчас сомнения одолевают сразу с двух сторон: страшно, что спросят о том, чего она не вспомнит, и что все посмотрят на неё так, точно узнали какой-то страшный секрет. Кажется, будто разоблачили. Может, не все, но кто-то явно смотрит в её спину так, будто метит выстрел лазерным прицелом. От этого не по себе не только на лекциях, но и между ними. И отчего-то кажется стыдливым это навязчивое желание подержать в руках родную камеру, ощутить пластик упора для большого пальца, протереть объектив... Тее стыдно достать из рюкзака фотоаппарат. Пусть к нему и к её странным действиям все привыкли, но она не хочет привлекать к себе внимание, а хочет уйти. Найджел, как всегда, оказывается прав: Тею знают все. Единственная с расстройством аутистического спектра в университете, владеющая своей памятью, как фотоаппаратом, не может не прославиться, какой бы замкнутой ни была. Её обсуждают, но сама она об этом не догадывается и, если бы знала, то вряд ли бы стала вести себя иначе. Стала бы прямолинейнее, точнее в словах, но не начала бы заноситься. Она стала бы увереннее, если бы знала, что будет услышанной.

В перерыве между единственной оставшейся на сегодня лекцией Тея выходит в коридор и направляется к автомату с едой. Ужасно выматывающий день. Сегодня всё выходит неправильно. Это не в порядке, но такое случается. Кажется, что она окружена взглядами, и будто бы Киан Янг повсюду: его запах, голос, звук походки, угадываемый по шарканью подошвы... Едва ли не весь его образ — это навязчивая идея с ежедневных снимков полароида. Он преследует на протяжении дня. А ей не нравится быть под наблюдением.

Когда Тея протягивает автомату купюру, чтобы получить любимый чуррос, то чувствует, как кто-то подступается из-за спины. Подстерегающее ощущение. Что-то в её душе, словно какой-то зверь перед тем, как пуститься вскачь, прижимается к низу, замирая. Так рождается страх.

— Теона, так тебя зовут, да? — в этом голосе, слышимом ей с такого близкого расстояния, только раз, и то случившийся сегодня утром, распознается Киан Янг. — Расскажи, а давно ты так в сталкера играешь? Тебе это, видно, нравится? Техником такой обзавелась — позавидуешь...

Тея слышит, как шуршит упаковка сладости внутри автомата, но не спешит её подбирать, а не торопясь оборачивается на голос. Там улыбается Киан Янг. Красивый, в чёрной рубашке, так приятно гармонирующей с тремя чёрно-белыми снимками, какие он держит своими пальцами. В другой ситуации, но с прежней картинкой, Тея бы пожалела, что

оставила камеру в аудитории, в рюкзаке — вышел бы отличный кадр... Сейчас же она жалеет о том, что за её плечами дверь автомата с едой, а не входная университета. Хочется убраться с дороги. Сильно, на грани потребности... А ещё забрать свои фотографии. Вырвать их и бежать скорее.

— Это полароид, — Тея старается говорить как можно спокойней, что даётся через силу: выдаёт нарочито важное звучание голоса. — Его устройство позволяет сиюминутно получать снимки, если вставлена плёнка, — её речь всегда кажется заученной, когда разговор заходит о фотографии — признак сильного влечения к одной этой теме.

— Я знаю, у меня и самого такой есть, но я же тебя не снимаю постоянно. Да и никого, в общем-то, если они этого не хотят. Понимаешь, что людям не нравится, когда с ними что-то делают без их согласия?

— Тебе нравится, — вырывается у Тэ. — Ты любишь внимание, и тебе нравится, когда я тебя фотографирую.

— О, ты так думаешь?

— Да, ты высокомерный.

Киан заметно теряется: он не ожидал такого напора от замкнутой, как ему казалось, аутистки. Что вообще она несёт? Ведёт себя так, словно он, Янг, приходится ей родственником, или, по крайней мере, близким другом. Похоже, она не осознает, с кем имеет дело... Однако здесь дело в другом: ещё одна проблема Теи Уайт в том, что она не может говорить иначе. Просто не в состоянии, ведь говорит она так, как думает. Говорит, как видят её глаза. Всегда начистоту, даже если от страха хочется плакать.

Эта ситуация, разворачивающаяся на первом этаже почти перед главным входом, не остаётся без внимания. Почти каждый, кто проходит мимо, останавливается и наблюдает. Вокруг понемногу образуется толпа. Кто-то переговаривается и посмеивается, а кто-то просто стоит и снимает на мобильник эту парочку небезызвестных по всему университету людей. Причём никакого противостояния между ними нет. Просто Тея Уайт, известная благодаря своему таланту и расстройству психики, смеет заявлять Киану Янгу, известному своей внешностью и состоянием, о том, какой он есть на самом деле. Это многих вгоняет в раж. А некоторым просто нравится то, как Тея позволяет над собой глумиться, принимая всё за восхищённую искренность. Или же им нравится сама Тея, которая по своей милой натуре и виду, ведёт себя немного по-хамски. Только никто из них и не представляет, насколько сложно ей это даётся... Тэ чувствует себя на грани. Всеми силами она старается не отречься от того образа, который здесь себе создала, чтобы не прослыть дурочкой. Истерика повлечёт проблемы. Лучше отложить её на потом, на дом, вместе с тем ощущением давления, как будто на тебя надвигаются стены.

— В подобной ситуации странно, что именно ты говоришь мне об этом, когда хочешь получить обратно свои фотографии. Может, перед тем, как я верну тебе их, не распишешься на каждой? Хотя, если распишешься, я лучше продам их, прослаблю тебя ещё больше... — сарказм в его голосе слышен всем, но не Тее, которая может понимать только слова, а не ту интонацию, с какой их произносят.

— Расписаться... Ладно, но у меня с собой нет ручки, — она простодушно мотает головой.

— Я дам, — улыбается Киан. А Тэ, которой нравится эта улыбка, не смотрит в глаза, где сгущается ненависть. — То есть фотографии тебе не нужны?

— У меня их много, — прямо говорит она. — И я в любой день могу сделать другие.

В этот момент толпа студентов вспыхивает пламенем эмоций — бурной реакцией после этих её слов. В чувственных ярких возгласах различимы одобрение, радость, смех, ликование, удивление... Множество всего. Поднимается настоящий шум, рёв, состоящий из неразборчивой палитры тембров голосов. Это сложно выносить и невозможно слушать. Громко, слишком громко... Вокруг Теи становится очень громко и невыносимо тесно. Настолько, что теперь нечем дышать, воздух точно перекрыло огромной нерушимой стеной, состоящей из раскатов человеческого голоса. Сознание сносит потоком страха, а к горлу подкатывает ощущение наступающей панической атаки.

Почему вокруг все смеются? Им весело, в самом деле? Странно, ведь Тэ не сказала ничего смешного... Рядом по-прежнему улыбается Киан Янг и потирает большим пальцем снимки, зажатые в его руке.

— Она сделает ещё, слышали? На меня начинается охота! — провозглашает он и подбрасывает фотокарточки в воздух.

Тея бросается вперёд, продираясь сквозь толпу. Она ощущает на своей холодной коже её движение, дыхание, запах, жар, исходящий от тел... И весь этот шум. Настолько оглушительный, что заставляет раствориться, поглощая разум. Все сигналы от органов чувств усиливаются стократно: ощущения, точно басы из огромных колонок гудят Теоне прямо в уши, и при этом она вовсе не на рейве в ночном клубе, а в коридоре университета. Так проявляется её аутистический спектр. Все запахи и звуки вокруг доставляют ей едва ли не физическую боль.

— Куда ты пошла? Будешь прогуливать последнюю лекцию? — громко спрашивает Киан. — Или возвращаешься за фотоаппаратом? Гордишься им, наверное, раз держишь у всех на виду... Лучше гордись тем, кто на твоих кадрах, слышишь? Не будь меня, то ты бы здесь не находилась.

Пусть Тея уже не видит его, но зато прекрасно слышит. И готова подорваться от его голоса, как на выброшенной под ноги петарде. Он слишком высокого о себе мнения, этот парень. Лучше бы он молчал, не открывал свой рот, чтобы по-прежнему оставаться идеальным. Ему вообще лучше следует научиться не разговаривать, когда Тее не помешало бы научиться говорить правильно, так, как все хотят её слышать. Но она не может, она — другая, неправильная. Сегодня весь день так неправильно складывается.

Второпях уйдя из университета, Тея в страхе оглядывается по сторонам и пересекает улицу. Делает она это наспех, переходя с шага на бег, обегая машины и пугаясь встречных велосипедистов. Гудки, звонки, трение шин о дорогу и шелест ветра в деревьях — от всего этого дикого шума некуда деться. Тея сторонится и торопится от него, направляясь

к детской площадке. Та находится напротив, и она уже видит, что её качели не заняты. Её четырёхногие качели с чёрным деревянным сидением.

Вокруг пусто. Нет ни детей, ни взрослых. Нет никого, у кого бы вызывала вопросы девятнадцатилетняя девушка, медленно раскачивающаяся на качелях. Она всегда так делает, когда уровень стресса доходит до красной отметки, и мозг напрочь отказывается от заведённого порядка. На качелях мир становится нестрашным. Тея успокаивается, хотя и жалеет о забытом рюкзаке в аудитории университета. Она уже не знает, в какой именно, но знает, что сегодня возвращаться туда не намерена.

— Ты почему здесь? — качели внезапно встряхивает, как и саму Тею.

Найджел, налетев так внезапно, держится за одну из боковых штанг качелей, и обеспокоенно заглядывает Теоне в лицо.

— Что случилось, Тэ? Где твои вещи? Ты вообще на парах была? — и тут он вспоминает, что его подруге не нравится, когда задают много вопросов разом. — Объясни, какого хрена я вижу тебя здесь, а не рядом с универом, где собирался тебя встретить, как обычно.

— Я была на занятиях, но не пошла на последнее. Я оставила там камеру и... — нехотя объясняет Тэ, глядя на свои кроссовки. — И ещё кое-что. Я оставила свой чуррос в автомате.

— Его теперь и там продают? Жаль, конечно, что оставила... Но только мне кажется, что дело не в чурросе, — Най присаживается на соседние примыкающие качели, сцепляет на цепочках руки и начинает слабо покачиваться, не отрывая ног от земли. — Может, тогда хотя бы вернёшься за рюкзаком? Что, даже не расскажешь, как там день прошёл? По тебе видно, что не очень. Прямо как у меня.

— Да, не очень... Я забыла свою камеру, — она не скажет ни слова больше о том, что так испортило день и привело её на качели, потому что считает, что полароид — это отправная точка всему. Остальные подробности без толку выпытывать: это объяснение того, с чего всё началось, она считает исчерпывающим. — Было три снимка, которые я сделала на неё утром. Я их потеряла, и теперь они мне больше не нравятся.

— О, столько деталей... — Найджел делает вид, словно знает истинную причину, хотя и догадывается, что ему больше ничего не расскажут. — А я утром в парке гулял, который тебе тоже не нравится, но не один, а с собаками, которых ты просто обожаешь. И почему ты не фотографируешь собак, Тэтэ? Они красивее, честнее и совсем не разговаривают — такие идеальные. Не то, что их паршивые хозяева... Из-за них мне ещё до конца недели мотаться, не имея ни хрена в кармане. Это проблема, Тэ, и так еле-еле концы с концами... А я привык зарабатывать и тратить каждый день. Это не принципы, ты знаешь, а такая же необходимость, как для тебя снимать свои кадры.

Не часто можно увидеть Найджела по-настоящему раздражённым, поскольку единственная вещь, куда направляются его сильные эмоции — это тексты или музыка. Тее нравится, как он играет на своём небольшом переносном синтезаторе, нравится, когда он поёт, подыгрывая себе на черно-белых клавишах пианино дома у Тэ. Тяжело полюбить музыку, раз для тебя любые посторонние внешние звуки, будто аллергены, поражающие

организм. А она бы так никогда и не полюбила, если бы не Най. Об этом своём таланте тот предпочитает не говорить, а просто отдаваться ему, когда остаётся время после работы. К слову, в свои двадцать три года он успел перезаниматься едва ли не всем, чем только возможно, в поисках денег. От нагруженного курьера и разносчика обедов вплоть до официанта и бармена. В памяти Тэ невольно всплывает момент, когда Най лишь отшучивался по этому поводу:

«Серьёзно, я бы мог, кем угодно быть. Стриптизёром пошёл бы в клуб, на панель бы вышел... Мог бы быть и зарабатывать. Надеюсь, что до последнего всё же не дойдёт, иначе я закончу алкоголиком. Конечно, я мог бы заниматься тем, чем нравится — музыкой, но вряд ли бы стал получать от этого что-то, кроме самой музыки. Пока ты никто в этом деле, то будешь больше тратить, чем получать. Так устроен мир. А искусство устроено так, что перестаёт быть искусством, когда превращается в конвейерный бизнес».

Такое понятие по-прежнему вне зоны понимания Теи, для которой собственное увлечение — природная зависимость. Она не осознает и никогда не познает: как можно тратить время на то, что не по душе, даже если и зарабатывать при этом? Жить, чтобы на эту жизнь зарабатывать — так странно... Тэ считает и будет делать иначе. Она намерена жить, чтобы заниматься любимым делом, оставаясь счастливой. И зарабатывать на фотографии она намерена тоже.

Сейчас Найджел выгуливает собак, чьи владельцы не могут сделать это сами: нет либо времени, либо их самих. Последнее случилось как раз сегодня, когда он, зайдя в дом, обнаружил не только трёх голодных породистых псов, один больше другого, а ещё и записку от пары их хозяев. И купюры, предназначенные, правда, совсем не для Найджела. Из строк записки он выяснил, что на них нужно будет купить четвероногим недельный запас еды, и навещать их, соответственно, пару раз в день, чтобы покормить и выгулять.

— Чёрт, могли бы и мне в залог чего-нибудь оставить, — продолжает рассказывать Найджел. — Так ведь нечестно: псынам — корм, а мне жрать что? Но, знаешь, я им отомстил... Купил корма подешевле того, который был заявлен.

— А если собаки отравятся?

— Об этом я не подумал, зато подумали они, потому что даже не начали его есть, я только что от них. В общем, надо опять идти в магазин и брать тот, который нужен, иначе в следующий раз они меня самого живьём съедят.

— Эти животные приручены, вряд ли такое возможно, — Тея пожимает плечами.

— Я просто шучу, Тэ, как же ещё в подобной ситуации быть, — Най улыбается и протягивает руку вперёд, чтобы добродушно похлопать её по плечу, но вовремя одёргивает себя: нельзя трогать. Когда-нибудь, может, это станет позволительным, ведь на первых порах их общения Тэ было дико неудобно от одного прямого взгляда на себя со стороны друга.

Супермаркет, куда они направляются, находится рядом с университетом, по ту сторону улицы. В его зеркальных окнах, расположенных одним длинным рядом, мелькают фары

проезжающих мимо машин. Товары здесь не из дешёвых. Прогуливаясь между бесконечными витринами, Най поражается ценам, округляя глаза — суммы на ценниках кажутся баснословными. Причём за продукты, не представляющие из себя ничего особенного.

— До меня только дошло, как в этот раз мне повезло с работой, — произносит он, когда они оказываются в отделе для животных. — Если они столько тратят на собак, то сколько тогда заплатят мне? Я в предвкушении, врать не буду. Вдобавок, есть, где спать... Я только что это осознал, прикинь. Хотя бы неделю проживу, как человек. Ещё один плюс того, что собаки не разговаривают — они никому не скажут, что их верный слуга неоднократно оставался на ночь...

Найджел поднимает руку и сначала хватается за воздух в попытке захватить с самой верхней полки собачий корм. Когда он оказывается у него, он, держа упаковку за уголок, протягивает её Тее:

— Оплати это, пожалуйста, и жди меня на выходе. Вот деньги, — он достаёт из кармана мятые купюры.

— Зачем? Разве тебе ещё что-то нужно купить? — она с непониманием смотрит на пальцы Най, где зажаты деньги.

— Купить, да... Не совсем, Тэтэ, я бы хотел взять здесь кое-что. В долг, в кредит, понимаешь? — его голос звучит взбудораженным шёпотом. — Люди на многие вещи берут кредиты: телевизоры, машины, даже фотокамеры... И за всё это они платят не сразу. А я возьму так немного еды — почему нет? Заплачу за неё потом.

— Я ни разу не слышала, чтобы в супермаркете брали кредит на еду.

— Это потому, что ты не ходишь в супермаркеты: еду на всех покупает твоя мама.

В сознании Теи прозрачным туманом сгущается непонимание, когда Най вскидывает указательный палец вверх, едва ли она начинает что-то ему возражать. Нельзя разговаривать, быть тише. Об этом просит её друг одними губами, не произнеся ни звука. Тэ отлично понимает по губам, но плохо понимает, зачем всё это. Она не пойдёт к кассе оплачивать собачий корм, а будет, по просьбе Най, неспешно идти впереди него. Она слепо вернется в его беззвучные слова, хотя и не понимает, что всё это значит. Здесь много людей, но всё их внимание переключено лишь на ряды и полки с продуктами. Это так странно — брать еду в кредит, потому что её нельзя будет вернуть из-за срока годности. К такой мысли приходит Тея, когда они минуют холодильные витрины, и она вспоминает, что всегда проверяет йогурты на просроченность, как учили. Происходящее — это ложь, абсурд... Кредит и продукты, оплачиваемые потом. Всё ложь, Най обманывает её. Хочется отрицать, но невозможно. Она видит, как в рукаве его чёрной толстовки исчезает небольшая палка колбасы, и как тут же Найджел прячет ладонь в карман, чтобы кража с шумом не выпала на кафель.

— Тэ, послушай, сейчас ты возьмёшь две пачки лапши и просунешь их в мой свободный карман, — шепчет он, прижавшись губами едва ли не вплотную к самому уху. Это не шёпот, а ветер. И его звук слышен всем вокруг. — Бери, никто не смотрит.

Тею пробивает на холодный пот, руки становятся влажными от волнения. Взять пару упаковок с полки и просунуть в карман Ная — просто ужасно. Она делает это быстро, хотя ей кажется обратное. Слишком шумно, замедленно, с выдающим опасение трепетом. И наверняка это выглядит жутко противоестественно — здесь так никто, кроме неё, не поступает. Никто не шуршит булкой в упаковке, опуская её в карман толстовки друга, внутри которой тот с напряжением сцепил свои пальцы у конца украденной салями. Приходится держаться невероятно близко к телу Найджела, совершая и эту кражу, чтобы было незаметно, как исчезает еда в одежде. Тее не нравится, что преступление осуществляется её руками, она не выносит, когда обманывают, играя на её доверчивости. А Най мягко улыбается и одними губами, как мантру, повторяет одну фразу: «Всё в порядке — никто тебя не видит, никто не смотрит...» в желании успокоить. А смотрят, кажется, все... И все понимают, что она — лгунья, в то время когда Тэ понимает другое: если она этого не сделает, будет только хуже. Она сделает хуже для друга, который рискует, чтобы не остаться голодным.

— На кассу мы ставим только пакет с кормом, пробиваем его, оплачиваем и сваливаем,
— тихо объясняет Найджел, заметив, как Тэ, явно нервничая, выкручивает свои пальцы.
— Спокойно, мы вне подозрений, слышишь? Ничего не случится.

Где-то на горизонте, в ореоле их зрения, пропускают свежесть весеннего вечера раздвижные двери супермаркета. Лужа под ними расплывается жёлтым пятном, греясь под уличным фонарём, а рядом равнодушно блуждают голуби, красные и синие, подсвечиваемые проблесковым маячком.

— Простите, ребят, я понимаю всякое, но это моя работа, — фраза от стажёра, проплывающего мимо, звучит, словно вырванной из общей беседы. Она проходит мимо ушей, воспринимается Найджелом, будто обращённой к кому-то другому, и он спокойно продолжает двигаться в сторону касс.

— Это полиция, — вдруг громко извещает Тея и роняет пакет с кормом на пол.

Слышится треск и, точно журча, из пластикового прорыва выкатываются гранулы шарообразной формы. Найджел, как будто в трансе, ничего не замечая, идёт вперёд. Он крадёт последние секунды, не может удержать, но и не отпустит всё, за что так держится. Перед глазами уже маячит та лужа под фонарём, когда он едва не падает на спину — под подошву попала эта галька под видом собачьего корма... Но всё равно поскользывается и, чтобы не упасть спиной, вовремя выбрасывает руки назад, как подпорки. Най не поднимается, когда уже доносится вой сирены, а наскоро подползает к холодильнику с водой, хватая ближайшую к нему банку с газировкой, с треском открывает и начинает жадно пить — какая, к чёрту, разница? Хуже уже не будет, они ничего не сделают.

А для Теи всё происходит слишком быстро. Слишком громко, близко, страшно, чувственно. И запредельно мучительно. Впредь до боли.

— Я вас не знаю, не трогайте меня, отпустите! Отпустите, я вас не знаю! — кричит она, пока один в полицейской форме с физической силой нагибает её и сжимает ей запястья, а другой старается сковать их в наручники. Тея знает, что не может, но всё равно пытается сопротивляться. — Перестаньте меня держать, мне больно, хватит! Вы мне никто,

отпустите! Отпустите, я вас не знаю! — она надрывает глотку в припадке паники, когда её ведут к полицейской машине — непереносимость чужих прикосновений, тем более таких насильственных, действительно посылает в мозг ощущение телесной боли.

Найджел лениво идёт рядом, тоже в наручниках, а полицейский лишь слегка придерживает его.

— Эй, дядя, вы делаете ей больно, разве не видно? Она — аутист, понимаете? — прямо говорит он, глядя снизу вверх на стражей правопорядка. — Её трогать нельзя, она этого не любит! Представьте, каково было бы вам, если бы вас шокером ударили постоянно? Неприятно, да? Так вот ей раз в десять хуже.

Оказавшись вжатым лицом в стекло полицейской машины, Тея чувствует себя на пару сантиметров свободнее, чем когда она была в руках самого полицейского. Разница мала, но ощутима. Ещё она ощущает себя съеденной, выпотрошенной каким-то монстром из дикого ночного кошмара и болезненно слабой. В её голове пылает жар, а к мокрому лицу липнет пыль с серовато-мутного лобовика. Только что она пережила нечто страшное, чего не случалось прежде. Но сейчас она больше не хочет отчаянно кричать, неистово рваться из чужих рук и хватать ртом воздух, как при эпилепсии. Хочет просто плакать, тихо и беззвучно. С ядовито-горьким привкусом дыма от запыленного стекла.

В её лицо в любимом сиреновом цвете, образованном от сине-красного мерцания проблескового маячка на крыше автомобиля, направлен объектив фотоаппарата. Впрочем, не только в лицо — вся Тея Уайт останется такой не только на своей памяти, но и на памяти Киана Янга, стоящего рядом с супермаркетом, скрыв себя за камерой. Мучительно прекрасное лицо Теи Уайт остаётся на плёнке её собственного полароида. Она вдруг замечает его вспышку и удивлённо приоткрывает рот. Следом она замечает и Киана, вышедшего на свет фонаря с чужим фотоаппаратом, и уже хочет что-то сказать, когда Янг, щурясь в видоискатель и пряча свои глаза, просит её без единого звука, одними губами:

— Улыбнись, сейчас ты слишком красива, — он думает, что его не слышно никому. Лицо Теи кажется ему болезненно красивым в своих неподдельных эмоциях.

Не кажется, хотя и стыдно признаться, — таким оно было всегда. Губы Тэ незаметно для неё самой вдруг расплываются в слабой улыбке. Измученную, в синевато-красных оттенках, еле дышащую — её заметили, её услышали. Доказательство тому — фотография с её же полароида, лежащая у ног того, кто её ненавидит.

Ненавидит в той же мере, в которой завидует и восхищается.

Глава 3. Анормальность

— Теона Уайт, можете выходить, за вас оплатили штраф, — извещает апатичный голос сотрудника правопорядка, а следом доносится звук отпираемого замка.

В стенах небольшой камеры предварительного заключения стоит спёртый воздух. Тея, находившаяся здесь около тридцати минут, дышит им приглушенно, урывками: воздух, скорее, запертый. Хотя здесь вообще трудно находиться, а не то что дышать. Не своё, чужеродное, неприятное — её обонянию невыносима подобная атмосфера. Стоит окинуть взглядом пространство вокруг: затоптанный пол, грязные и кое-где исписанные стены, потрепанная кушетка, на которой придремал Найджел, находящийся, по-видимому, не впервой за тюремной решеткой, как по стенкам горла начинает простукивать тошнота. Безднадёжное положение, когда усталость валит с ног, но принципы заведённого порядка не позволяют даже присесть, хотя разум тушит все очаги ощущений, поскольку все силы направлены на поддержание лишь одного — собственного существования.

— Кто? — спрашивает Тея, которая по совету друга и слова не произнесла, даже когда выпытывали номер кого-то из её родителей, вызубренный досконально.

— Какой-то важный парень в чёрном, выходите уже.

Стрелки настенных старомодных часов показывают без пятнадцати девять. Тея не оцепенеет, как сделала это двенадцать часов назад во двореке университета, когда заметит Киана Янга. Снова, уже в третий раз за день они пересекаются — это вне правил, вне порядка. Впрочем, сейчас она не верит: идеальный образ этого парня и обстановка полицейского участка никак не могут быть единым кадром. Пусть её глаза и отказываются верить, но нос в состоянии различить, как в тяжёлый воздух этого помещения врезается запах элганта с цитрусовой ноткой — Янг действительно поблизости.

— Если у вашей сестры аутизм, то вам стоит следить за ней получше — ошивается со всякими... — наставляет его полицейский, провожая к выходу.

— Я сам решу, что с ней делать, а вы — никто мне, чтобы давать советы.

На улице идёт дождь и пахнет сырым асфальтом. И листвою, и свежестью, и цветущей вишней — повсюду пахнет свободой. Тея не видит мир, игнорируемый мозгом от утомления, а чувствует лишь его запах — лучшее, что чувствовала за весь день. Она ни о чём не думает и просто следует за Кианом, потому что привыкла за кем-то идти, но не привыкла кому-то принадлежать. Приятно, что всё молча. Необычайно тихий Киан, присутствие которого всегда рождало собой шум, сейчас держит рот на замке, даже когда они опускаются на заднее сидение такси. Тею теснит запредельно близкое присутствие этого парня, она не знает, почему он заплатил за неё штраф, и что вообще следует говорить.

— Пожалуйста, отвезите меня домой, — просит она уставшим голосом у водителя и называет точный адрес. Затем она отворачивается и невидяще смотрит в окно, где капли дождя распадаются на стекле произвольной вариацией созвездий.

Она чувствует прикованный к себе взгляд, но не оборачивается, даже когда слышит знакомый звук — треск молнии своего рюкзака — это Киан, сидя рядом, достаёт оттуда полароид и возвращает Тее, осторожно расположив технику между её ладоней, сложенных на коленях. Пальцы тут же крепко обхватывают любимую камеру и не хотят отдавать, как обожаемую ребёнком пластмассовую игрушку. Янг усмехается — слишком

уж легко манипулировать, будто ребёнком с улицы. Он отдаёт ей и сам рюкзак, с несколькими тетрадями и разряженным на дне мобильным телефоном. Хочет отдать даже что-то из своего, чтобы избавиться от постороннего ощущения, которым веет от Теи. От неё исходит странная энергетика — чужая, неестественная, иноземная, точно она из другого мира. Странная она, не такая, как все, аномальная. Это отталкивает в той же мере, в какой притягивает. Киан всё смотрит на её профиль, прикованный к окну, за которым расплываются огни фонарей из-за дождя, и боится что-то сказать.

— Я хочу свою фотографию, — наконец тишину нарушает сама Тея Уайт.

— А поблагодарить ты меня не хочешь?

Хотя Тея и благодарит, но не спешит оборачиваться на этих словах, даже когда едва склоняет голову. За всё, что произошло сегодня, завтра ей будет очень стыдно — сейчас она просто не в состоянии переживать настолько сильные эмоции. Она чувствует себя выключенной, потому что в этом дне всего было в излишке: людей, внимания, стресса... Её аутистический спектр переполнен. Отключиться и побыть одной — это желание на грани нетерпимой потребности зависло в её разуме, убив все остальные. Кроме детального беспокойства.

— Зачем ты заплатил штраф за меня?

— Потому что ты повела себя, как идиотка... Я видел тебя с полицией. Так поступают либо дураки, либо дети, которые не знают, что нельзя брать всё, что хочется.

— Я делала это не для себя... — оправдывается Тея и с напряжением прижимает камеру к грудной клетке. — В отличие от тебя, потому что ты заплатил штраф, чтобы показать, каким красивым ты ещё можешь выглядеть. В своих же глазах. Ты слишком любишь себя, так ведь?

Киан молчит с минуту, а после делает ответный ход в этой словесной перепалке:

— Все аутисты такие? Все вы не думаете, прежде, чем что-то сказать вслух? Помалкивай, если не хочешь идти пешком, — он начинает открыто издеваться, вживаясь в свою роль. Его игра на публику — это красивая роль гордого, но чертовски очаровательного парня, улыбке которого готовы подчиняться все.

— Снаружи ты кажешься идеальным, — на этих словах окно такси запотеваает — Тея прижимает горячий лоб к холодному стеклу. Несносно стыдно признавать подобное, после чего невообразимо сильно хочется наружу. — Но это не позволяет тебе говорить такие вещи так просто: ты не знаешь меня.

— Как и ты — меня.

— Ошибаешься, — Тея тупит взгляд, чтобы не видеть улыбку Киана, которая столь заманчиво смотрится в оконном отражении. Ей она нравится, но теперь не нравится сам Янг, который только и ждёт, чтобы на него посмотрели. Такая же зависимость от чужого внимания, как у Тэ — от своего фотоаппарата.

Зависимость от этой техники, чёрно-сиреневого полароида, Тея выражает тем, что, крепко обхватив его обеими ладонями, держит вплотную к своему телу. Киан резко кидается к ней, выхватывает одной рукой камеру и прижимает к себе. Реакция незамедлительна и спонтанна — Тея вдруг вздрагивает и невольно порывается ему навстречу. И, сама того не желая, оказывается вынуждена заглянуть в лицо герою своих снимков, поскольку тот мгновенно перехватывает свободной рукой её шею, надавливая при этом где-то под челюстью. Придушенно, больно и чересчур осязаемо.

— А себе ты кажешься идеальной сна... — Киан не успевает договорить, потому что получает по руке. Тоже больно, чувственно и слишком внезапно. Об этом глухо кричит его приоткрытый в крайнем изумлении рот.

— Ты меня не знаешь, — между каждым словом Тея делает внушительную паузу. — Не прикасайся ко мне.

— Так это правда, да? Что к тебе и притронуться нельзя?

— Все разборки вне салона, пташки, — к их общему удивлению подаёт голос водитель. — Выходите, приехали.

Камера наспех вручается Тее в тот самый момент, когда та выбирается из машины. Конкретнее, Киан просто подбрасывает её в воздух с верой в хорошую реакцию девушки или в безумную любовь к этой злополучной технике. Впрочем, это неважно, когда она всё-таки оказывается пойманной.

— Спасибо, что привёз прямо к дому, — холодно говорит Тэ, поднимаясь по ступенькам и не сводя глаз с близкого сердцу объектива. За её спиной шаркает по гравию догоняющий шаг. Тея не хочет, но останавливается: их разговор в машине был прерван.

Они стоят на пороге двухэтажного дома под треугольным козырьком с ярко-рыжей черепицей, освещаемой подвесными уличными фонариками. Рядом, за полупрозрачной белой входной дверью свет оставлен специально — Тею давно ждут, а сбоку, за широким окном на песочной стене открытой террасы пламенеет в приятном освещении гостиная — её заждались.

— Помню, когда ты поступила, ходили слухи, что тебя, как музейный экспонат, трогать нельзя, — на одном дыхании произносит Киан. — Мол, чуть прикоснёшься — сразу истерика. А я взял тебя за шею, Тея, схватил, как щенка.

— Гордись собой, как и всегда, — безразлично отвечает Тея, блуждая растерянным взглядом по горящим окнам собственного дома, чтобы не видеть мучительно красивой улыбки — губы Киана расплылись в её изящном подобии. — Всё равно тебе не поверят.

— Может, здесь ты и ошибаешься, но зато мне поверят в другом. Знаешь, что такое компромат? У меня как раз имеется. На тебя.

Киан запускает руку в карман чёрного пальто и достаёт оттуда плёнку недавней свежести, где запечатлена Тея Уайт, прижатая лицом к полицейской машине. Здесь видно всё: её глаза, объятые страхом и ненавистью, губы, сжатые в смирении, руки, сцепленные за спиной сотрудником правопорядка, и проблесковый маячок на крыше автомобиля. Видно

преступника в грязной одежде, каким Тея Уайт не является. Она аккуратно подцепляет снимок с раскрытой ладони Янга и рвёт его на маленькие клочки. Янг улыбается, не возражая — у него есть ещё.

— Не такая уж ты и безобидная, как думал попечительский совет, решая принять тебя в университет... Ещё тогда надо было сказать отцу, какой опасной ты можешь быть, что тебя, выскочку, надо изолировать от общества, чтобы на глаза не попадалась. Не светилась, не выпендривалась своим всезнанием и не раздражала своим присутствием. Феноменальная память, перфекционизм, выдающийся талант к фотографии... Если хочешь быть, как все, не возникай, ладно? Если твоя гениальность граничит с безумием, не выпендривайся, понимаешь? Убирайся из универа по-тихому, если не хочешь скандала и «всеобщей популярности». Люди и так тебя шугаются, а то и вовсе обходить начнут. Проваливай, слышишь? Бросай, переводись, уходи из универа. Ты меня выводишь, как и всех...

— Мне это не мешает, — говорит невозмутимо, хотя взгляд туманится за влажной плёнкой. — Я поступала не для того, чтобы действовать кому-то на нервы, а чтобы учиться.

— Ладно, значит пойдём другим путём. Ты же хотела тот снимок, да? С полицейской машиной? Так выбирай себе, какой хочешь, и любуйся, свалив из универа, — он на мгновение достаёт целый ворох мятой плёнки со снимками Теи Уайт, демонстрируя их ей самой, и тут же прячет обратно в карман. — А если не хочешь, то только представь, что произойдёт, если какой-либо из них окажется на столе в ректорате.

— Понимаю, ты хочешь меня напугать... — Тея смотрит вниз, крепче сжимая в руках полароид — виновника всему. — Попробуй. Но я не представляю, что такое случится — я не могу, — действительно, она не может, поскольку её разум фактически не способен мыслить образами или абстрактными явлениями, а может лишь анализировать слова или действия. — Но, даже если произойдёт то, о чём ты говоришь, как ты потом будешь жить с этим?

— Очень свободно, — Янг снова улыбается, вводя Тею в заблуждение: улыбка на такие слова — невозможно... Но в глаза, как обычно, она не смотрит. — В отличие от тебя, потому что вряд ли такую лицемерку примут в приличное заведение. Куда ты потом пойдёшь? Шататься по улицам вместе со своим «крутым» дружкой, который тебя обманывает? Так что, решать тебе: уходить тихо или со скандалом...

— Тея, господи, наконец-то ты дома! — из-за двери доносится поражённый возглас, после — слышится щелчок замка, и на пороге показывается крайне встревоженная женщина. На нервах схватив дочь за руку, она тянет её на себя, затаскивая в освещённый коридор, и тут же воспалённым взглядом обращается к Киану с благодарностью: — Большое спасибо, что привели её домой! Вы уже ели вечером? Может, поужинаете с нами?

В ответ парень кланяется в вежливом отказе и мимолётно бросает взгляд на безучастную Тэ, стоящую с виноватым видом у стены. Её губы слегка дрожат, а руки нечаянно упускают камеру... Нет, они роняют её осознанно. Стекланный взгляд Теи Уайт не

выражает ни удивления, ни сочувствия. В отличие от Киана, который полностью удовлетворён происходящим.

* * *

Дома ничего не изменилось, и это было странно: незыблемое число десять в ритуалах повседневности, долгие сборы у зеркала сомнений, завтраки в одиночестве и даже верный своим привычкам Найджел, который, ожидая появления Теи на пороге, дремал в кресле на открытой террасе каждое утро. Подобные их встречи возобновились после заключения друга в камеру почти сразу: Тэ оплатила штраф за попытку кражи не потому, что хотела его освобождения, а потому, что переживала за трёх голодных псов, поскольку знала не понаслышке, как тяжело жить, когда даже забота о себе, так привычная многим, тебе не по силам. Всё шло, подчиняясь заведомому порядку, только до её выхода из дома — и это начало казаться бессмысленным, потому что больше не задавало темп дня. С ног на голову всё переворачивалось после. Университет искусств превратился в место, где от жгучего напряжения рвались лёгкие и черепная коробка.

Киан Янг был повсюду. Только ни на фотографиях и в сознании, как это было раньше, а в действительности. Он стал тьмой, преследующей день Теи вне дома. Вездесущей, абсолютной и незримо осязаемой. Те снимки с разбитого полароида не попали на стол ректора, они остались в руках Янга, дав возможность ощутить себя в новой роли — роли манипулятора. И мир Теоны, до недавнего совершенно нейтральный, окрасился в белый и чёрный, подобно миру с её же фотографий. Белый — это спокойствие и защита в стенах родного дома, а чёрный — это повсеместный сарказм внешнего мира, спутанность сознания и дробящийся на части аутистический спектр. В хлам с каждым ударом. Начинает казаться, что этому не будет конца... И никто не спасёт.

День, когда вместо всего полароида Тея взяла с собой в университет лишь то, что от него осталось — десяток пустых кассет — начался с музыки. Это тихое место встряхнуло пульсацией ритмов, как только Тэ переступила порог, и её прошибло вибрацией нарастающей мощности звука, точно она вдруг попала на концерт, а не в вестибюль своего вуза. Картинка окружающей действительности не совмещалась в её разуме одновременно со звуком: одно другому не соответствовало. Тея испытывала нервический, но терпимый дискомфорт, в то время как Киан, находясь в радиорубке, попеременно включал музыку то в одной части университета, то в другой, зная расписание группы объекта своих наблюдений. Или экспериментов. В тот день, сидя в глубоком чёрном кресле у широкого монитора, на который поступали изображения с камер наблюдения, он изучал реакцию Тэ на слуховые раздражители и остался чуть раздосадован: она была слабой, как ему казалось, поскольку у того, кто обладает лёгкой формой аутизма, от музыки не возникнет чувства сдавленности черепа. Лишь напряжение от нелогичности совпадений, хотя громкость звучания мешала управлять своим телом: Тэ невольно хваталась за голову, идя по коридору, затем резко переключалась на бег, а после и вовсе падала, оглядываясь в поиске источника звука — чёртовых колонок, развешенных едва ли не в каждом углу потолка... В то время, пока она искала место, где можно спрятаться, Кианом овладевал вкус новой страсти. И она была бы бессмысленной, если бы не приносила ему удовольствия. Удовольствия от насилия. Одно его движение — и Тея обращалась в бегство из того мира, где была больше не властна даже над собой.

На следующий день музыка никуда не делась из стен университета, но стала звучать намного тише, превратившись в ненавязчивый фон, лишь слегка покачивающий привычное движение мысли Теи Уайт.

— Как тебе вчерашний «рейв», Тея? Напрасно ты пришла сегодня, если бережёшь свою золотую голову для гениальных идей, а не для наших развлечений, — поприветствовал Киан Янг едва ли не с порога и тут же протянул руку к её волосам, но не прикоснулся к ним, а лишь провёл в паре сантиметров выше, будто бы поглаживая воздух. — Пожалуйста, ведите себя сегодня потише рядом с моей маленькой сестрёнкой, — обратился он уже ко всем студентам в коридоре. — Ей тяжело переживать шум.

Пребывая в заметном ступоре после этих слов, она никак не могла вразумить, что имеет в виду Янг, называя её «маленькой сестрёнкой»: мало того, что они одного возраста, так и родственниками друг другу никогда не приходились. Сначала Тее казалось, что этим проявлением заботы Киан старается ни то извиниться, ни то ввести в ещё большее заблуждение. Потом она мучительно пыталась понять смысл, скрытый в его добрых словах, хотя всё выглядело таким застенчиво честным и не могло не нравиться. Тэ больше не ощущала себя пустым местом или изгоем среди сверстников, поскольку всегда в поле зрения находился Киан и зачем-то ко всем обращался:

— Пожалуйста, не приближайтесь к моей сестричке, она этого не любит, — вежливо говорил он, хотя сам находился за пределами близко, и Тее это не слишком нравилось.

Ей было проще наедине с собой, когда никто не смотрит, но, пока бок о бок с ней прохаживался Киан, смотрели все. Сама же Тэ смотрела на свои пальцы, сжимающие пустые кассеты полароида, в то время пока Янг, прохаживаясь рядом, кому-то из своих друзей что-то рассказывал вальяжным тоном. Что-то абсолютно бессмысленное, вроде бы. А смысл всё же был, правда и оставался потеряннным в его бесчувственном голосе. У Теи не проходило ощущение, точно она находится под микроскопом. Оно не покидало и не приносило с собой ничего, кроме жуткой тесноты.

Она не заметила, как уже сама поверила, что Янг действительно приходится ей братом — стойкая вера в чужие слова в тандеме с природной наивностью давала основания. А все вокруг только улыбались, кивая и посмеиваясь. Другой реакции на слова Киана и быть не могло. Улыбка этого парня сквозила щемящей нежностью, его манера поведения — тоже... Но глаза, какие Тея не видела, смеялись и лукавили вместе со всеми. Это было вне досягаемости чуткого и до боли ранимого сознания аутистического спектра.

В тот же день, до начала последней пары, Тея, своим обычным порядком, направлялась к автомату с едой, когда за ней снова увязался Янг вместе с парой своих близких друзей. Одна из них, девушка по имени Дана, выглядела отстранённо и казалась чем-то обзлётной, а другой, которого звали Чейзом, с чувством растроганности сначала долго смотрел Теоне вслед, а после, ускорив шаг и подобравшись со спины совсем близко, вдруг остановил её, хватая за ворот рубашки, и задержался касанием длинных пальцев на верхних позвонках... Та остановилась, медленно обернулась и уязвлённо осмотрелась, рассеянно трогая место под шеей, откуда Чейз только что отдёргнул руку.

— О, такая неженка... Так у тебя аспергер или савант? — заулыбался он и потянулся к лицу Теи, но коснуться не успел — Киан, поддавшись некой мгновенной реакции, ударил его по руке тетрадкой с лекциями, отчего Чейз вскрикнул и непонимающе уставился на приятеля.

— Я просил не приближаться к ней, Чейз, и это касалось всех, — с особой значимостью объяснил Янг. — Никто, слышите? — он резко повысил голос. — Даже не смотрите в её сторону. Никто. Правда, Тея?

Тея едва заметно кивнула, затем быстро отвернулась. Она боялась не успеть поесть и опоздать на пары, не ответить выученный материал и оставить о себе плохое мнение. Страхи Киана касались лишь конечного пункта, и потому последнее всегда оставалось за ним. И слово, и действие. Ринувшись вперёд и остановившись в паре метров от Тэ, он выставил одну ногу с приподнятым носком. Сделал это обдуманно и нарочно, чтобы обязательно можно было споткнуться.

— Больно? — деланно поинтересовался он, наблюдая за Тэ, распростёртой на полу. — Вот и лежи здесь. Не помогайте моей маленькой сестричке подняться, я не разрешаю.

Ощущение, будто от посторонних глаз всех присутствующих летят камни, не заставило Тэ обнять себя руками и сжаться в комок, как она поступила бы прежде. Напротив, она просто раскинулась на полу и чувствовала, как их взгляды превращаются в камень, летящий мимо неё и дробящийся на осколки. Было страшно. И слышно, как разбивались глыбы об пол, не задевая тело, которое болело и пробивало на дрожь...

— Эй, соберись, Тея, не будь тряпкой. Поднимайся, — со скукой протянул Киан и скосил взгляд на лицо той, к которой обращался.

— Я не могу.

— В смысле? Поднимайся сама, если не хочешь опоздать, — Янг усмехнулся и собрался было идти, пока не расслышал:

— Ты сказал мне лежать здесь, — её голос прозвучал так же бесцветно, каким стало всё вокруг в её глазах.

Сердце Киана едва ли не таяло от густого ощущения сладости, когда он видел Тею такой. Такой ущербной и во всём цвету казалась она, лёжа на полу в центре затемненного коридора: руки были раскинуты по двум противоположным от тела сторонам, одна нога была согнута в колене, вторая — лежала прямо, а лицо не выражало ничего, кроме естественной красоты от лёгкого дыхания. Янгу же, напротив, дышалось с трудом. Воздух стал тягучим, карамельно-приторным до невозможности, он валил с ног. Действительно, хотелось опуститься на колени и упасть, очутившись рядом с Тэ в прохладной тени сквозняка, блуждающего по полу. Киан никак не мог собраться с мыслью, что он не может так поступить. Он знал, что нельзя, но ритм пульса холодных ладоней заставил протянуть руку вниз:

— Вставай, даю тебе свободу.

— Свободу? Мне? Скорее, самому себе... Признай, наконец, что вся моя боль — это твоя свобода. И наслаждайся...

Звук от удара прошёлся эхом в стенах притихшего коридора — Тея резко отмахнулась от протянутой ей ладони. Затем она быстро поднялась на ноги и, точно нелюбимые ею цветы, стала подбирать с пола рассыпавшиеся кассеты фотоплёнки. Спустя пару мгновений по толпе студентов перекатился слабый шёпот и смех, в сознании Тея напоминающий шуршание летнего дождя в кроне деревьев. А тот, кому это было адресовано, ощущал лишь одно — крик собственного сердца.

*Синдром саванта, иногда сокращённо называемый савантизм (от фр. savant — «учёный») — редкое состояние, при котором лица с отклонением в развитии (в том числе аутистического спектра) имеют выдающиеся способности в одной или нескольких областях знаний, контрастирующие с общей ограниченностью личности. Феномен может быть обусловлен генетически или же приобретён.

Глава 4. На траве без панциря

Тея увидела кровь прежде, чем почувствовала боль, которая вскоре стала жечь руку, заставляя вибрировать нервные окончания. Её кисть тряслась, а рукав белой рубашки постепенно окрашивался в красный. От боли на глаза уже успели навернуться слёзы, когда она сначала посмотрела на укусившую её собаку, а после — на Киана, обращаясь с вопросом:

— Что я сделала не так? Ты же сказал, что она голодная, что её покормить нужно... Ты говорил, знаешь, что с рук надо...

Тогда Янг не торопился с ответом, а просто смотрел на Тею так, как смотрят на солнце — прищуренным взглядом, не замечая ничего вокруг. Отличие было лишь в том, что глаза не резало болью, а пронизывало удовольствием. И всё в них было безупречно живым: панически приоткрытые бледно-розовые губы, дрожащие веки под длинной чёлкой и сомнение в извечно детском выражении лица.

— А ты всегда веришь в то, что говорят?..

Слепая вера в чужие слова, как проклятие, когда ты в аутистическом спектре... Тея никогда и никому не лгала. Она не умеет, не видит в этом смысла и не понимает, почему лгут другие и зачем так часто, едва ли не каждый день. Сама она верит чужим словам и разуверится в них лишь тогда, когда они исчезнут совсем, и люди перестанут разговаривать. Да, она верит всему... Вынуждена верить, поскольку это у неё в крови.

Это произошло один день назад. День, когда Тею укусил рыжий боксёр с белой отметиной на груди, был вчера. И сегодня Киан, минуя стойку охранника, вынуждает себя заглянуть в глаза того пса и мысленно поблагодарить его за то, что собаки не разговаривают. Он вспоминает, как Тея прижимала край окровавленного рукава белой рубашки к своему рту

и смотрела вниз, стыдясь собственной наивности. Да, Янг и не думал, что закончится всё далеко не так наивно, как начиналось... Он не думал, что Тея будет следовать каждому слову, чтобы защититься. Последний тому пример стал излишком даже для Янга — отсутствие этой аутистичной девчонки на парах поневоле обязывало винить самого себя, а не чёртову псину, которую забыли вовремя покормить.

«Тебе её не жалко, Тея? Глаза какие голодные, только посмотри... Она робкая, сама с рук не возьмёт, я знаю... Придётся открыть ей пасть и положить. Справишься?»

Киан стоит у окна, подперев лоб костяшками ладони, и наблюдает за университетским двориком с окна третьего этажа. Сейчас он вспоминает о том, что было вчера, потому что нечем больше довольствоваться и нечем себя занять кроме учёбы: Тея сегодня не пришла — отходит после укуса собаки, наверное... Впрочем, теперь это не её проблема, а Янга, поскольку это уже он нуждается в присутствии аутиста в своём спектре.

Если бы вчера Киан не спросил у Теи во время большого перерыва о том, боится ли она собак, этого бы не случилось — пёс, стоящий на охране университета, не прокусил бы девушке руку между большим и указательным пальцами. Если бы вчера, вопреки своим правилам, Тея бы не вышла во двор, который утопает в ненавистном ей зелёном, этого не произошло — Киан бы не стал предлагать покормить с рук голодную собаку охранника, отошедшего на обед, остатками печенья... И, наконец, если бы вчера Чейз не произнёс бы, совершенно не к месту и вскользь, что не доверяет крупным собакам, этого бы не последовало — Киану не пришла бы идея причинить Тее боль не своими руками... И студенты, какие находились на тот момент во дворе университета, оскудев разумом от палящего солнца, не стали бы снимать всё происходящее на свои смартфоны.

— О, смотри, кто там идёт, — неожиданно восклицает до боли знакомый голос за спиной Киана. Это Чейз, так внезапно оказавшись рядом, давит на его плечо сильной ладонью, и всматривается за оконное стекло. — Та с Аспергером, кажется...

— Тея... — Янг высоко вскидывает голову — выправка на зависть любой гончей — и внимательным взглядом окидывает дворик. — И где она?

— Я просто шучу... Просто трахаю твой мозг, Кики.

— Было бы чем, — он сатирично косится в его сторону и с едкой улыбкой продолжает смотреть в окно, опустив голову на сложенные руки.

— Ждёшь её, да? Скучаешь?

— Нет, просто скучно, не из-за неё.

Киан бессознательно объясняет себе, что нет причин для скуки, только дело в другом. Это закономерность, выработанная привычка. Киан привык к тому, что из всех вокруг, кто ожидает его взгляда, Тея — единственная, кто избегает. И поблизости не найдётся ещё такой же девушки, которая будет беспрекословно следовать тому, о чём ни попросишь. Впрочем, согласилась бы следовать любая, только не нужная ему — та, что вызывает ненависть, восхищение и зависть... Те же чувства, что испытывают все смотрящие на

Янга в коридоре университета, но без наличия одного — чувства привыкания, зависимости... Единственный, кто здесь зависим от Киана, это он сам.

— Сегодня уже не придёт: зализывает ранки... — подаёт голос Чейз. — Завтра появится. Что у нас в планах, что-то особенное?

— Да, тебе понравится... Я разрешаю всё.

— Всё? — глаза Чейза округляются в осмыслении того, что значит это его «всё». — Значит, Дана будет против...

— Это значит, что она теперь будет трахать мозг нам вдвоём... — морщится Янг и, заметив объект их беседы под окнами университета, добавляет. — Пора прекращать ей это курить.

* * *

Следующим утром схема в разуме Теи Уайт не соответствует действительности ещё до её прихода в университет — приходится добираться до него в одиночку. Пусть Най и проследил за тем, как она садится в нужный автобус, но не присел рядом, чтобы потом проводить до кованых ворот: мешали три крупные породистые собаки на поводках в его руке... Вдобавок они вызывали опасение у водителя автобуса, как и у Теи. Из-за случая с университетским псом в её сознании они перестали быть поголовно очаровательными, какими были прежде, и больше не хотелось их трогать.

Забинтованной ладонью Тея некоторое время сжимает переплетения кованой решётки, а обеспокоенным взглядом смотрит, что происходит за ней. Киана не видно — ещё рано. Но это не мешает пространству, пахнущему цветущей вишней, передавать заражение накаленности атмосферы воздушным путём прямиком в душу. Во дворике университета, как обычно, студенты: стоят, сидят, разговаривают, водят кончиками пальцев по экранам своих смартфонов — всё в порядке. Но стоит Тэ оказаться по их сторону изгороди, как тут же порядок рушится... Люди поднимаются со своих мест поочередно, как по команде и, пока девушка направляется к ступенькам, ей приходится терпеть на себе их прикосновения — каждое, как укус комара — зудит и раздражает.

Кто-то просто трогает забинтованную руку, интересуясь тем, сколько швов наложили, и старается прожечь лицо встревоженным взглядом, а кто-то подходит совсем близко и обнимает, как старого друга. Только эти объятия выходят односторонними, поскольку Тэ не будет объяснять каждому, что не любит, когда с ней так тесно общаются. Всё происходящее крайне абсурдно... Сорок восемь часов назад ни один из этих взволнованных таким не был, хотя ситуация позволяла: Тэ собственными пальцами трогала пасть немецкого боксёра, пытаясь засунуть печенье под оттянутую кожу его морды. Сейчас она, чувствуя на своей спине чьи-то руки, равнодушно смотрит той собаке в глаза и не спешит двигаться с места — всё равно через секунду подскочит очередной озабоченный её здоровьем и сомкнет либо руку, либо саму Теону в своих объятиях.

Как же мучительно и натужно терпеть. Она чувствует себя зажатой в углу на пределе истощения. Это чувство за гранью её раны, оно глубоко внутри — это то, что течёт по её венам... Это что-то гораздо большее, оно сравнимо с океаном — заставляет захлебнуться,

перекрывая дыхание водой, наполняющей лёгкие. И тошнота уже не раз нарастающей пульсацией сжимала ей глотку. Тея всё смиренно терпит. Он будет терпеть волну ощущений от каждого человека, пока в поле зрения не появится тот, кто выбросит её на берег, если захочет.

Из-за прозрачной двери на порог выходит Киан Янг и с заманчивой полуулыбкой осматривает всё вокруг. Он поправляет волосы, убирая их назад, с некой толикой манеры в этом жесте, склонив голову, а после — вниз, по ступенькам — спускается пружинистым шагом, сложив руки в замок в области солнечного сплетения. Привык играть на публику, привык быть заметным, словно напоказ...

— Сделай это правильно, — произносит он, приблизившись к самому уху Чейза.

Кукловод на недоделанном выступлении. Таким Янг видит себя сейчас, наблюдая со стороны за тем, как по его просьбе к бледной Тее приближается его друг.

— Больно не будет, — произносит Чейз и с театральной нежностью берёт девушку за перебинтованную руку. Следом, склонившись, прикасается губами к месту раны — между большим и указательным пальцами — и замирает до тех пор, пока Тея не придёт в себя от происходящего.

Хватает пяти секунд. Пять секунд, чтобы очнуться, после — ещё столько же, чтобы вырвать руку, широко раздвинув пальцы, и ощутить, как под повязкой натягиваются швы, наложенные позавчера. Их ровно десять, как попросила Тея для надёжности, хотя хватило бы и вполовину меньше. К слову, количество швов не имеет значения, когда они расходятся под давлением сиюминутно резкого движения. И Тея уже видит кровь, проступающую сквозь свежие бинты, которые менял Найджел этим утром, когда вскидывает руку вверх, чтобы схватиться за голову из-за того, что происходит вокруг... Она ощущает, как края раны отделились друг от друга, чувствует чертовскую боль, сводящую судорогой едва ли не всю руку, вплоть до плеча.

— Отойдите! — голос Киана звучит оглушительно громко, как если бы он крикнул в самое ухо, а не с порога университета. — Никто больше не трогает её, слышите?

— Навёл красоту, да, Кики? Пора бы и на подмостках появиться... — слегка охрипший голос, пропустивший это ироничное замечание, Тея слышит впервые. — На землю спустись лучше: её кровь настоящая.

— Ты опять это куришь, Дана? Какая кровь?

Дана, неподвижная и изогнутая, как ящерица, стоит у излома авангардных перил. Самопальная сигарета дымится тошнотворно сладковатым запахом между её пальцев, которые неторопливым жестом направляют взгляд Янга в нужную сторону. Туда, где коротко вскрикнув, Тея касается коленями газона.

— Я? Курю, да... А ты опять треплешь той крошке с каким-то там расстройством нервы, — отвечает Дана и, преподнеся к губам скрученный леденец, зажатый в другой руке, равнодушно наблюдает за тем, как Янг бросается к Тее и резко хватается её за запястье травмированной руки. Слишком приторная, чтобы не быть приятной, сладость карамели

растворяется на языке после терпкого дыма. Это подарок от Киана. Конфета, врученная затем, чтобы она, Дана, отвлекалась от сигарет, это задание провалила, зато оправдывает своё назначение в другом — помогает отвлечься от происходящего напротив, за которым уже не так гадко следить.

Крепкая хватка Янга не даёт вырваться. Кожа под его пальцами горит так, будто он схватился за раскалённый железный лом, а не за дрожащую руку Теи. Киан не видит всей паники в её глазах, поскольку те, по обыкновению, скрыты за тёмными очками. Когда он снимает их с её носа, Тэ сильно зажмуривает глаза и пытается отбиться от него здоровой рукой, которая стала, как чужая: движения хаотичные, рваные, как если бы отмахивались от огня... И кистью становится невозможно управлять, словно она живёт своей жизнью.

— Не трогай меня, не трогай... Отпусти, мне больно!

— Угомонись, я только посмотрю! — с запалом выкрикивает Киан и рывком притягивает к себе её израненную руку.

Открыв глаза, Тея впервые не видит улыбки, казалось бы, такой естественной для губ Киана. Видит только газон, от беспрестанной зелени которого во взгляде всё взрывается и идёт такими же кругами, как по воде, когда в неё кидают камешек. Она вдруг теряет равновесие, падает на Янга, и тот, вовремя перехватив её, валит на траву.

— Она там жива, Кики? Или потеряла сознание от твоего великолепия? — глумливо доносится прокуренный голос Даны. Она по-прежнему стоит у перил, скрестив на груди руки. В одной — завиток из карамели на палочке, в другой — дымящийся окурок.

— Эй, Дана, — громко зовёт её Чейз. — Может, сама подойдёшь, помотришь? Здесь так красиво, даже дышать страшно.

— Звук убавь, ладно? — вдруг оборачивается к нему Киан, в то же время прижимая Тэ к земле.

А та, в свою очередь, понимает, как много ощущений, своих и чужих, успела пропустить через себя за это утро... И сейчас, лёжа на траве, словно без панциря, больше не чувствует страха и смотрит на свисающий с чужой шеи галстук любимого чёрного цвета лишь за тем, чтобы не видеть нелюбимый и повсеместно разлитый зелёный.

— Ого! Откуда столько крови, Тея? — деланно удивляется Янг. — Так больно? Сама виновата. Сидела бы сейчас дома, не выходила бы никуда, если бы меня тогда послушалась. Вот оно и произошло — то, что ты не могла представить... Или не совсем то? И как, нравится? Хочешь, продолжим...

— Нет, — Тэ чувствует, как кроме самого Киана, к ней прикасается и край его галстука, скользя вниз по шеи. — Мне нужно, чтобы ты слез.

— С тебя? Я слезу с тебя только тогда, когда слезет Дана со своей дряни... Походу никогда. Но это, если ты говоришь о ситуации в общем, а так... Нет, не хочу, даже если тебе больно.

Прижавшись щекой к траве, Тея со всей силы сжимает веки. Хочется плакать. Хотя плачь не плачь — кто придёт на помощь? От этого толку мало, тем более, в этом положении: по двум сторонам от головы находятся ладони Киана, опирающиеся о землю, а над — его красивое лицо, замершее в своём выражении в ожидании чего-то не менее прекрасного. Тея не понимает, что тот от неё ждёт, хочет, требует... Не понимает, что происходит сейчас, когда вокруг люди, которые несколько минут назад с такой заботой интересовались её самочувствием, теперь одеревенело смотрят, периодически отпуская странные пересмешки. И повсюду всё дробится, как по кирпичикам, которые не скреплены между собой цементным раствором: Тея не может встать, но не хочет опоздать на лекцию, у неё от боли горит рука, но она не хочет кричать, чтобы позвать на помощь... Нагромождение этих сенсорных «кусочков» рассыпается, и ей хочется раствориться в воздухе, чтобы перестать существовать. Или остаться наедине с собой, спрятавшись в углу, и поддержать в ладонях родной фотоаппарат. Но, вместе с этим, она больше не боится Киана, потому что не видит его глаз, а смотрит только на рот и скулы. Даже хочет увидеть, что тот ещё для неё приготовил, потому что готова к этому. Готова ко всему.

— Почему ты так уставилась? На моих губах что-то есть? — спрашивает Киан, и Тэ видит, как его рот расплывается в косо́й улыбке. — Или хочешь поцеловать?

— Нет!

Собравшись с силами, она почти сбрасывает Янга с себя, толкая его в грудь, но тот вовремя перехватывает её за запястья и крепко держит их, не давая и шанса вырваться. Киан сокращает расстояние между ними, и Тея чувствует, что так тесно ей не было никогда. Она крутит головой, трётся спиной о траву, извиваясь, как змея, в попытке вырвать руки из ощутимо болезненной хватки.

— Хочешь, просто боишься, — эти слова пусть и произнесены шёпотом, но раздаются в сознании, подобно аплодисментам — гулким переливом. — А ты ведь не умеешь, да? Потому что никогда ни с кем не целовалась, а я могу стать первым. Соглашайся, чтобы они все умерли от зависти, — Янг наклоняется всё ниже, и его улыбка становится всё шире, и Тея уже не осознаёт, звучит ли его голос в реальности или же в собственных мыслях, превращаясь в навязчивое желание, но уже ощущает самого Киана напротив своих губ.

Тот смотрит на её бледное лицо, мучительно прекрасное в своей какой-то детской запуганности. Длинная светлая чёлка рассыпалась по лбу, открыв изогнутые в сомнении брови и жалкий взгляд. Нечеловечески красивое лицо, как у статуи, сквозит холодом под ладонью Киана, который чувствует, как внутри у него что-то со стуком рассыпается, как будто рушатся стены, после — вниз, с пульсацией — вдруг отдаёт прохладной дрожью в конечностях.

— Так, всё, мне это не нравится, — чуть сипловато произносит он и осторожно разжимает пальцы, отпуская запястья Тэ. Следом отпускает и её саму, перекинув ногу, согнутую в колене, через её тело. — Хватит позориться, иди, куда шла. А лучше вообще уматывай.

Не теряя зря времени, Тея наскоро поднимается и, чувствуя озадаченные взгляды всех присутствующих, направленные в её спину, направляется к кованым воротам. Она

слышит только шум собственного дыхания и сконцентрирована на том ощущении, когда рука Янга всё ещё была на её щеке. Понимает, что это едва её не убило, потому что пробило не хуже, чем от удара током. И от этого иллюзия повышенной температуры наполняет её голову тяжестью, и потому она просто идёт вперёд быстрым шагом, смотря исключительно на свою ненавистную обувь. Влажными и дрожащими ладонями она сначала прикасается к переплетениям кованой решётки, после, через минуту — выходит за её пределы, но кто-то вдруг преграждает ей путь. Тея пытается его обойти, не глядя, однако тот останавливает своей сильной рукой.

— Тэтэ, ты что, не узнаешь меня? — спрашивает радушный голос. — Извини, что за плечо схватился, но куда это ты такая быстрая? С лекции текаешь, что ли?

Найджел улыбается в то время, как в уголке его рта виднеется белая палочка от леденца известной марки, и направляет заинтересованный взгляд на дворик университета.

— Что у вас там за столпотворение? — он поправляет бейсболку и как бы обыскивает глазами студентов, находящихся за изгородью, которые нехотя плетутся к центральному входу. Кроме одного. Най цепляется взглядом за девушку в розовой рубашке и с розовыми волосами, обхватившую себя одной рукой поперёк тела, держа в ней окуроч, а в другой, опущенной, — завиток карамели, прилипшей к её штанам. — И что это за принцесса Боннибель* там стоит? Разве курить не запрещено?

— О ком ты говоришь? — спрашивает Тэ бесцветным голосом, не понимая иронии. — У нас не учится никакой принцессы.

— Ладно, потом... Ты почему уходишь, когда они все входят? Что случилось? Если тебя кто-то из них обидел, я всажу леденец той девицы ему по...

— Киан сказал мне уходить, потому что хотел меня поцеловать.

Найджел замирает, приоткрыв рот, из которого тут же вываливается конфета. Он переводит обезумевший взгляд с Теи на ту студентку с леденцом и обратно, будто выбирая, к кому бы из них обратиться за выяснением подробностей происходящего. И Дана, заметив это, кивает, наконец выпустив из пальцев огарок сигареты — курить некрасиво, когда на тебя так смотрят.

*Принцесса Боннибель — она же принцесса Жвачка, одна из главных персонажей мультсериала «Время приключений», а также один из наиболее часто встречающихся персонажей. Боннибель является правительницей Конфетного королевства. Называя Дану её именем, Найджел, скорее всего, автоматически проводит аналогию в своём разуме между образом этой героини, цветом одежды и волос девушки и конфетой в её руке.

Глава 5. Цветы для Аспергера

— Киан красивый, да... Поэтому он позволяет себе всякое. Например, делать что-то плохое с одними людьми, чтобы привлечь внимание других. Я вижу, он так

развлекается... Потому что он делает это со мной в последнее время — играет. Ему весело, я видела, как он улыбается. Я так устала от него, Най. Утро всегда наступает слишком быстро, мне теперь не хватает времени... И всё совсем неправильно.

Этот изнеможенный голос заставляет проникнуться словами, которых обычно от неё не исходит самовольно. Тея не любит говорить о себе. Она начинает этот неприятный разговор уже после того, как они вернулись из больницы, где руки хирурга вновь прикасались к ней. Больницы ей никогда не нравились: там свет слишком яркий и всегда найдутся люди, которые слишком часто норовят тебя потрогать. Сегодня было терпимо, как и день назад, — она ничего не почувствовала — кисть была под действием местного анестетика, когда врач работал над раной. Хотелось бы вводить этот препарат постоянно, в каждую клеточку, и так потерять чувствительность во всём теле навсегда. И жизнь во многом улучшилась бы.

Пока, находясь в четырёх стенах родной комнаты, Тея чувствует, как на неё опускается забота. Здесь её фотографии, её кровать и её воздух — всё в её руках. И тяжёлый фотоаппарат, мирно покачиваемый её ладонями, словно передает сквозь кожу чувство защищённости. Тея любовно смотрит на него, сидя на своей белой заправленной постели, и по её телу разливается ощущение комфорта. Напротив, расположившись в кресле на колёсиках, за этой сценой наблюдает Найджел, которому нельзя подсесть ближе, поскольку Тэ так же, как и к себе самой, никому не позволяет прикасаться к своей кровати, ни говоря уже о том, чтобы быть на ней. А часы на прикроватной тумбочке показывают своим неоновым светом четверть двенадцатого, и Най не понимает, почему Тея молчит и не рассказывает ничего, хотя прошло уже больше десяти минут с её последнего слова.

Правда в том, что Тея уже увлеклась другим. Он слишком долго не держала в руках свой фотоаппарат, чтобы теперь так запросто от него отвлечься и перейти к неприятному разговору. Она подавлена. Не хочется говорить о своих чувствах. Говорить об интимном. Найджел уже начинает слабо напевать себе что-то под нос, когда подруга подаёт голос:

— Это нормально, если люди целуются на глазах у всех?

— Зависит от ситуации, на свадьбе, например, — да, но в общем... Не знаю, что там у тебя сегодня произошло с этим Кианом, но очень хочу услышать. Не молчи, Тэтэ, тебе причинили боль, а об этом нужно рассказывать, но только мне одному. Родителям нельзя такое знать — не избежать нервотрёпки, поверь... Так что происходит?

— Не знаю, всё неправильно, я больше не чувствую, что могу всем управлять... И собой. Со мной тоже всё неправильно, всё плохо... Я спать не могу, и читать, и фотографировать, — тембр голоса начинает движение вверх, в то время как взгляд, не двигаясь, упирается в одну точку. — Жить стало тяжело. У меня в глазах всё по отдельности, не могу ни на чём сфокусироваться... Как раньше, когда не...

Её речь так бы и продолжила литься бессвязно, если бы Найджел, вовремя вскинув пальцы в воздух, не подал бы знак остановиться. Он просит её выразиться конкретней, просит вернуться к началу. С чего всё началось? Что вообще можно ответить на такое, когда виноват либо ты сам, либо обстоятельства, которые так сложились и продолжают

складываться. И всё ещё не в твою пользу. Тея больше не ходит вокруг да около в своих словах, а говорит начистоту: всё началось с того, что она забыла полароид в университете, когда кинулась бежать от Киана. Потом были супермаркет, кража, полиция, фото... Всего и не вспомнишь, но рассказывать приходится. Она говорит о самом главном — о том, что если те фотографии, на которых она прижата к полицейской машине, окажутся на столе в ректорате, её исключат. И больше не будет шанса обучаться бесплатно. Какой бы она ни была: или странной для всех них, или особенной для себя самой. Уже на этом моменте своей речи Тея чувствует себя вымотанной, и сомнение начинает словно давить на язык, мешая разговаривать. Она просит себя собраться с мыслями, но не может. Делает вдох, делает выдох... И, в тишине комнаты уловив дыхание Ная, решает во всём признаться. Начиная с первого дня, очень громкого, и заканчивая сегодняшним, невыносимо тесным. Попеременно с этим, Тэ дополняет, что внимала словам Янга больше потому, что не могла иначе в силу своих природных особенностей, а не потому, что отец у того может оказать власть на попечительский совет университета, если увидит компрометирующие снимки.

О том, что случилось утром, Тея не говорит много. Сложно произнести что-то связанное, когда больше чувствовала, чем видела... Одно лицо Янга было в поле зрения, а он сам — целиком в спектре ощущений, лимит которых был превышен. Сегодня этот парень перешёл черту. Позволил себе большее, чем тогда, в машине, когда схватил за шею, как щенка... Большее в разы, поскольку Тея ощущала его на своём теле.

— Со мной так близко никто не был... — ей стыдно об этом говорить. — Я была уверена, что он сделает это — коснётся губами.

— Уж не знаю, чего добивается этот парень, но явно не твоего исключения, — устало произносит Найджел на одном выдохе, запрокидывая свою голову за спинку стула. На губах тут же расцветает улыбка двусмысленности, которую не видно Тэ. — Хотел бы — давно всё своему папаше на стол выложил.

— Я не знаю, чего он хочет.

— А знаешь, чего я хочу? Точнее, не хочу... Видеть тебя такой каждый день до конца учебного года. Как ни крути, а я не смогу забыть ту боль, которую он причинил тебе, моя дорогая...

— В этот раз никто не снимал, как тогда... Когда я кормила собаку его печеньем, — отрешённо говорит Тея и вдруг падает спиной на кровать. Она выпускает фотоаппарат, вытягивает перебинтованную руку в воздух и силится представить то, что видела утром — лицо Киана с невероятно близкого расстояния. Не получается — это вне возможностей спектра. — Жаль. Кто-то сказал, что было красиво... Хотела бы я видеть, насколько.

— И после всего этого ты продолжаешь считать Янга красивым?

— Нет, не считаю — он такой есть... Я вижу его таким. В моих глазах он не изменится. Как и в своих.

Представить Киана над собой не выходит, пусть в этом нет необходимости — Тея не хочет его видеть. И больше не намерена с ним встречаться. По крайней мере, в ближайшее время.

На дисплее фотоаппарата друг за другом проскакивают моменты — с каждым нажимом большим пальцем Тея просматривает снимки последних трёх дней. Она провела три дня со сломанной системой. Три неправильных дня или, вернее, не имеющих правил, прошли для неё с удовольствием. Сейчас она сидит на уличном бордюре и наслаждается ощущением тяжести любимой техники в ладонях. Её взгляд проникается изображениями с экрана, в то время пока до слуха отдалённо доносятся знакомые голоса, хотя их обладатели совсем рядом — стоит лишь обернуться.

— Это ты написал, Най? Ноты ужасно подобраны, как для какой-то песенки на утренник... Вот я сейчас прокручиваю их звучание в голове, и мне уже стыдно, — Юстас совсем некстати возникает с критикой — их уличное выступление скоро начнётся. — Я не буду такое играть, сам позорюсь.

— Какой, к чёрту, утренник? Вот, послушай, — Найджел опускает кисть на клавиши чёрного переносного синтезатора, работающего от батареек, и начинает наигрывать ноты скрипичного ключа. Из-под лёгких пальцев раздаются переливы простой, но приятной мелодии. Затем он подключает вторую руку, и музыка словно обретает форму — повторяющиеся аккорды из двух нот басового ключа звучат в ритм параллельно первой октаве. — Если не звучит классическим образом — это не значит, что звучит плохо.

Сейчас эти двое выглядят так, точно находятся не посреди широкого тротуара, по плитке которого двигаются навстречу незнакомцы, а в отдельной, для музыкального инструмента, комнате. Они игнорируют всё вокруг, будто ничего не видят и не слышат вовсе — ни людей, ни шума улицы. Хотелось бы Тее так уметь.

— Звучит не плохо... Музыка красивая, — говорит она, не отрывая глаз от дисплея камеры. — Напоминает колокольчики.

— Колокольчики, хы, — усмехается Юстас, опустившись рядом на бульварный паребрик. Он достаёт из кармана пачку сигарет. — Эту песню, Най, ты споёшь и сыграешь сам по своим же нотам. Остальные, как договаривались, — я за клавишами.

Пока Юстас следит за тонким силуэтом призрачного дыма с кончика сигареты, а Тея — за мелькающими моментами на камерном дисплее, в пространство вокруг начинают врезаться выразительно точные звуки клавишных аккордов. После — всё укутывает низким грубоватым голосом. Когда Най начинает петь, Тэ по второму кругу прокручивает плёнку, в которой жила. И продолжает жить, уже несколько дней подряд пропуская занятия в университете.

На снимках, чуть подавшихся реакции цифрового шума, видно, как весело им было — Найджелу и Юстасу. Тея развлекалась тоже, но её не было в этих кадрах — она всегда была за ними. Создавала их — в движении, настоящие, — и камера в её руках дрожала. С непривычки снимать в тёмное время суток, наверное... Но дело в другом: дрожали не руки, а вся Тея Уайт, поскольку система в её чутком сознании трескалась по швам. Быть неправильной, будучи ненормальной — вот вся суть. Когда ты неконтролируемый, эмоциональный и немного запутался, то лучше всего не оставаться одному. Тее нравилось

видеть и снимать, как Найджел и его друг вместе расписывают стены какого-то заброшенного склада в отдалённом районе своими именами и строками из собственных песен. Нравилось двигаться вместе с ними, тоже распылять краску из баллончика, а после — уматывать, куда глаза глядят... Фотографии, слегка размытые от природы ночного света, запечатлели всё: Ная, смотрящего через плечо в прыжке, Юстаса, сидящего прямо на асфальте, облокотившись спиной о стену, и банку чего-то пенного, разлитого рядом... Тее тоже было забавно наплевать на всё, как и им, хотя она и не понимала смысла этих действий... Просто не думала. Просто развлекалась. И не брала пиво, предложенное Юстасом: нужно было вернуться домой вовремя, как будто с учёбы, чтобы не вызывать подозрений родителей. Ложь, от которой за семейным ужином сводило зудом шею, особенно за ухом... Тэ была вынуждена лгать, потому что Най сказал, что иначе проблем не оберёшься. У Теи никогда не было проблем с родителями и, чтобы их не возникло впредь, Найджел не разрешал Юстасу курить свои сигареты рядом с чужой, при первом знакомстве, Теоной.

«Ты ещё рубашку с неё сними, постирай и выглади, чтобы её отец ничего не учуял. Возишься с ней, как с породистой собачкой перед выставкой. Без обид, Тэ, не подумай, будто я сравниваю... Просто уверен, что ты можешь больше, чем думаешь. Слушай сюда и запоминай: делай, что ты любишь, и люби того, кто делает что-то ради тебя».

Это сказал Юстас в тот вечер, когда они познакомились. Тея вдруг отвлекается от камеры и прикасается носом к своему плечу, нюхая футболку, — табаком от неё не пахнет.

— Как ты успела это снять? — им веет от Юстаса, когда тот резко оборачивается, задевая плечом, и смотрит на экран фотоаппарата. — Най здесь такой кайф ловит — посмотри на его лицо.

На фото Най со всей силы раскачивается на качелях, забравшись на сидение с ногами. Он так смеётся, что даже голову запрокинул. Может себе позволить: в тот вечер на детской площадке не было никого, кроме них. Тея тогда привела к своим качелям, которые находятся напротив университета искусств, когда Юстас спросил о тихом месте, что впоследствии стало громким... Они катались на качелях в темноте и делали это неправильно: стоя пыльными подошвами на месте. Качели, шатаясь и скрепя, выделяли едва ли не полукруг, а Тея поддалась ощущению свободного падения в тёплой вечерней прохладе мая. Спектр ощущений готов был взорваться, подобно динамиту, выброшенному в озеро, от свиста ушах... Но в тот момент Тэ об этом не думала. Поступала так, как поступали все, чтобы почувствовать, как врезаешься в атмосферу. Впервые она разделяла эмоции с другими, пропускала их через себя вместе с ветром, подобралась к ним настолько близко, насколько это было возможным. И осознала, каково это — ощущать дрожь не только от страха.

— Вот эту мне потом передашь, — говорит Юстас о той фотографии, где он же в главной роли: рисует изломанную оранжевую линию тлеющей сигаретой на фоне неосвещённой парковки. — Выглядит, как картинка.

— Это называется фризлайт — рисование светом в пространстве. Я случайно сняла, когда ты начал размахивать руками.

— Я танцевал, вообще-то: играла моя любимая песня... А тебе нужно зарабатывать на этом, — он указывает на камеру. — В твоём возрасте я уже работал.

— А до этого — всю войну прошёл, — насмешливо вставляет Най, завершив выступление последним отрывистым аккордом. Он щурится от солнца и растягивает губы в широкой улыбке. — Сколько тебе лет, двадцать четыре? А говоришь, как будто сверху годков сорок себе накинул. Не обращай внимания, Тэтэ, в его годы ещё не было такой техники — на пластинках фотки печатали.

Найджел выходит из-за синтезатора, прихватив с собой закреплённый к нему микрофон, снимает бейсболку и кладёт её на каменную плитку тротуара. Тут же кивает Юстасу, чтобы тот приступал к игре, и с улыбкой смотрит на Тэ, после — на всех, кто в тот момент находится в его поле зрения. Воздух наполняется звучными переливами клавиш и, пока их диапазон не достигнет пика, Най стоит, переминаясь с ноги на ногу, постукивая пальцами в такт по корпусу микрофона и периодически касаясь своих коротко стриженных волос на затылке. Петь начнёт после. И, начав, больше не улыбнётся и не посмотрит вокруг. Только вовнутрь, в самого себя — так можно лучше раскрыться. Его голос, тягучий и грубоватый, начинает овладевать им, а сам он, стоя на обочине, чувствует, как его сердце немеет. Он поёт, как будто никто не смотрит и не слушает, но люди начинают оборачиваться. А кто-то наблюдает, не спуская глаз.

— Выступишь на моей вечеринке? — спрашивает она, когда заканчивается песня, подойдя к Найджелу. Тот начинает без стеснения подолгу всматриваться в её лицо, вспоминая, где бы ещё мог видеть эту девушку.

Тем временем она, присев на корточки у бордюра, где сидит Тея, кивает ей и срывает с клумбы один из маленьких сиреневых тюльпанов. С незаметным раздражением, поскольку глаз не видно за тёмными очками, Тэ косится на её руку, цветок из которой вскоре оказывается в прорезе бейсболки Ная, лежащей на тротуарной плитке. Будь она на месте друга, то выбросила бы этот тюльпан вместе с кепкой — вид зелёных стеблей вызывает неконтролируемое отторжение и в душе, и в разуме.

— Денег сначала дай, принцесса, — отвечает Найджел с сатиричной, в противовес своему серьёзному голосу, улыбкой, сверху вниз глядя на Дану. — На такую подачку я себе даже конфетку купить не смогу.

В ответ на это Дана не спешит подниматься, а просто достаёт из бумажника купюру порядочной суммы и молча кладёт её внутрь бейсболки, рядом с сиреневым бутонем. За этим жестом следует улыбка растянутых губ Найджела в безоговорочном одобрении. Он закрепляет микрофон над синтезатором, заговорщически ухмыляясь Юстасу, а затем возвращается к Дана и опускается рядом, прикоснувшись коленом к земле.

— Я выступлю, если ты не шутишь, но на своих условиях, одно из которых — наличие этих ребят со мной, — говорит он приказным тоном, глядя исподлобья. — Когда?

Тея слушает их дальнейший разговор и понимает, что ей не нравится эта идея: много известных слов звучит в незнакомой интерпретации и манере, будто они говорят на другом языке. А девушку с розовыми волосами, от которой пахнет чем-то удушливо

сладковатым с дымным оттенком, часто видно рядом с Кианом. Тэ чувствует недовольство, но Най обещает порядок. Обещает всегда, когда речь идёт совсем не о нём.

* * *

Проснуться от громкого стука никогда не входило в планы, даже если звонок будильника оставался проигнорирован. В последнее время Тея не высыпается. Страдая от бессонницы, просыпается от слишком ощутимых, едва ли не телесно, снов, какие раньше никогда не смели посещать её разум — он никогда не видела картинок в своей голове, исключая тех, что играли роль воспоминаний.

Стук в дверь переходит на дробь, и ещё не проснувшись Тея проклинает каждый удар, который мешает привычному ритуалу в постели. Медленно открыть глаза, ощутить запах одеяла, взглянуть на полупрозрачные шторы и опустить ладонь на прикроватные неоновые часы — всего этого не происходит. Она откидывает одеяло, резко садится на кровати и чувствует, как тело пробирает холодом. Погода за окном омрачает — небо тяжёлое, как грязная вата. Выудив из шкафа первый попавшийся свитер — бежевый, вязаный и без горла — она надевает его поверх майки для сна и выходит из своей комнаты. Ступеньки, ведущие на первый этаж, приходится почти перепрыгивать — стук достигает пика. Тот, кто создаёт его, осведомлён, что Тея в это время дома. Как всегда.

— Най, ещё чуть-чуть — и ты бы выбил дверь... — вместо приветствия говорит Тэ и сонно смотрит на свои босые ноги. — Зачем так стучать?

— Ты ещё спрашиваешь? Там ливень, — он спешно проходит и начинает оттряхивать букет цветов, служивший ему некоторое время зонтиком, от лишней воды. — Ой, это тебе, кстати... Не от меня, не подумай, — уже лежали на пороге.

— Мне? — Тея с подозрением смотрит на бесчисленные соцветия красных гиацинтов — каждое в бисере дождя. — Я не заказывала.

— Значит, подарок... Хотя от кого? Скорее всего, в доставке просто ошиблись адресом и кому-то обломали всю романтику, долбаки... И куда их теперь?

— Кинь в ванну, пожалуйста, чтобы не видно пока было, — позавтракаем, и я от них избавлюсь.

— Ты даже не фотографируешь меня с ними? Я бы потом всем хвастался, что это мне подарили... За выступление, например.

— Кадр испортят, — морщится Тэ, окидывая взглядом стебли и листья. — Оставь их в ванной, скорее.

Пройдя в кухню, белую и с древесной отделкой, Тея присаживается за стойку и, поставив локти на столешницу, с глубоким вздохом обхватывает голову руками. Если за пределами дома правил больше не существовало, то в его стенах они сохранялись по-прежнему и исполнялись безоговорочно. Вид зелёных живых цветов удаётся рассеять в глазах почти сразу, окидывая взглядом шкафчики из древесины, но таким способом не избавишься от воспоминаний с прошлой ночи. Когда в пространстве, в теплом и тесном, Тея лежала, мучаясь без сна. Это стало невыносимым — видеть Киана, поселившегося в голове. Он

там убивает её, не прикасаясь. Находится рядом, будучи отрезанным, присутствует незримо, маяча образом в разуме... Он ничего там не делает — просто есть, как запечатлённый на снимке. Его, сохранённого на карте памяти разума Теи Уайт, оттуда никак не стереть. И, даже не допуская мысли, его голос можно услышать, как шёпот в ухе.

Снов раньше не было никаких. Они стали приходить, как только начала рушиться система, и сразу в образе кошмаров. Идеально красивые кошмары каким-то образом теперь возникали на задворках сознания ежедневно. Последний был приятным до ужаса: то, чего не произошло несколько дней назад в действительности, случилось сегодня во сне — Янг всё же поцеловал... От этого хотелось позвать кого-то на помощь, потому что сознание, достигнув предела спутанности, начало перезагружаться. И система управления разумом перестала поддаваться контролю.

Тея никак не может собраться с мыслями после бессонной ночи, хотя и рвётся к этому сквозь безобразный ворох слишком красивых, но абсолютно бестолковых соображений. Пространство комнаты в белом замирает в молчании сна. Она спускается с высокого стула и осторожно, словно боясь споткнуться, направляется к ванной комнате. Под голыми ступнями чувствуется холодный паркет. Найджел должен что-то сказать, у него найдётся несколько правильных слов... Этот философ, возвращённый улицами, как выразался о нём Юстас, знает ответы на всё.

В небольшой ванной комнате воздух наполнен дымными облаками и пахнет табаком. Най располагает в сухой ванне во всей своей одежде, удобно свесив ноги, согнутые в коленях, с бортиков. Не услышав, как вошла Тэ, он запрокидывает голову и продолжает курить, наблюдая, как дым с его сигареты смешивается с остальным уже загрязненным пространством.

— Так ты тоже... — замывшись, произносит Тэ и подходит к нему. — Все курят, какого чёрта, почему не могу я?

— Тэтэ, ты... Боже, прости, я сейчас потушу, вот, — он на секунду открывает кран, подставляя сигарету под струю воды, и тут же закрывает его. — Я всё проветрю, не дыши, выйди пока.

Тея больше не действует беспрекословно по велению чьего-то голоса, а делает то, что хочется самой. И сейчас ей кажется, что дым в комнате — это меньшее, на что следует обращать внимание. Найджел курит, да. Курит в её доме, где курить запрещено, но важно не то, что в его руках — сигарета, а то, что рядом — букет влажных красных гиацинтов... Тэ с заметным трепетом поднимает его со дна ванны, а после — рукой вытянутой до максимума, — держит от себя и тут же бросает в унитаз.

— Чудная ваза, чудная... Это фарфор, да? — насмешливая улыбка Ная видна сквозь редкий дым, ещё не до конца растворившийся в воздухе.

Длинные стебли помещаются внутри, а соцветия, яркие и неисчислимы, алеют над белым ободком унитаза. Прежде, чем нажать на спуск, Тея долго смотрит на них и не понимает, почему начинает считать их красивыми в этом месте. Даже жаль расставаться, такой

контраст любимых цветов — красного и белого — когда из поля зрения пропали стебли нелюбимого зелёного...

— Давай я это сделаю? Если толчок навернётся, скажешь родителям, что Найджел сломал — мне они ничего не сделают, — он неуклюже выбирается из ванны и становится рядом, чутко смотря на Тею.

Та отступает на пару шагов и прижимает руки, сжатые друг с другом в кулаки, к мягкой поверхности свитера. Она ощущает, как дрожь пробегается по её голым ногам, пока в глазах всё ярче багровеют цветы, среди которых едва заметен клочок бумаги с именем отправителя... Под светловолосой включенной чёлкой Тея прячет свой взгляд, который больше не сквозит равнодушием. Найджел, не обращая внимания, сначала прижимает бутоны округлой щёткой, утрамбовывая, следом — зажимает кнопку слива на бачке... Соцветия сперва захлёбываются водой, но через пару секунд — вниз, по трубам, — следуют в темноту канализации.

— Утопил, как крысят, — даже жестоко, не думаешь? — он весело смотрит на Тею, но тут же меняется в лице. — Эй, что с тобой? Ну, не делай такое лицо, не надо плакать...

Глава 6. Без ограничений

Вжимаясь в широкую спинку кровати, обитую чёрной кожей, Киан Янг улыбается сам себе в пустое пространство комнаты. Своим мыслям, вернее, ирреальности. Иногда представления о ней выглядят в его глазах яснее, чем сам день. Правда, сегодня за окнами пасмурно, ничего не видно из-за тумана и холодного воздуха. Зато здесь, дома у Даны, атмосфера скоро раскалится до предела и будет на вкус, как виски. Янг даже чувствует этот запах: дымный, чуть отдающий жжёным сахаром... Резко становится тепло. Она, теплота, распространяется под одеждой, и парень расстёгивает верхние пуговицы на рубашке, белой в чёрную полоску. Затем он подкладывает одну из светлых подушек себе под голову и ложится на одеяло. Спать не хочется, и он пока не пьян. Просто слишком жив, чтобы видеть будущее, улыбаясь и глядя в потолок.

Предстоящий вечер вряд ли станет таким особенным, если бы не один очень приятный изъян... Киан кое-кого ждёт. И в этот раз, надеясь, что точно не напрасно, как было всю прошлую неделю.

Тогда были разорваны и дни, и ночи. И было скучно до невозможности, и наплевать на всё, как и сейчас. Он остался один, и в его голове, подобно дыму, оседает приятная апатия, обволакивая собой и без того недвижимые мысли, где застыла картинка невозврата. Нельзя перемотать. И он об этом сожалеет. Вдруг понимает, что всё зашло слишком далеко. Понял несколько дней назад, по сути, но теперь вновь напомнил себе об этом... Обо всём. Когда видишь живую кровь, это уже перебор. Чертовски страшно. Кровь, пролитую тобой, пусть и не собственноручно, но зато дважды. Пугает до чёртиков. Пугает так же, как и сводит с ума, когда перестаёшь себя контролировать. Во всей той ситуации было нечто очень привлекательное — сама Тея. Она действительно смотрела на него, лёжа на траве. И, даже если бы тогда её эмоции стали отражаться бесконечным эхом

в пространстве, и рядом не было никого, Киан бы не оторвался. Но Тея молчала, а вокруг, столпившись, как перед ареной, находились все... Хотя лучший вид всё равно открывался напротив и сверху. Когда Янг, наклонившись почти вплотную, видел её лицо. В тот момент стало страшно. Просто панически, но не за Тею, а за себя. Точнее, за свои ощущения, которые та создала в нём и каких быть не должно...

Сейчас он сожалеет о том, чем это всё далось. Не нужно было ни боли, ни крови, ни самой Теи Уайт в спектре его зрения. Если бы пару лет назад Киан как-то повлиял на решение отца взять эту девушку с расстройством аутистического спектра в университет, этого бы не случилось. Вообще ничего. И не пришлось бы изо дня в день скрывать свою улыбку и насильственно прятать глаза от камеры всякий раз, когда его снимают. Когда остальные смотрят напрямую, не таясь, а один — через видеоискатель, замаскировавшись полароидом, — этого пропустить невозможно. Особенно, если так происходит каждый день. Киан не отрицает, что заметный, но признает, что Тея заметна не менее. Даже больше: в его глазах она была заметнее, чем он для самого себя при прямом взгляде на собственное отражение.

Странно понимать всё это именно сейчас. Здесь, лёжа на кровати в одной из спален большого дома Даны, глядя на фотографию Теи Уайт, помятую и со стершейся кое-где краской от постоянного ношения в кармане и нескольких стирок... Неужели эта девушка думает, что сможет сдерживать себя вечно, принимая всё так близко к сердцу? Постоянный контроль. Возможно, именно он сделает её сумасшедшей. Киан усмехается, глядя на эту робкую улыбку на снимке от некогда работающего полароида... Если ещё не сделал.

Киан не знает, даже не догадывается, что девчонка с фотографии уже такая. Запутавшаяся и потерявшая контроль... Как и он сам.

Застенчивая, беззащитная и прекрасная. Именно так выглядит Тея Уайт на этом небольшом квадратном снимке в белом обрамлении плёнки полароида. Киан, перевернувшись на бок, кладёт согнутую руку между подушкой и своей головой и долго всматривается в лицо этой странной девушки на фото. Он чувствует, что скорее умрёт, чем признается ей или кому-либо ещё в том, как дико не хватало этого её аутистического присутствия в своём нормальном спектре. Признается самому себе, в первую очередь, — это хуже всего... Впрочем, уже признался, потому что достал эту фотографию из кармана, хотя и запретил себе даже к ней прикасаться, когда прятал. И смотрит теперь, не отрываясь, как в прозрачную воду, сквозь которую видно всё.

Странно принимать это, осознавая собственные ошибки, признавать, когда ощущение своей же неправоты поджигает разум... Киан хватается за соседнюю подушку и прижимает её к себе. Он чувствует жуткое одиночество, буквально давящее на кожу. И вспоминает, что к Тее нельзя прикасаться, поскольку она этого не выносит. Не терпит и сразу рассыпается, как поникший цветок, которому не дают достаточно света в страхе за то, что он слишком быстро вырастет. И те гиацинты, доставленные ранним утром к порогу дома с рыжей черепицей, такие же яркие и трепетные, как их адресат, должны были стать ей об этом напоминанием. Во всяком случае, Янг попытался донести до неё эту мысль в записке, прикрепленной к букету, вместе с извинениями. Сложно писать

тому, кто во многих отношениях беспомощный и отсталый... Такой и является Тея Уайт, так не похожая на Киана, рано созревшего в сфере подобных отношений. Это не было признанием. По крайней мере, не любовным: он не умеет любить кого-то, кроме себя. Это единственный выход, если боишься боли, хотя так было не всегда. Теперь он беспокоится, что снова совершит ту же самую ошибку. Правда, нельзя обжечься о того, кто к себе не подпускает... Успокаивает не больше, чем обнадеживает.

Маленькая фотография Теи между пальцев, как намёк на её скорое присутствие в этом доме. Сейчас здесь тишина, как перед бурей, перед взрывом. И вскоре пространство вокруг подорвётся так же, как и аутистический спектр этой девушки с едва заметной улыбкой на снимке. Янг понимает, как она красива в своём цвете. Возможно, даже красивее, чем он сам, но это больше не так важно. Теперь важно другое: больше не допустить, чтобы кто-то разрушил эту красоту, в очередной раз показав, что реальность страшна. Важно оберегать её, держать, как цветок в бутоньерке, не позволяя никому прикасаться. Или заботиться, как о том, что стоит перед окном и не распускается, боясь света внешнего мира.

— Ты теперь мой цветок, да? — тихо спрашивает Киан, обращаясь к фотографии, которую он держит перед своим лицом. — Поставлю тебя на солнечную сторону...

* * *

Здесь безопасно. Так обозначает для себя Тея Уайт это место, хотя была уверена в обратном. Тёмно-коричневый кирпич стен и тёплый желтый свет от низко свисающих потолочных светильников и гирлянд. Освещение, которое не слепит. Оно наполняет широкую комнату, в пространство которой помимо духа чужого дома вклинивается запах карамели, уютом. Переступив порог, в ожидании у зрения было другое — более яркое и грубое, а не это. Мало мебели из дерева и кожи, много подушек, чёрных и серых, и лестница, ведущая на второй этаж. И ещё кое-что, но по мелочи: вроде свечей на столиках и разных маленьких закусок.

Так было, когда их только встретила та девушка с улицы, от которой всегда пахнет табаком. Тогда она поздоровалась, кивнув Тее, и обняла, подобно старому другу, сначала Ная, а следом Юстаса. Так было сначала. Пока не включили музыку до их выступления, и широкое пространство свободной гостиной не стали заполнять люди. Разные и в то же время одинаковые: они были из одного мира, который никак не граничил с миром аутистического спектра Теи Уайт. И здесь её настигла первая волна. Она ощутила что-то подступающее, не своё, чужеродное, и приготовилась захлебнуться волнением.

Это начало происходить пять минут назад. А сейчас она сидит на чём-то низком, по виду напоминающим куб из дерева, у которого вместо сидения — подушка, и смотрит в одну точку на стене. Смотрит на часы. Они отсчитывают время, которое ещё не скоро кончится.

— Будь рядом, — произносит Най, стоя за спиной, и вдруг позволяет себе опустить ладонь на её плечо. — Я вижу, Тэтэ, вижу... Да, их много. Знаю, что ты боишься их после того, что было неделю назад, но сегодня тебя никто не тронет — я здесь.

— Я не боюсь всех, — говорит она и отводит спину вбок. — Я боюсь одного.

— Его вообще здесь нет, — Най очерчивает взглядом силуэт каждого из всех присутствующих — их около двадцати человек. — Ты его видишь? Я — нет. Сиди спокойно.

— Это не Киан, Най... — Тея уже прячет глаза в пол и хватается за фотоаппарат обеими руками, когда тот человек, о котором идёт речь, приближается.

— А мне не говорили, что будет ещё и фотограф. Знал бы — надел другие джинсы... Ну что теперь, ладно. Мне тебя немного не хватало, Тея. Сказать по правде, я даже переживал. Ты болела?

На расстоянии вытянутой руки стоит, улыбаясь и заглядываясь, Чейз. Ему не нужны другие джинсы, здорово выглядит и в этих — белых, с небрежными разрывами ткани на бедре и ниже. Какая-нибудь вещь из верха — вот что ему нужно. Подошла бы любая майка, но, видимо, сегодня всё же лучше без неё.

— Можешь одеваться, она сегодня не снимает, — Юстас отшучивается, усмехаясь и стоя за синтезатором. — Да и не жарко пока.

— А будет, да? — внезапным движением он изгибается в позвоночнике и, пропустив большие пальцы сквозь петли для ремня, воссоздаёт своим телом движение волны.

— Чейз, ты что, выпил уже чуть-чуть? — из-за спины парня вдруг вырисовывается Дана и слегка похлопывает его по предплечью тыльной стороной ладони, словно отмахиваясь, чтобы пройти поближе. — Не смущай ребят, им выступать скоро. Я принесла тут кое-что для разогрева. И для Теи тоже.

— Оу, нет, принцесса, — только после, — Най мотает головой, стараясь не смотреть, и улыбается одним уголком губ. Микрофон, намотанный на его запястье, покачивается в такт в воздухе. — А Тэ, она... Нет, она не будет.

— По имени меня зови, ладно? — Дана говорит серьёзно и, приблизив к нему своё лицо, дожидается, пока на неё обратят внимания, а следом — вниз, указательным пальцем, — оттягивает нижнее веко, показывая чистый белок своего глаза. — Сейчас это не прокатит. Чуть позже, если... Может быть, — её губы расплываются в сдержанной улыбке, пока взгляд скользит вниз, к микрофону, который тут же перехватывается ловкими пальцами, преподносится ко рту музыканта и точно становится границей между ними. — Хочу тебя услышать. Приступай.

— Вы этого не видели, усекли? — голос Найджела слегка срывается в этом вопросе, когда он остаётся с микрофоном один, а взгляд приобретает оттенок некоего помешательства. — Так, Тэ, убери камеру... Не говори мне, что ты это засняла.

Лишая своего присутствия, Дана не оставляет без своего алкоголя. На серебристом подносе, оставленном ей на ближайшем деревянном кубе, стоят напитки. Тея видит, как в длинных стаканах, сужающихся к донышку, пузырьки воздуха поднимаются в светло-оранжевой жидкости. Ей это нравится. Нравится, как летают пузырьки между ягод клубники, тонких ломтиков цитруса и кубиков льда. И нравится сладкий запах персика,

который щекочет в носу. Она осторожно поднимает один бокал и наблюдает сквозь стекло, лёд и шипучую жидкость, как ведут себя люди вокруг. Беззаботно, неразумно, без логики в действиях. Здесь каждый из них, как тот, что стоит поблизости: танцует, что-то пьёт, рассказывает, весело смеётся и делает всё, что взбредёт невесомой мыслью ему в голову. Это и есть нормальность? Так здорово, наверное, быть таким...

— Пей, — доносится где-то высоко над ухом громким знакомым голосом.

Тэ чуть вскидывает подбородок и видит голую кожу тела Чейза, на которую ложится тень, очерчивая контуры мышц. Следом она, подняв голову выше, попадает на его тонкую улыбку, ещё выше — на глаза, призывно косящие к бокалу в руке.

— Пей, это вкусно, правда, — в подтверждение этих слов, он делает глоток из своего стакана, не прекращая улыбаться. — Просто сладкая газировка. Тебе понравится, попробуй. Всем нравится.

За спиной Най и Юстас вместе стоят за синтезатором. Они не смотрят. Юстас схватывает аккорд то выше, то ниже, или наигрывает несколько нот, перебирая пальцами одной руки, другой — что-то подкручивает и двигает на приборной панели блока звуковых эффектов. Най кивает или вертит головой, улыбается и периодически добавляет какой-то свой элемент в звучание. Оба в наушниках. Им нет дела до Теи. По крайней мере, пока они заняты музыкой.

— Так ты с ними? — Чейз бокалом указывает на то, что происходит за синтезатором. — Во всяком случае, сейчас им не до тебя... Постой, или это они с тобой? Решай, пока никто не смотрит.

— Я вообще не хотела идти. Най сказал, что пойдёт, только если пойду я... И я пошла, потому что ему нужны деньги.

— Ну, а тебе нужно выпить, — ветрено заявляет Чейз, освобождая себе место от подноса с напитками.

Он присаживается рядом и начинает долго смотреть в расстроенное лицо Теи. Смотрит безотрывно, догадываясь, что та этого до смерти не выносит. Смотрит, пока она не начинает пить. И не закончит, вплоть до последнего глотка, пропущенного между кубиками льда, которые со звоном ударяются о зубы. Этот звук отчётливо слышен, потому что музыка на фоне поголовного веселья больше не звучит. Через секунду начинает играть другая. Не из колонок, а из-под пальцев и микрофона. Най начинает петь, когда Тея под беспрестанно повторяющиеся отрывки аккордов, создающих основу для звучания синтеза электроники, тянется ко второму бокалу. Ей нравится сладкий игристый вкус. Нравится голос Найджела, который так располагает своим расслабленным тоном. И ещё свет, сменившийся с тёплого оттенка жёлтого на прохладный и чарующий сиреневый... Это освещение в своей интерференции распределяется на многочисленные лица повсюду. Они перестают напрягать, как и всё вокруг. Тея пьёт приятную на вкус смесь алкоголя с соком и понимает, как ей здесь нравится.

— Твой друг так красиво поёт, что мне дышать становится страшно... — лицо Чейза в своём очаровании обращено к импровизированной сцене и отливает розоватым оттенком от потолочных ламп.

«Здесь так красиво, даже дышать страшно...»

— Киан тоже красивый. При нём тебе тоже страшно было дышать тогда? Это ведь ты говорил, я вспомнила...

— Что ты сказала? Мне из-за музыки не слышно ничего.

В ответ Тея мотает головой и, оставив пустой бокал, тянется к новому, последнему с подноса. Она притягивает его к лицу, пьёт и смотрит на Найджела, который не видит никого, пока за ним наблюдают все. Поёт с закрытыми глазами. И поёт так ещё пару песен, во время которых Тея растягивает оставшуюся сладость в своём стакане, желая раствориться в этом моменте.

Освещение вновь станет мягким и тёплым, когда Най закончит петь последним словом, а Юстас — играть на клавишах и с блоком звуковых эффектов. Подобная смена света напомнит Тее скорый рассвет, какой обычно наступает вместе с летом, и она ощутит себя проснувшейся. Она чувствует себя такой только в голове, и то нехотя, а тело по-прежнему остаётся вялым и сонным. Как и глаза, в которых вся комната резко плывёт акварельными разводами, когда она встаёт на ноги. А воздух, широкое пространство комнаты, начинает заполняться чем-то до перебора приторным, как сладкая вата, и оседающим в горле. Источник этого запаха — чёрная гладкая трубка с прямым мундштуком. Тея наблюдает за дымом угловым зрением, поскольку девушка, чьи волосы отливают розоватым, стоит за её спиной и неспешно затягивается, дожидаясь, пока на неё обратят внимание. И Найджел замечает. Закрепляет микрофон над панелью синтезатора и становится близко напротив.

— Все ловят кайф, так какого хрена не могу я? — усмехается Дана и, сделав очередную затяжку, распространяет вокруг себя дымную терпкую пелену.

— Детка, ты сейчас этим и занимаешься.

— Детка? Я хочу снова быть принцессой... Пойдём со мной?

— Станешь, обязательно станешь, — спокойно отвечает Най и пытается с осторожностью сдвинуть Тею с места, чтобы дым не попадал ей в лицо. Та не противится прикосновениям, как это обычно бывает, а просто терпит, пока её отводят к стене.

— Что со мной происходит? — спрашивает она, будто спросонья. — Я ничего не понимаю, всё вокруг плавится... Мне даже не страшно, Най. Так и должно быть? У тебя так же?

— Не страшно? — Найджел улыбается, не понимая, о чём она говорит, но продолжает обеими руками сжимать ей запястья. — Это же замечательно, Тэтэ... Тогда я отойду ненадолго разобраться с той дурёшкой с трубкой, ладно? Жди меня здесь.

Слабо кивнув, Тея посылает ответную улыбку и пытается выдернуть кисти из крепких пальцев. Затем она провожает друга взглядом, скользит спиной по ребристой стенке и

садится на пол, поджимая одну ногу под другую. Тяжёлый фотоаппарат, продетый своим чёрным ремнем через её голову, свисает с шеи. Тея берёт его в руки и начинает блуждать апатичным взглядом в тесных, из-за количества людей, просветах комнаты. Сейчас она — лишь лицо у ног толпы. И слова Найджела постепенно перестают звучать в её голове.

— И кто это тут лежит? Тея... Напилась и на боковую, да? Я всё видел, — откуда-то сверху доносится знакомый голос — это Юстас. Он опускается на присядки и смотрит с ироническим укором. — Найджел говорил, что ты не пьёшь... Обманщик-лицемер, его ж мать. Не лежи, как тряпка, поднимайся, а я пойду возьму что-нибудь выпить.

«Эй, соберись, Тея, не будь тряпкой. Поднимайся...»

— А что ты видел? Я не понимаю... И Найджел не лицемер.

Юстас уходит, оставляя без ответа. Свет снова меняется: сначала сиреневый, после — красный, и снова сиреневый... И так периодически. Подобное свечение напоминает проблесковый маячок на крыше полицейского автомобиля, и Тея начинает казаться, что она нарушает законы. Причём свои собственные. Музыка играет сама по себе, звучит громко и проходит вибрацией, пульсациями распространяясь по телу и заставляя невольно вздрагивать. Ощущая эти звуки, подобные электрическим разрядам, на своей коже, Тея чувствует себя не в себе. Слишком жива. Слишком пьяна. Музыка теперь звучит в ней самой. Это что-то новое, здесь явно не она. Кто-то другой. Но и ему, как и самой Тея Уайт, хочется посидеть в одиночестве и побыть в тишине.

«Хватит позориться, иди, куда шла. А лучше вообще уматывай».

Время уходит слишком медленно. И все эти слова, когда-то произнесённые *им*, понемногу нарастают по громкости в бесконечных повторах разума. Она не может отделаться от ощущения, что он, Киан, где-то здесь, рядом. Тея чувствует жар, горит вся кожа. Это вынуждает снять тонкую кожаную куртку чёрного цвета, подняться на ноги и пойти делать то, что хочется.

Шагая к дверному проёму, ведущему в коридор, она видит стаканы — опустошённые, на полу, — они подобны ей, минутой ранее. Тэ проходит вдоль чёрных стен и в одной из комнат с открытой дверью вдруг замечает огонёк сигареты, когда кто-то поднимает руку вверх. Это тот, кого она ищет — Найджел. Становится ясно по надписи, вытатуированной завитым росчерком на внешней стороне его ладони. Тея подходит ближе и, наклонив голову вбок, заглядывает в комнату. Здесь стены окрашены в красный и почти нет мебели: телевизор под потолком, низкий столик и узкий диван, где сидят двое среди множества ярких подушек. Сидят в облаках дыма близко друг к другу и курят одну трубку на двоих. Най, потушив сигарету, перекидывает руку с тату через диванную спинку, а другой прислоняет край мундштука трубки, чёрной и прямой, к губам той девушки, чьи волосы переливаются розоватым под тусклой лампой. Сейчас он чувствует себя на миллион, хотя в действительности у него даже нет денег на эту бутылку виски, последний глоток из которой больше не обжигает рот. Алкоголь бьёт по рассудку. И от этого дьявольски хорошо.

«Принцесса Боннибель...» — вспоминает Тея, не зная её имени. Она вообще плохо запоминает все имена, кроме важных.

— А почему «принцесса»? — широко улыбается та девушка, сделав затяжку. Она сидит на диване с ногами, одна из которых располагается на колене Найджела.

— Вот поэтому, — указательный палец свободной руки Ная касается её макушки. — Волосы, они же розовые почти... Ты мультик не смотрела, что ли? — он вдруг дурашливо смеётся и понимает, что не чувствует своё лицо. Его пальцы выпрямляются в виде короны на голове Даны. — Любишь сладости, да? Карамельная принцесса...

— Мне дали, чтобы эту дрянь бросить.

— Надумаешь бросить — отдашь всю мне, ладно?..

Дальше Тея не слушает. Кажется, сознание покидает её, но сердце продолжает биться. Она прижимается спиной к стене, пытается выровнять дыхание и смотрит в одну точку. Невыносимо хочется кашлять — дым успел проникнуть через нос и начал царапать глотку. Она кашляет, не может сдержаться, а от надрывного кашля слезятся глаза. Или от того же дыма, наверное, или потому, что вечер сегодня слишком сумасшедший... Всюду абсурд и ложь. Та сладкая «вода», Найджел и эта девушка... В результате — мысли, перемешанные со спиртным. И сейчас хочется наружу, чтобы их проветрить. Тея должна выбраться. Она идёт по коридору до самой лестницы, после — вверх, по дереву ступеней, — на второй этаж, где почти бесшумно. Ещё выше — и тишина остужает разгорячённую голову, как лёд обожжённую кожу.

Это мансарда. Много чистого пространства, воздуха и почти нет электрического света, исключая тройку зажженных ламп на покатых белых стенах. И можно свободно упасть в кресло, чтобы продолжить позволять алкоголю наполнять тяжестью и тело, и разум, пока сама сидишь в одиночестве. Таким же прекрасном, как тёмно-красные розы рядом с давно остывшим здесь камином. Только усталость, а не спиртное, косит мысли. Тея чувствует себя больной и хочет, чтобы ей разрешили остаться здесь на ночь.

Теперь сама по себе. Разрешать некому. И некогда, поскольку она отключается от реальности, как свет в комнате, по щелчку. Бессонница не грозит.

Девушка с бледным, усталым и полубезумным лицом. Таким её находит Киан Янг, замечая, что Тея такая же, как и в последнюю их встречу, — неподвижная, лишённая света. И совсем беспомощная. Он подходит, осторожно кладёт ладони на спинку кресла, в котором Тэ, и наклоняет голову. Наклоняет совсем низко, чтобы лбом и переносицей сначала коснуться этой взлохмаченной светлой макушки, после — глубоко вздохнуть.

— Хочу вырастить тебя, как цветок...

— А не слишком ли ты много хочешь? Она не любит, когда её трогают, твою ж мать... Даже во сне.

Часть 7. Не в порядке

Этот кто-то, одолевший такую высоту с косым прокуренным взглядом, теперь стоит в дверях. Его глаза красные, но они видят всё. Кто-то посторонний не управляет своим телом: вместо мышц и костей его ноги наполнены ватой. И он движется вперёд так, как если бы шёл по луне.

— Цветок, да? Тея их ненавидит, топит в сортире, как дерьмо... Это я так, к слову, — Най улыбается, ощущая себя супергероем, потому что поднялся на эту чёртову мансарду и упал только раз. — Клумбу себе вырасти.

Он не здоров. Его рассудок отравлен дымом так же, как и сознание Киана — алкоголем. Ирландский виски. Вкус карамели и орехов стоит на языке и уходит корнями в горло, доставляя вялое ощущение тошноты. Почти пустая бутылка лежит на боку у ножки бильярдного стола напротив дивана. Ночью напиться втридорога, чтобы утром заплатить не меньше. Это осознанное страдание и красивое жертвоприношение. Оно поможет. Поможет со всем разобраться, чтобы покинуть этот замкнутый круг помешанного безумца.

— С какой стати ты мне что-то сейчас предъявляешь? Или как там у вас говорят... Это наезд? — он присаживается на пухлую ручку кресла, в котором спит Тея, и кладёт локоть на его спинку.

Киан пьян, но так даже проще сохранять образ. Спиртное смешивается с мыслями, но не со словами. Оно не мешает говорить. А Найджел слов не находит — изо рта не вырывается ничего, кроме запаха дыма.

— Ты кто вообще? Знаешь её, да? — в этот момент Киан прикасается — берёт Тею за подбородок, как будто проверяет на дефектность.

— Её нельзя трогать...

— Тебе, может, и нельзя... Не знаю, кто ты ей, но сюда тебя никто не звал.

Когда растёгнутый манжет рубашки Киана скользнет по лицу той, кто этого сейчас не видит, Найджел рванёт вперёд, еле держась на ногах, но всё-таки прорежет воздух махом руки. Звука удара не прозвучит. Вместо горячей кожи парня напротив под своей ладонью, он чувствует, как его запястье с силой скручивают чьи-то пальцы.

— Я звала, Кики... Он мой гость, в моём доме. Такой же, как ты, — с запредельно спокойной, вымученной улыбкой вполголоса сообщает Дана и ждёт, пока её гость вновь обретёт равновесие где-то поблизости — на красном ковре с длинным ворсом. — Вы оба не в себе. Успокаивайтесь и идите спать.

Никто не хочет спать. Об этом до Даны доходит их измятыми голосами сразу с двух сторон. Что-то несуразное, вразной. Никто не пойдёт спать прежде, чем не запудрит ей

мозг окончательно. Всё из-за этой, у которой Аспергер... Не взрослой девушки — девчушки... Красивой и без движения. Её вид умиротворяет, в отличие от тех, кто рядом. Их скомканный разговор будет грозить стать безудержно громким, когда Тея проснётся в своём ночном кошмаре.

Дышать начнёт сразу, как вынесенная холодной волной на берег. Сделает большой глоток воздуха и тут же захлебнётся. И это ощущение — дух чужеродного пространства — вонзится в разум, подобно лезвию. Она видит ткань, белую в черную линию, — рубашка без воротника, расстёгнутая на чужой шее. Тея не может спокойно смотреть между этих ключиц, всё время соскальзывая взглядом куда-то под материал... Или не чужой. В сознание, где всё ещё не очнулось ото сна, вторгается запах рассвета. Тея закрывает глаза и дышит им. Ей по-прежнему кажется, что всё сон. Но звуки становятся громче, когда она понимает, что голова болит по-настоящему. А всё вокруг осуществляется снаружи, а не внутри неё.

— Я не знаю, что здесь происходит, но хватит! Перестаньте, у меня болит голова! — она до упора вжимается в спинку кресла, прижимая вздрагивающие руки к телу, а сами ладони — с силой, к голове, — чтобы запечатать уши. — У меня болит голова! Хватит орать, болит голова, мне больно...

Сейчас кажется, будто она на дне глубокого синего моря. Кажется, будто никто не слышит — сквозь толщу воды не докричаться... Только слышат все, даже через завесу нетрезвого рассудка. Один из них даже чувствует — порывистое дыхание от её повышенного голоса опаляет кожу Киана. Только вместо криков Теи он предпочёл бы чувствовать тишину её прерванного сна и яркое ощущение, как та вдыхает его снова.

— Тэ, орёшь здесь только ты...

— Где я? Почему сейчас не утро? Здесь не мой дом... Почему я здесь?..

Много вопросов, на которые она не находит ответов. Они лязгают внутри её черепа так же, как разноцветные шары, ударяясь о край бильярдного стола. Тея сидит в кресле, но её руки сжимают больше не голову, а камеру, чей кожаный ремешок опоясывает шею. Сжимают до побеления костяшек. Ей страшно и она не знает, как быть: сейчас нужно то пространство, в котором она привыкла просыпаться. Там рядом не было никого, а здесь...

Киан смотрит не своим взглядом: он тревожится. Ему страшно не меньше и он тоже не знает, как быть. Он видит красоту, боль и слёзы. Видит не взрослого — ребёнка, который проснулся посреди ночи от своего кошмара и теперь находится на грани приступа истерии. И у этого ребёнка вдруг вздрагивают губы, и влажной растекающейся плёнкой застилает взгляд. Тея подрывается с кресла и начинает ходить по кругу. Фотоаппарат — этот тотемный предмет из дома — выдерживает своим крепким корпусом всё напряжение, какое в него старается втиснуть Тея Уайт своими ладонями, под белой кожей которых наливаются синевой вены. Она измеряет шагами ковёр и оглядывает своё окружение, где каждый смотрит на неё с сомнением, опасаясь, как заражённую. Они молчат и не чувствуют ничего. Тея понимает, что тоже могла бы не чувствовать ничего, если бы в неё впрыснули целый шприц новокаина. Сейчас ей нужно одно — пространство её комнаты.

— Я хочу домой, — наконец говорит она. — Это твоя вина, Най. Ты виноват, это из-за тебя я пришла сюда, а ты оставил меня одну и ушёл. Ты постоянно обманываешь...

— Тея, я понимаю, ты не дома, — Найджел начинает слегка заторможено объяснять. — Но я не...

— Не говори, что ты не виноват. Это всё из-за тебя, ты... Обманщик-лицемер, правильно Юстас сказал. Только ты виноват, что мне сейчас плохо! Ты один знаешь, как сильно я всё чувствую, и приводишь меня сюда, чтобы сделать ещё хуже... Я хочу спать, мне холодно, я хочу домой... Отвези меня домой, я сказала!

— Ух ты, мне нравится, — в дверном проёме вырисовывается полуобнажённая фигура Чейза. — Я всегда знал, что Тея психичка.

— Я нормальная, нормальная! Нормальная, я... Нет, я не в порядке.

— Нет, Тэтэ, ну успокойся же... — Най хватается за ворс, отползает, чувствуя стыд, и протягивает руку, чтобы взять её за край штанины... Хочет извиниться, даже может для этого встать, но в результате вновь оказывается на полу и не из-за потери баланса по вине задымлённого разума. Его отталкивает сама Теона.

— Нет, не трогай меня! Не умеешь себя контролировать, сам виноват...

Киан выстилает взглядом каждый шаг Теи во время этого всплеска её силы и понимает, какая же она сейчас ослепительная. Впервые видит её такой. Видит по-новому, другой. Эта девушка на взводе. Красивая и такая живая в своей детской непосредственности. Она хочет то, что требует, и делает то, что должна. Она может плакать, кричать и выглядеть небрежно, а не идеально, как обычно. Это обезоруживает полностью. Киан подглядывает, как она вытирает воспалённые глаза и поправляет включенную чёлку одной рукой, а из другой ни на секунду не выпускает фотоаппарат. Замечает, как она вдруг оборачивается, стоя полубоком, и стыдливо осматривает каждого не выше груди, чтобы не видеть их испуганных выражений.

Никто ничего не делает. Они слишком пьяны и слишком мало знают о том, как сейчас разрывает аутистический спектр. Тея ёжится и прячет глаза, ходит по комнате мелкими шагами и плотно прижимает локти к телу. Её ладони, точно силки, обхватывают фотоаппарат и вдавливают его в грудную клетку. В этот момент она сама немного скулит. Едва ли не плачет, сдерживается... И, кажется, будто лицо перекосилось, как от дикой боли, которая железными и раскалёнными щипцами выворачивает её наизнанку.

Лицо девчонки, беспомощной и усталой, о которой хочется позаботиться, как о немощном цветке. И это лицо среди других — непонимающих и нетрезвых — среди взрослых.

— Я хочу уйти, — едва слышно произносит Тея и, опустив глаза на объектив камеры, подходит к бильярдному столу и присаживается рядом, закрепившись спиной у его ножки. — Простите, что видели меня такой. Я ненормальная, странная, да, но я в этом не виновата... Это у меня в крови.

Гостиную мансарды по-прежнему окутывает полумрак, но воздух больше не прежний. Раскалённый и уплывающий, как лава, — для Теи, но тяжёлый и клубящийся, как туман,

— для остальных. Снова та же разница температур. Она электризует. Чейз уходит так же быстро, как и появился, — его кто-то зовёт внизу. Дана чувствует желание закурить. Сильное, на грани животной потребности — это её спасительный воздух. Она опускается на ковёр, располагая ноги под собой, а голову — на плече у своего гостя. Утомлённое лицо того чуть вздрагивает в полуулыбке. А Тея смотрит на опрокинутую поблизости бутылку и улавливает липкий сладкий запах. За прозрачным стеклом есть немного жидкости цвета мёда. Она колеблется там, внутри, когда приближается чей-то умышленный шаг, и начинает медленно течь из горлышка, как само время. Не пить, не смотреть, не вскидывать голову... Сложно быть в порядке, когда всё изменилось, и не пересекать границу дозволенного. К чёрту правила, когда их все нарушают. К чёрту нормальность.

— И как? — спрашивает Киан и приседает, чтобы быть на уровне глаз Теи, как только та сделает глоток из бутылки.

— Я не хочу с тобой разговаривать.

— А смотришь на меня так, как будто умираешь со скуки. И что мне делать?

Во взгляде нет скуки, только высушенный страх — слёзы сохнут быстро. И крошечная усталость. Но даже сейчас, в этой ситуации, Тея понимает, как идеально Киан выглядит, в то время как она чувствует себя полной дурой. Даже смотрится, возможно, так же... Это гнусное ощущение не стоит мимолётного счастья на дне бутылки. Она не может больше здесь находиться.

— Отвези меня домой.

Скоро Тея смотрит на город из окна машины, как на ночное небо. Она прижимает ладони к стеклу и сквозь него трогает это небо руками. Огни цветных фонарей — яркие звёзды — летят мимо в сферах галактики ночного города. Её везут домой. Везут на такой стремительной скорости, что всё освещение у дороги превращается в хвосты проносящихся мимо комет на просторах чёрноты бесконечности. Но всё абсурд. Машина скользит вдоль дорожного покрытия на предельно допустимой скорости. Так только кажется, точно она летит, как блестящая капсула сквозь космос, потому что все ощущения обостряются от последних глотков ирландского виски. Или от эмоций, забродивших и потерянных, как их обладательница. Тея не знает, не догадывается, что за своё прекрасное самочувствие сейчас оплатит завтра... В это время важно одно: её ничего не волнует, пока она смотрит на город, подобный ночному небу. И даже если она сейчас закроет глаза, ей никогда не будет так хорошо. Так же, как и Киану. Он не за рулем, а здесь же, рядом. Смотрит на Тею так, как та смотрит на город через оконное стекло. Запредельно ясно, без тени спиртного во взгляде. Смотрит и восхищается. Ветер из окна, приоткрытого больше, чем на пять сантиметров, треплет ей волосы и раздувает рукава свободной футболки.

— Ты хочешь заболеть? — спрашивает Янг не в состоянии спокойно смотреть на эти голые плечи, по которым разливается свет от ночных фонарей.

— Я хочу делать фотографии. У меня таких ещё нет: из машины в движении...

Голос перекрывает ветер. Он пронесется извне и со свистом. А та, кто сейчас снимает разноцветные пятна, высунув объектив камеры в окно, как собака собственную пасть, не чувствует ни его звука, ни пробирающего холода. Ощущает другое. Ей это нравится, её это захлестывает с головой. Едва ли не буквально. Тея, сощурив один глаз, другим прижимается к видоискателю, и её тут же ослепляет пятнами. Рассыпанные в неиссякаемом тёмном пространстве, они найдут своё место на снимках, сформировавшись там разноцветными шарами нечёткой формы на синевато-чёрном фоне. Киан увидит эти фотографии первым и, когда ему начнут рассказывать о всех подробностях ночной съёмки, он не ощутит дистанции, разделяющей его и их создателя. Дело в том, что Тея обожает беспрестанно говорить о фотографии и может делать это бесконечно. С кем, где, как — неважно, ведь это её тема. Её море, в котором приятно тонуть, захлёбываясь среди волн разговора. Хотя Янг и слушает, но у самого с губ просится слететь один единственный вопрос, но его некогда вставить. Он кивает, пользуясь возможностью придвинуться ближе, чтобы взглянуть не в экран камеры, а в лицо, освещённое этим экраном. Тея думает о фотографиях и говорит только о них, в то время как Киан не думает ни о чём, а просто смотрит на эти губы в движении, к которым нельзя прикоснуться. Он теперь понимает, чем это может грозить, потому что видел. Видел своими глазами. Поэтому, когда глохнет мотор, Тея выбирается из машины сама, хотя позвоночник и ноги, как поролон, совсем мягкие.

Нельзя подать руку, нельзя сплестись пальцами... Об этом не сложно догадаться, если попытаться. Невозможность коснуться колит, как кактус, иглами вонзаясь в кожу. Это не больно. Во всяком случае, не слишком для того, кто хочет прикосновений.

Тея стоит на пороге своего дома и держит в руках камеру. Она вспоминает, что так же держала её ранее, когда кричала, будучи у всех на виду. В тот момент все смотрели на неё так, точно она без кожи. Сейчас Киан на неё тоже смотрит, но иным взглядом. Тэ его лишь чувствует, не видит.

— У меня есть ключи. Я открою ими дверь и пойду в свою комнату, — говорит она. Говорит объективные вещи, чтобы что-то сказать.

В темноте никак не подобрать нужный ключ из всей связки. Тея не понимает, что руку ломает дрожью не от холода, а от спиртного, повторно ударяющего по рассудку. В дом входят тихо. Темнота пространства накрывает, подобно одеялу, окружая родственной теплотой, но сегодня не заснуть из-за бессонницы. Тее не нравится, что Киан не спросил разрешения войти. Скажет она об этом ему только тогда, когда они окажутся в её комнате, где Киан сначала начнёт озираться, выискивая среди чужого белого пространства, которое кажется искусственным, словно из гипса, кусок своего, красного и живого.

— Я не приглашала тебя, — произносит Тея серьёзно и хочет такой казаться, стоя посреди комнаты. Неопрятная девчонка с сонным лицом и в мятой, навывпуск, футболке. Выглядит, как растрёпанный птенец. — Ты не должен здесь быть.

— Если бы не я, то и тебя бы здесь не было.

Сложно перебороть себя и не начать снова отпускать с языка колкости, какими бы правдивыми они ни были. И тяжело на чём-то сконцентрировать взгляд, когда ему не за

что зацепиться. Комната с пустыми стенами, на одной из которых больше нет квадрата из чёрно-белых снимков полароида, находится в идеальном порядке. Здесь почти полное отсутствие света. Киан садится на кровать, прячет ладони в карманах брюк и, создаётся впечатление, точно он ищет в них что-то среди какого-то вороха. Тея вдруг становится трудно дышать. Она слышит знакомый звук. Такой же прекрасный, как тот свет, что разливается по лицу Киана от тусклой потолочной подсветки. Шелестящий звук плотной бумаги. Звук плёнки, сгибаемой пальцами, который своим приятным шёпотом разбавляет тишину. Его больно слышать. Там, на границе сознания, вспыхивают одно за другим воспоминания, но Тея пересиливает себя и, еле дыша, опускается на одеяло рядом со своим гостем.

— Ты правда ненавидишь цветы? — этот вопрос слетает с его губ, подобно пуле. — С моими ты что сделала?

— Я их выкинула, а Най смыл в унитаз, — признаётся Тея, наблюдая за рукой Киана, раскладывающей десяток снимков, на которых её лицо будто запечатлено с использованием фиолетового градиентного фильтра. Такой цвет на коже — результат игры света, красного и синего, от проблескового маячка. — Это потому, что они зелёные. Я не люблю зелёный.

— В следующий раз пошлю одни цветы... Скажу, чтобы для тебя специально срезали стебли, — осознание, что записка в букете не прочитана, расстраивает. Киан не представляет, как сейчас донести то, что в ней было изложено, понятным для Теи языком.

— Зачем? Посылать цветы — это не практично, они завянут. И я всё равно их выкину.

— Ты не понимаешь, да? Не понимаешь намёков совсем?

— Нет, я не понимаю невербальных знаков общения, — звучит так, будто бы заучено специально, но она не умеет иначе. — Хочешь что-то сказать — говори прямо.

— Насколько?

— Как есть.

Тея распределяет снимки на одеяле в известном ей порядке, чтобы чем-то занять свои руки, и не начать сжимать ими свою голову. Она ничего не понимает. Ничего. В голове только вопросы, и они о Киане. Невозможно не думать, но и нельзя, пока он рядом и пытается что-то донести. Ещё пока он борется сам с собой. Наблюдая за тем, как пальцы Теи скользят по плёнке, он силится не дать своим рукам волю к ним прикоснуться.

— Твоя рука больше не болит? — Янг замечает шрам между её пальцами и вспоминает случай с собакой. Он осторожно пронесет свою кисть над этим шрамом и слабо, едва ли ощутимо, позволяет себе притронуться к нему краем большого пальца. Реакция Тея незамедлительна — её словно обожгло кислотой.

— Она не болит, но я всё равно не разрешаю себя трогать.

С силой сжав пальцы в кулак, она прислоняет некогда раненную руку к груди. И взглядом, подобно запуганному животному, с опасением поглядывает на край манжета рубашки напротив.

— Ладно, но мне было бы намного легче говорить, если бы я держал тебя за руку, просто знай это. Знаешь, что такое формальности? Это то, что делается для порядка, потому что так заведено. И никто не спрашивает, почему, хотя и понятия не имеет, зачем. Я послал цветы, чтобы извиниться, в первую очередь, поскольку это необходимо, когда кто-то оказывается в больнице по твоей вине. Ещё так делают, чтобы проявить отношение к человеку: больше, чем просто хорошее. Понимаешь, о чём я, нет? Ладно... Я не хочу тебя путать, поэтому просто слушай. Я больше не причиню тебе вреда, Тея Уайт. Мне стыдно за то, что ты страдала по моей вине, и стыдно, что я играл на твоей доверчивости. Когда у людей не находится слов, они проявляют свои чувства и заботу прикосновениями, так? С тобой так нельзя, но не потому, что ты — ненормальная. Ты — особенная... Особенная для меня. И я не хочу, чтобы ты была одна, а хочу быть рядом, заботиться о тебе. Не представляешь, насколько сложно смотреть на тебя... Как на цветок, который нельзя срывать, но, чёрт возьми, он настолько красивый, что хочется забрать его себе.

— Я не цветок...

— Как цветок, я сравниваю, потому что он красивый, понимаешь? Потому что красивая ты...

Только закончив говорить, Киан осознает, как это было сложно — пересилить себя и высказать всё напрямую. Теперь становится жарко, невыносимо жарко... И воздух кажется спёртым, несмотря на сквозняк, гуляющий по полу. Когда Тея, всё это время рассматривающая свои фото, молча поднимается с кровати и отворачивается, Янг вдруг чувствует, точно начинает падать. Сначала медленно и плавно, как с парашютом, наслаждаясь видами, а после — резко... Становится плохо. Становится нечем дышать.

— Ты тоже красивый, — тихо говорит Тэ, не оборачиваясь. Её накрывает ощущением, будто разум вывернули наизнанку. Она стоит рядом с блестящим гардеробом, белым и длинным, и боковым зрением поглядывает на себя в зеркало. — Я знаю, что тебе об этом известно... Но всё равно ты должен увидеть, — затем она открывает дверцу, и тут же с верхней полки падает вниз коробка из-под обуви. Падает вверх дном, опрокидывая содержимое.

Фотографии летят вниз. Снимки с полароида, чёрно-белые и одноформатные, опускаются на ковёр, как в замедленной съёмке. Так кажется Теоне, которая их ловит, опускаясь на колени, и сразу выпускает из рук. В действительности всё происходит мгновенно. Фотографии невозможно поймать — их неудержимое множество. Они опадают, подобно вулканическому пеплу, в полёте коротком и быстром. И красивом, к слову.

Эти фотографии, свои и родные до боли, были спрятаны не всегда. Со стены их сняли недавно. На снимках одно и то же лицо, невыносимо прекрасное, и на него было больно смотреть.

— Господи, — Киан касается коленями пола резко, как при падении, но боли не чувствует. Он испытывает потрясение. А темнота, наступившая в рассудке после, так стискивает горло, что и звука не выплюнуть. Его ладони зарываются в чёрно-белые снимки с его же лицом на каждом, как в кучу прошлогодних листьев.

— Это моя коллекция, — сдавленно произносит Тея. — Не трогай её, пожалуйста, я не разрешаю.

— Извини... — он говорит хрипло, затем обессилено кладёт руки на колени и виновато смотрит на Тэ, которая начинает складывать фотографии обратно в коробку. Аккуратно и бережно. — Извини, я не знал. Так ты тогда серьёзно про то, что у тебя их много...

— Я каждый день тебя снимала, и каждый день — идеально. Это всё ты.

«Так идеально, что даже пугает...» — с трепетом думает Янг, но с улыбкой выражает другое:

— Да нет, это всё ты...

Глава 8. В три четверти заката

«Я знаю, что я не идеален. Даже возможно, что я полный дурак... Но не лицемер. От себя я никогда не отрекался. Извини, что ты увидела, какой я на самом деле. И прости меня за то, что испугался, как все, и был не в состоянии проводить тебя домой. Обещаю, что больше не буду курить при тебе. Я пойму, если ты не захочешь увидеть меня, как обычно, после пар... Но я буду там».

Найджел.

«P. S. Пожалуйста, проверь карманы».

Эта рукопись букв чуть плывёт из-за влажности воздуха. Вокруг пахнет холодом пасмурного утра, когда Тея стоит на своём пороге и читает записку, прикрепленную булавкой яркого значка к кожаной куртке. Той куртки, от которой теперь исходит запах чужого пространства — она была в том доме, в чьих стенах Теона впервые попробовала алкоголь. Запаковать вещь подруги в полиэтилен и оставить на пороге её же дома, зная, что так она обязательно прочтёт извинения, для каких раньше не было повода... Тея не понимает, почему Най решил просить прощения таким образом. Не понимает, потому что не способна разделить его стыд, зато способна принять извинения. Она надевает куртку, ощутив, как руки ниже плеч порядком озябли под тонкой рубашкой... Вряд ли от холода. Он не причём, когда в игры разума вклинивается кадр воспоминаний. Всё дело в запахе.

Он напомним о том, что было больше двадцати четырёх часов назад. Когда ночью, невероятно глубокой и плавно переходящей в утро, фотографии были сложены в одну коробку из-под обуви. Сиреневые снимки, запечатлевшие Тэ у полицейской машины, нашли своё место среди её коллекции чёрно-белых. На стене — тоже. Она больше не

пустует. И прежде, чем уйти, Киан долго смотрел на них, а после — посоветовал скорее заснуть... Действительно, тогда сон давил на голову почти невыносимо. Но той ночью Тэ так и не сомкнула глаз. Засыпала после рассвета, чувствуя запах пасмурного утра от холодного постельного белья. Засыпала с прекрасным чувством.

В кармане кожаной куртки действительно кое-что есть. По ощущениям, словно плёнка на полароид, но это не она. Тея держит на своей ладони три прямоугольные пластинки — каждая в своём оттенке, полупрозрачная. Это цветные светофильтры на объектив: синий, сиреневый и фиолетовый. Най ошибается. Он не полный дурак, если знает о таких больших мелочах для съёмки. Тея посмотрит на мир с порога своего дома сквозь каждый из них, замерев в восхищении, прежде чем спустится со ступенек и направится в одиночку к остановке.

В университете ничего не изменилось. Странно смотреть на знакомые места по-прежнему, когда ты сам больше не прежний. Тея по привычке останавливается у ступеней и начинает вглядываться между изогнутых прутьев высокой кованой изгороди. Здесь, во дворе, людей почти нет — отсутствие яркого света на пасмурном небе для многих неприятно. Для Тэ, напротив, так лучше. Просто идеально, как само время — на часах без четверти девять. То время, когда её руки могли бы сами собой прижать полароид к лицу, чтобы зависнуть взглядом в видоискателе, как только знакомая машина заглушит мотор. Так было раньше. А сейчас — иначе. Сейчас Тея вся на нервах и не понимает, как нелепо она выглядит, пытаясь нащупать несуществующий фотоаппарат в области грудной клетки: рассеянные пальцы лишь пропускают воздух в своих хаотичных движениях.

— Что с тобой, Тея? Припадок? Дать тебе таблетку? — она ощущает, как сжали запястье прежде, чем распознает, кому принадлежит голос. Чейз задерживается на её коже совсем недолго, но этих секунд хватает, чтобы обжечь и дать нервным окончаниям пропустить разряд дискомфорта.

— А у тебя она есть, да? — Киан слегка улыбается и, накрыв своей рукой ладонь Чейза, как бы ненароком отводит её в сторону. — Тогда держи при себе, как и руки. Почему ты стоишь здесь, Тея? Не знаешь расписание?

В ответ она кивает, ощущая, как песок сыплется ей в горло. С таким же ощущением она идёт за ними по коридору, сцепив руки в замок, и отчужденно осматривает стены. Чувствует себя некомфортно, чуть натягивает уголки губ в невзрачной улыбке, видит спину Киана в чёрном. Не касается, пусть и протягивает руку — хочет потрогать, чтобы пропустить под пальцами в приятном ей цвете материал. Янг это чувствует и, оборачиваясь на взгляд, улыбается через плечо. Тэ, как и раньше, избегает взгляда, а смотрит только на эту улыбку — добрую, заинтересованную.

— Не любишь, когда тебя трогают, но сама не прочь, так? И как это называется? — он вдруг замедляет шаг. — Но я не против, ко мне ты можешь прикоснуться.

— Ты разрешаешь? — Тэ смотрит на его плечо, вдруг оказавшееся рядом, и прикасается к нему двумя пальцами. Осторожно, с едва уловимым страхом. — Я просто люблю чёрный цвет.

— А я хочу дотронуться до тебя, Тея. Хочу касаться тебя постоянно. Знаю, знаю, что нельзя... — он говорит шёпотом, приблизившись к самому уху. Ощутимо близко. Это особый вид прикосновений — прикосновения голосом. И они, подобно жаркому воздуху, затрудняют дыхание. — Но когда что-то, что очень нравится, запрещают, то этого хочется больше всего на свете, ведь так?

— Нет, не знаю... Я не запрещаю себе ничего из того, что нравится.

Тэ отстраняет руку от гладкой ткани, струящейся по плечу, и делает шаг в сторону. Эти слова напрягают, как и взгляды здесь присутствующих. Поглядывают не напрямую, а незаметно, вскользь, чуть поворачивая лица, как если бы пытались распознать запах. На красоту, за которую немного стыдно, иначе не взглянешь. Киан ведёт себя непринуждённо: он улыбается всем, как привык, пусть и испытывает нечто, похожее на боль — Тея не хочет ни трогать его, ни разговаривать. Просто проходит мимо. На глазах у всех. Никто другой так бы не поступил бы — согласился бы всякий. Правда в том, что никто другой больше не нужен.

— Не стыдно, Кики? За себя, — сначала этот прокуренный голос, после — лёгкое покашливание. Дана, забравшись с одной ногой на подоконник, другой раскачивает в воздухе. — Я знаю, чего ты добиваешься. Не сложно догадаться, если попытаться.

Неожиданно встретить её здесь меньше, чем через двое суток после вечеринки. Киан удивляется и в сомнении качает головой, глядя на неё, как на призрак. В коридоре больше никого нет: занятия уже начались.

— Кого ты дуришь? Себя? — продолжает Дана, когда Янг становится рядом. — Не отрицай... Я с детства тебя знаю. Девочка прелестна, я видела, но ведёт себя, как с другой планеты. Если думаешь играть дальше — не думай, прекращай. Если ты всё-таки думаешь о ком-то, кроме себя — делай, что хочешь.

— Я хочу, — отвечает Киан, нацелено смотря в её глаза, в которых нет и намёка на красноту. И тут же он чувствует её сухие пальцы, охваченные дымным запахом, на своём лице.

— Есть в твоей прекрасной голове хоть что-то, кроме «хочу»?

— Там ты, Дана... — он с неприязнью косится на эти пальцы, зависшие в прикосновении к подбородку. — Прекращай курить. Клал я на все эти твои речи: так они мне всегда мозг выносят.

Киан вскидывает голову вверх, с вызовом отмахиваясь от прикосновения, и успевает пройти несколько метров до того, как его опять заставят обернуться. Раздражает, что Дана лезет в душу. Снова проникает туда, где уже наплевала когда-то, а перед этим — выскребла всё до последнего.

— Кики, Кики... Такой красивый, знаешь, правильный, — подзывает Дана, слащаво и тихо, растягивая звуки. — Ты ей подходишь, смотрите так, что стыдно даже мне. И ещё мне кое-что рассказали про неё. Нельзя трогать, только смотреть, так? Всё дурь. Она не

против, чтобы касался тот, кто нравится — это хорошо, нравится... Понимаешь, она сама должна этого захотеть. Ты ей нравишься, знаешь, да? Мне сказали...

— Я знаю, да... Теперь знаю. Это твой новый дружок тебе вытрепался?

Кивая в ответ, Дана закрывает глаза и прислоняется спиной к оконному стеклу. Её покачивает, как на воде, едва ли заметно. Половина лица, освещённая розоватым заревом солнца, выглядит безмерно спокойно, другая — явно болезненно. Сама она, неподвижная и затихшая, кажется истощённой. Выглядит равнодушной, но по её венам течёт тревога. Хотя если бы её сейчас спросили, чем она занималась в последнее время, она бы выдала всё, как на ладони — выдала бы всю подноготную. Это не апатия — ей не на что жаловаться. Ей просто плевать. Но, когда Киан, подойдя ближе, прикасается к её плечу, она открывает глаза. Когда Киан совершенно без улыбки, совершенно серьёзно, просит её вернуться домой, Дана вновь прикасается к его лицу сухими пальцами, на костяшках которых есть шелушения кожного покрова, и просит не переживать: за ней скоро приедут. Действительно, скоро... Спустя несколько минут Янг провожает Дану, вялой поступью добирающуюся до машины, настороженным взглядом через окно.

— Я стоял с Даной, — говорит он, уже заняв своё место в аудитории рядом с Чейзом. — Не знаю, что с ней. Она либо обдолбалась, либо напилась, либо влюбилась... Сплошная дурь.

* * *

С того момента, как Тея вновь стала проводить в университете искусств каждый день своей жизни, ничего не изменилось. Почти ничего, поскольку всё контролировать невозможно. Особенно людей. Особенно некоторых или, вернее, одного — самого прекрасного не только в глазах и памяти Теи Уайт, но и остальных среди этих сине-белых стен. Одной силы мысли недостаточно, чтобы нарочно отводить их взгляды всякий раз, когда Киан приближается. Стать ближе, задержаться глазами, улыбнуться и, произнеся что-то приятное, продолжить шаг — почти незаметно для многих, но так ощутимо для одной. Всякий раз, когда Янг совершает этот проход, Тэ по-прежнему не смотрит ему в глаза. Видит скулы, губы, шею, отмечает новые детали костюма, запоминает цвет одежды и дальше... Вплоть до кистей рук. Тея улыбается тоже, но делает это глазами так же, как Янг ими касается. Своим взглядом тот выстилает её шаг, после — спину, затылок, где светлые волосы пушатся от утренней влажности воздуха. Пусть он и способен дать большее, чем это, но здесь оно недопустимо — все будут смотреть. И вряд ли сама Тея способна принять это нечто большее, как бы ни хотела... На всё причина одна — взгляды посторонних невыносимы.

Киан следит за каждым её движением, и она это чувствует. Пропускает в разум сквозь кожу. Её фотографическая память — полароид, эти моменты — снимки... Их невозможно стереть. А эти взгляды — тоже прикосновения. Они приятны Тее. Они становятся мимолётным счастьем её каждодневного ритуала, в то время как Янгу становится неумолимо тоскливо и скучно. Он отворачивается и смотрит по сторонам, поскольку слишком мучительно продолжать видеть это лицо, не имея возможности коснуться. Ему вдруг вспоминается, сколько раз Тэ проходила мимо раньше и пропадала, когда Янг ещё

не искал возможности с ней столкнуться. Сейчас даже одна её полуулыбка может замедлить время.

— Ты каждый день здесь, — однажды говорит Киан, остановившись у автомата с едой во время длинного перерыва между пар. — В одно и то же время, да? И почему я узнаю об этом только сейчас? Чёрт, это единственное время, когда в коридоре никто не ошивается, и мы можем нормально поговорить... Когда никто не смотрит, слышишь? Почему ты молчишь?

Киан говорит несдержанно, наблюдая, как Тэ зависла одной рукой с купюрой в воздухе, а другой — бережно поддерживает фотоаппарат, перекинутый своим ремешком через шею. Она замедленно выпрямляет спину, кладёт деньги обратно в карман и размещает пальцы на внушительном объективе. Она не спешит оборачиваться. Но прежде, чем она это сделает, Янг заметит, как уголок её рта подёрнется в улыбке, слегка дрогнув перед этим.

— Я не знаю, на какой из вопросов ответить сначала... — начинает она, не поднимая глаз.
— Ты спрашиваешь слишком много, сложно найти ответы ко всем сразу.

Это невыносимо. На её лицо Киан смотрит со странным испугом. Нежное, невыносимо нежное. Оно ничего не выражает, кроме, возможно, усталости и беглой растерянности. Несколько секунд он просто его рассматривает, ощущая, как дрожат руки, нервно и запредельно ясно. Они хотят прикосновений. Тея старается не смотреть на его запястья.

— Я надеюсь на невозможное, да? — спрашивает Киан, улыбаясь, как в нервическом припадке. — Нельзя прикоснуться... Так хотя бы дай поддержать камеру — возьму тебя за руку косвенно.

— На эту я тебя никогда не снимала, — вспоминает Тэ, снимая с шеи ремешок. И, когда она протягивает Янгу фотоаппарат, тот едва сдерживается, чтобы не прикоснуться кончиками пальцев к костяшкам рук, бледных и тонких.

— Не снимала, да... — он совмещает пальцы на корпусе объектива — тот ещё тёплый... И закрывает глаза. — Не фотографировала ни разу, потому что не таскала её с собой. Такая тяжёлая, я не удивлен... — резко открыв глаза, он ловит на своём лице впечатлённый взгляд Теи, и тут же испытывает что-то, схожее с озарением, но в разы пронзительней. Сдавленный крик на дне лёгких. — Это намёк? Господи, ты пытаешься намекать?

Тея кивает, плотно сжимая губы, чтобы не улыбнуться. Широко и заразительно, как это делает Янг, который от радости, к тому же, хочет её обнять. Та делает шаг в сторону и закрывается руками от угрозы тесного сплетения. Впрочем, это не мешает пригласить ей Киана домой — единственное место, где исключён дискомфорт, из-за которого могут возникнуть помехи даже на идеальных кадрах.

* * *

Когда на часах будет ровно восемнадцать по вечернему времени, кожа вздрогнет под одеждой от одного взгляда на эту цифру с символическим значением бесконечности. Слишком рано для заката — солнце где-то за сизым войлоком облаков. Тея смотрит на это

предзакатное небо и с некоторым испугом понимает, что ждать осталось недолго. Тридцать минут, всего-то — Киан придёт в половине седьмого. Впрочем, его всё равно ждут раньше положенного, как принято. Ждут, пока электронные часы отсчитывают минуты, которые с каждым сокращением сердца и времени уходят в небытие, заставляя постоянно подходить к зеркалу и сверяться, всё ли в порядке. Только его нет и в помине. Есть идеал. Существенный и беспрекословный, как и всё вокруг в этом доме. Как и сама Тея Уайт, безукоризненно красивая снаружи, но в полном хаосе внутри.

Она считает, сглатывает, ждёт. Ходит по кухне, гостиной, передвигается по всему первому этажу своего дома, присаживаясь то там, то здесь. Делает это осторожно, стараясь ненароком не смять спинку рубашки. Ещё постоянно заворачивает в ванную комнату и моет там руки. Так тщательно, с трепетом, чтобы потом не коснуться пальцами, влажными от волнения, своих волос. Создаётся впечатление, что они пушатся ещё больше, когда она на взводе. Это абсурд — всё совершенно. Только нет ничего хуже ограниченного времени, когда её перфекционизм достигает пика. На часах без пяти минут половина седьмого. Это исход. И он наступает, першит в горле настолько, что вызывает неконтролируемую жажду. Тея пьёт воду и по досадной случайности проливает её на рубашку — доносится дверной звонок. Кашляя, она понимает, что возможности переодеться нет, поскольку минуты кончились, и потому идёт к двери, как есть — заставлять гостя ждать хуже, чем встретить его некрасивой.

Прямая ложь на саму себя, к чёрту. Всё красиво. Вода лишь чуть окропила воротник у самой шеи. Тея этого не знает — не успевает взглянуть в зеркало перед тем, как открыть, после — поздороваться и пригласить войти, как положено. Она замечает, что руки Киана не пусты, для порядка или потому, что так принято — неважно... Это формальность. Пусть её вид и далек от общепринятого.

— Специально для тебя, видишь: не зелёные, — Киан готов задохнуться, вручая цветы. Их запах здесь не причём: он едва ли присутствует. Дыхание сбивает прикосновение. Короткое и быстрое, как вспышка, оно пронзает нервные окончания, когда Тэ принимает букет.

— Я не знала, что такие бывают... Спасибо.

Тея смотрит на цветы, чья длина немногим больше метра, и гуляет пальцами вдоль стеблей и листьев, отрицая их существование в своих руках. Выразительно чёрные и с ярко-пурпурным отливом, они блестят гляncем от потолочных ламп. На ощупь гладкие, как кожа. Ощущение перворожденности: Тея никогда прежде не трогала растений. И не вдыхала их запах, которого нет. Это странно. Крупные цветы, чьи ярко-красные бутоны, подобные произвольному взмаху кисти художника, совсем не пахнут.

— Канна не имеет запаха, — поясняет ей Янг и, пользуясь её отвлечённостью, прислоняет лицо к тому же бутону. Смотрит не на цвет, а на контраст. Белый очерк щеки Тэ притягивает. И к нему хочется прикоснуться, хочется вдыхать, как цветок, не срывая. — А вот гиацинты, которые я тебе посылал, пахнут сильно.

— Я не знаю, тогда не пахло ничем, кроме дыма. Най постоянно курит в моей ванной, потому что в спальне нельзя.

Услышанное не нравится, но Киан не подаёт вида. Стоит рядом, трогает фиолетовые листья букета из рук Теи, и рискует полностью потеряться в этом моменте, если бы не элементарное упоминание о вазе.

— Они тебе нравятся?

— Мне нравятся только эти, особенные... Люблю чёрный, — отвечает Тэ и добавляет чуть погодя. — И красный. Теперь тоже люблю.

— Да, я тоже... На мне красные брюки, — он обращает взгляд вниз, после — резко, вверх — ведёт им прямо к глазам Теи, которая тут же начинает перечислять, что ещё на нём надето. Белая рубашка и светло-серый пиджак. Янг хотел узнать совсем не об этом.

Эти слова об одежде обоснованы. Они имеют смысл, если её стиль подбирается для съёмки, которая сегодня не просто выдуманный повод зайти в дом. Тэ уверенно заявляет, что вещи на теле Янга будут гармонировать с общим фоном — чёрной мягкой мебелью гостиной этого дома. Всегда говорит уверенно, когда дело касается фотографии. Киану это нравится. И нравится обстановка вокруг. Он присаживается на диван, состоящий из пухлых кубов бархатисто-чёрных пуфов, и кладёт локоть на подушку, осматривая террасу за панорамными окнами. На его лицо с прищуренным взглядом мягко ложится марево предзакатных небес. А по всей комнате стелется, как дымка, тёплый воздух, насыщенный мельчайшими частицами пыли. Такое освещение приятно, словно родное. Как и фотоаппарат, специально оставленный на низком полупрозрачном столике, чья поверхность отражает оконные виды. Тея решает сделать пару случайных кадров, пока лицо Киана является палитрой для столкновения тени и света. Одно лицо крупным планом. Почти в профиль, три четверти, с игрой полутеней на коже. Блики под ресницами и на губах. Пламенный свет затрагивает скулы. Столь идеально, что кажется невозможным.

— Улыбнись мне, — просит Тэ, опускаясь на чёрный ворс ковра одним коленом.

Своими пальцами она медленно прокручивает объектив и настраивает диафрагму. Берёт совсем близкий ракурс, оставляя лишь лицо с парой сантиметров кожи над бровями и частью пряди тёмных волос вдоль поднятого лба. Так холодно и прекрасно. Улыбка была бы ни к месту, если бы не вышла столь ненавязчивой. Тея остаётся очарована, любуясь тем, как Киан, чуть приоткрыв губы, приподнимает их уголки, быть может, на два миллиметра. Тот самый образ. Он застывает в беспристрастном наблюдении за тем, как совмещаются лепестки диафрагмы под линзой объектива.

Тея вытягивается в позвоночнике, сидя на низком зеркальном столике, и замирает с камерой у своего лица. В пространстве тихо. Стоит прислушаться, чтобы ощутить шёпот её дыхания. Серьёзная и бледная, она держит на камерном прицеле лицо парня, всё в светло-алом свете на фоне горящих окон. Дышать не страшно, если невозможно. И незаметно, но ощутимо дрожат губы в желании что-то сказать или сделать, возможно, тому, кто в кадре. Вокруг него солнечный туман, всё плывёт и кружится, и из-под пальцев Теи доносится очередной щелчок затвора, после — тишина, сквозь которую неслышно, как спрыгивает каждый нерв. Хочется разбить этот фотоаппарат вдребезги или хотя бы

снять его с шеи, чтобы спустить себя, как с поводка, и перестать ловить воздух фальцетом от страха.

— Я не хочу больше фотографировать тебя, — сдавленно произносит Тея и, отрывая камеру от лица, вздыхает всей грудью, будто действительно не дышала всё то время, пока держала её, делая снимки.

— Не хочешь? — переспрашивает Киан, приглаживая затылок.

— Не могу, я устала... И солнце садится.

Слышно, как она со стуком кладёт фотоаппарат на полупрозрачную столешницу, и та, звеня, чуть сотрясает воздух. По стенам комнаты стекает пламенный свет. Лучи заката окрашивают в розовый древесину пола и, согревая кожу, ложатся на лица. Тея, опустившись на диван, смотрит на сизые облака, опалённые алым огнём тлеющего солнца.

— Теперь я должен уйти?

— Нет, останься... Но я не хочу разговаривать.

Очерк её скулы темнеет на фоне оранжево-красного пламени окон. Ярко-нежный, нетронутый нежный цветок. В её лице нет ничего, кроме, может быть, извечно детской задумчивости.

— И что мне сейчас делать? — чуть склонившись, спрашивает Киан и прикасается подбородком к костяшкам своей руки, вглядываясь в тень лица напротив.

В комнате пылает огонь заката. И в воздухе, помимо тишины, красиво зависает пыль и расплывается теплота.

— Касаться, — вдруг ровно произносит Тэ и смотрит прямо в глаза. — Сейчас можно... Я хочу прикосновений.

В ту же секунду Киан, как сорванный с поводка, с сияющими глазами прикасается к её щеке, тёплой и удивительно ровной. Он начинает гладить её осторожно, в неверии, будто поддавшись иллюзии закатного марева. Он боится остаться дураком. И боится всё испортить.

Глава 9. Неоновый дождь

На поверхности воды, непроницаемо чёрной и скользкой на вид, покачиваются полосы света. Это фонари, окутанные туманом, стекают из-под моста в мутноватую реку. Их блики расплываются водной рябью. От мысли нырнуть туда вздрагивает где-то в животе, после — пробирает на дрожь всё тело. Вокруг морось и влажный воздух. И только в него, а не воду, хочется нырять с головой, доставляя себе неприятный озноб снаружи, а внутри — ощущение свободы.

— Мне здесь нравится, — произносит Тея, наблюдая за переливами воды под ногами с высоты моста. — Люблю такую погоду.

— Тебе сегодня всё нравится, Тэ, куда ни посмотри, — Найджел косо усмехается и, кинув на неё быстрый взгляд, подходит к металлическому ограждению моста. Остановившись рядом с Теоной, он кладёт локти на поручни, прогибаясь в спине, и тоже смотрит на тёмную воду. Горящие повсюду фонари красиво находят в ней своё отражение. — Ты о погоде поговорить меня сюда позвала?

Они оба стоят, опираясь о парапет моста. В воздухе свистит ветер, гонимый проезжающими за спиной автомобилями, а с неба моросит мелким дождём. Пробирает дрожь. Так себе погода для начала лета. Найджел поправляет бейсболку, слегка влажную, и не может спокойно смотреть на неприкрытую голову Тэ. Её волосы, холодные и мягкие, вдруг накрывает капюшон, торчащий из-под воротника чёрной кожаной куртки. Найджел набрасывает его нелепо, боясь лишний раз коснуться. Впрочем, это касание, каким бы мимолётным оно ни было, остаётся незамеченным — Тея, опустив подбородок на руки, молча смотрит на реку.

— Это нормально — хотеть поцеловать кого-то? — спрашивает она. Звучит безропотно и внезапно.

— Ну-у, конечно, — Найджел отвечает не сразу и тут же, точно подавившись, старается не закашлять. Его голос заметно хрипит. — Если он красивый, если он тебе нравится — разумеется, почему бы и нет?

(«...ты ведь не умеешь, да? Потому что никогда ни с кем не целовалась, а я могу стать первым»).

— А ты сам целовался с кем-то? Кого ты целовал, Най? Если красивый, то... Это Юстас? Он ведь нравится тебе.

— Чёрт, Тэ, ну ты... Не целовал я Юстаса, — Най, скрывшись за козырьком кепки, прячет улыбку в рукав чёрной спортивной куртки и старается не засмеяться. — Дурашка... Ты ничего не понимаешь.

— Я не шучу, Най, — произносит Тея, заметив его улыбку. — Почему ты так улыбаешься?

— Потому что не всех, кто красивый, кто нравится, принято целовать. Ты красивая, Юстас — тоже, да... Он мне нравится, но не так, чтобы целовать. Мы с ним не встречаемся, в смысле, как геи, понимаешь? Потому что мы больше, чем геи... Мы — лучшие друзья.

Мельком окинув очерк его лица в жёлтом свете фонаря, Тея цепляется взглядом за тень ямочки на щеке и улыбается в ответ. Найджел прав: не возникнет желания поцеловать друга просто так, каким бы красивым тот ни был. Достаточно видеть его рядом или даже чувствовать его присутствие. Ощутимо близко. Най стоит рядом и соприкасается с предплечьем её руки через два слоя плотной ткани. Второй контакт за вечер. И Тэ вспоминает, как Киан прикасался тоже — вниз, всей ладонью — он осторожно провёл от

плеча до запястья. Пусть кожа и была прикрыта полупрозрачным материалом рубашки, но пробрало так, как если бы по руке прошлись оголённым проводом. Задело нейроны и нервы более восприимчивые, чем у обычного человека. И, когда Янг нарочно задержался в области пульса, под кожей голубыми змеями припухли в тревоге вены. Ощущалось столь ярко, что казалось невозможным. Ощущалось одновременно обоим.

— ... боже, ну хватит, перестань. Скажи уже что-нибудь. Ладно, Тэ, тогда посмотри на меня, если слышишь, — Найджел, вытянув шею, настороженно заглядывает ей в лицо, причём осознавая, что может этим задеть. Только это не трогает. В отрешенных глазах Теи видно отражение чёрной реки с игрой бликов, как в глубоком колодце.

— Это всё из-за прикосновений, — спустя пару секунд выдаёт она, не отрывая взгляда от воды. — Киан был у меня дома. Всё было хорошо до того, как он почти поцеловал меня. Я разрешила ему прикоснуться до этого, но не имела в виду губами.

Эти слова ударяют наотмашь — Най в мгновение сбрасывает улыбку, как маску. Эмоция, большая и сильная, прошибает его лицо, подобно пуле. Он замирает в прямом взгляде на Тею, не мигая, долго смотрит в её глаза, которые не выражают ничего. Тянется ладонью к карману с сигаретами. Курить не станет, голос и без того сейчас звучит хрипловато:

— Ты разрешила? Ладно... Я, похоже, не знаю ничего об этом, но не поверил бы, если бы даже видел своими глазами, — он говорит задумчиво и медленно, как бы подбирая слова. — А до этого? Тея, из-за этого парня ты едва ли руки не лишилась, помнишь? Я знаю, он хочет тебя или типа того, а ты... Разрешила ему прикоснуться — чудно... Просто так, да? Разрешила.

— Не сразу... Ты ничего не знаешь.

Найджел действительно не знает. Или не понимает. Даже не помнит, возможно, поскольку то прошлое теплится в сиреневых облаках тошнотворно сладкого дыма. Оно приятно окутывает тело мягкой волной в его сознании. Тея вспоминает об этом и начинает рассказывать. И, по обыкновению, заговаривает о фотографии — области специфического интереса, вокруг которого всё вертится.

Разноцветные шары со смазанным контуром на фоне иссиня-чёрного пространства ночи. В её мыслях всё началось именно с этих снимков, сделанных в движении из окна машины, когда Киан согласился отвезти её домой. После были другие — чёрно-белые и с градиентом синевато-красного — они больше не растворены в воспоминаниях, а прикреплены к стене. Не все, конечно, но всё-таки...

Те фотографии — эфемерные моменты обстоятельств. От полароида, которым они были созданы, не осталось ничего, кроме пустой плёнки. Это делает Тею безоружной.

Она продолжает рассказывать. Её речь сыплется в терминах фотографического смысла, когда она говорит о последней съёмке Киана. Лицо в мареве заката. Она наблюдала его сначала сквозь призму фотоаппарата, затем — прямо перед собой. Невыносимо красивое лицо в интерференции пламенного света. Тея заговаривает о прикосновениях. Они, немыслимо нежные, больше не вызывали приступов непереносимости, что раньше казалось невозможным. Киан касался щеки, после — вниз, кончиками пальцев —

коснулся шеи и повёл к верхним позвонкам. Дальше — ниже, всей ладонью — прошёлся между лопаток и опустил руки на плечи. Плавно, как при съёмке панорамы. Этим касанием, как отвлекающим манёвром, он воспользовался, чтобы уткнуться носом в изгибе между шеей и ключицей и тут же провести им линию почти к самым губам.

Следующее касание вряд ли бы вышло от руки... Киан ощутил, что больше ничего не держит. Мнимое чувство. И, когда расстояние стало таким коротким, что перестало существовать, когда одни губы были над другими, что-то всё же сдержало. Взаимное касание. Тея, прищепив пальцами под затылком, оттянула его кожу назад. Медленно и больно. Не прикосновение — пытка.

— Дурак, — нервно усмехаясь, вставляет Най, перебив Тею, когда та говорит, что не разрешила прикасаться губами. — Это ж надо было всё испортить.

— Я ничего не портила.

— А я и не о тебе.

Найджел понимает, что Тея не привыкла к человеческим прикосновениям. Он видит перед собой девочку, холодную и бесчувственную, пустыми глазами скользящую вниз по глубокой чёрной реке. Так только кажется. Она кажется высокомерной. На деле одно лёгкое касание сбивает с толку. Сбивает с неё иллюзорную спесь и заставляет, вздрогнув, обернуться.

— Перестань думать об этом, — произносит Най. — Я знаю, тебе хочется начать планировать, что будет дальше... Ничего, по факту. Если не сделать первый шаг. Он, может, обиделся, хрен разбери... Это нормально, — он вдруг отвечает на первый вопрос Тэ и тут же спрашивает сам. — Мне проводить тебя домой?

Провожать не нужно — они здесь не впервые. Сегодня Тея хочет одна пойти домой, пока Найджел, шагая сквозь потёмки, хочет идти куда-то. И его марш, сопровождаемый ночными фонарями, выглядит ссутуленным и усталым. Доносится шум слабого дождя. Ветер с реки тушит только что зажжённую сигарету. Всё вокруг кажется бессмысленным, в сотый раз проносясь на повторе. Плешь асфальта и желтые пятна в мутных лужах. От кирпича высоких стен веет суровым нравом. Здесь живут воспоминания. Последнее — как он бежал от кого-то из местных с перебитым носом. Бежал в пьяном угаре через переулки старых построек, между которых идёт сейчас ленивым шагом. И где сейчас, прислонившись к обшарпанной стене, исписанной им же, может спокойно закурить и мягко улыбнуться самому себе, зачем-то косясь в сторону освещённого проспекта.

На кирпичном углу улицы качается неонов знакомая вывеска. Её малиновый свет стекает по стене и рисует контуром на блестящем капоте автомобиля, припаркованного поблизости. Грязный дешёвый бар. Найджел вспоминает, что было на дне его стакана, когда он заходил туда в последний раз. Вспоминает, что в таком замусорено паршивом месте никогда не увидишь таких чистых машин. И вдруг тушит сигарету о кирпич стены, как делал это сотню раз, и не торопится, выходя из подворотни под тусклый свет, как не спешит и тот, кто выходит из бара. Слишком безупречно в столь безнравственном месте.

— Сука, от тебя одни проблемы...

Парень, которого Най, схватив за шею, резко прижимает к стене, выглядит несносно. И улыбается, впрочем, так же. Безукоризненно красивый, как с отполированной до блеска витрины. Он здесь не к месту.

— Деньги нужны или что? — насмешливо спрашивает Киан, поправляя волосы одной рукой, другой — медленно опуская пальцы к карману на джинсах.

— Не верь, у него не будет тебе наличных, — прозвучит поблизости в пространстве улицы, после — внутри самого уха горячим воздухом. От этого касания шёпотом вздрагивают корни волос на затылке. И снова вспыхивают воспоминания, когда голос, пропитанный табачным дымом, добавляет. — Зато у меня для тебя кое-что есть.

— Откуда ты тут взялась?..

Это случается быстро. Най не успевает понять, как сам оказывается притеснен к исписанному кирпичу стен. Он не успевает даже разглядеть лицо в темноте. Только закрывает глаза, когда Дана, прислонившись запредельно близко своими губами к его, сразу просовывает что-то между ними, а после — вглубь рта. И Найджел языком подхватывает это — гладкое и круглое. Горькая на вкус таблетка начинает растворяться. Слишком рано получается потерять контроль над своими ладонями: он касается нежно-розовых волос, удивительно тёплых и гладких, и пропускает их через пальцы.

Эта встреча нечаянна. Всё происходит слишком глупо, без гордости. Чужие губы кажутся сухими и, казалось бы, нетронутыми ничем, кроме ветра. И Най ощущает, как накрывает волной, скользнувшей с головы, и всё тело обволакивает неосознанно приятным туманом. Он ныряет в этот пьяный поцелуй с головой, как в спасение.

— Эй, Джей, смотри, как красиво: тебя променяли... — Киан с невозможно подлой улыбкой обращается к парню, усталому и полубезумному, называя его ненастоящим именем. Истинное не принято знать никому, если имеешь дело с законом.

— Потерял я свою «любовь», да?

Глава 10. Одурманенный

Он не в себе. Слишком пьяный, глупый и спокойный. Киан Янг стоит у зеркальной двери гардероба и водит кончиками пальцев по своему отражению. Шея едва держит голову, как и ноги — тело. Приходится прижаться лбом к стеклу, чтобы не потерять выжимки баланса, и увидеть, как облако горячего дыхания задымляет отполированную поверхность. Что-то вскружило голову? Нет, многим больше. Её ему точно оторвали и, сыграв тайм в баскетбол, прикрепили обратно. С лёгкостью, как по волшебству. Это даже приятно. Настолько, что губы расплываются в самозабвенной улыбке, а взгляд проникает куда-то вглубь собственных зрачков. И вряд ли бы это состояние стало таким опасным, если бы он вдруг не упал на колени, досадно проиграв в пользу своего равновесия.

Здесь, сидя на полу, он ощущает, как рассудок ополаскивает волнами безумия. Это правильное чувство. Так и должно быть. Вернее, Дана обещала, что так и будет, когда

разрешил взять половину розовой таблетки из того бара с неоновой вывеской. Она была безвкусной, но сейчас её сладость течёт по венам.

«Ничего серьёзного, на один раз. Это поможет. Поможет со всем разобраться. И выбраться поможет тоже. Покинуть этот замкнутый круг одержимого цветами и прикосновениями»

Так говорила она, когда была рядом с ним, близким, пару часов назад, а не где-то на территории своего дома с кем-то чужим сейчас.

Из-за стен просторной комнаты с приглушённым светом и закрытыми шторами доносится музыка. Она звучит странно, как бы усыпляя, с завывающим синтезом электронных мотивов. Киан пронзает большое зеркало взглядом и, кажется, что-то в нём ищет. Рыскает глазами не в отражении окружающего пространства, а самого себя. И это кажется необыкновенно прекрасным, как и всё вокруг. Стоя на коленях, он прислоняет руки сначала к отражающей поверхности, после — к себе. Киан здесь один, он задыхается... Ему не хватает прикосновений и чувств. Сильно, на грани потребности, поскольку сейчас всё ощущается острее под действием вещества, выброшенного в кровь. Коснуться, заполучить и не отпускать. Он одержим этой мыслью. Он видит, что его зрачки расширены, чувствует, как вздрагивают веки и губы. Вздрагивает он сам, ощущая, как во рту пересыхает. Но Киан не хочет пить. Не хочет ни есть, ни спать — ничего естественного и физического. Кроме одного. Он хочет прикосновений. Его терпение растёт, и он почти привык к этому чувству дискомфорта, когда не получается перестать о чём-то думать. Навязчивая идея. От неё не избавиться, если не выкинуть из головы.

(«...сейчас можно. Я хочу прикосновений»).

Это изводит. Вонзается в душу корнями, глубоко и сильно. Киан закусывает губы, растворяясь в эмоциях, и ощущает, что голова идёт кругом, что цветы в его лёгких, готовые раскрыться, наливаются краской. Пунцовой и зрелой. Он поднимается с пола слишком быстро, отчего перед глазами тут же всё звенит и пульсирует в ритме звучащей откуда-то музыки. И он, стоя возле зеркальных дверей, не пританцовывает, а колышется ей в такт. Его широкая белая рубашка, похожая на смирительную по виду, падает с плеч, останавливаясь на локтевых сгибах и, чтобы не потерять её совсем, он вскидывает руку к лицу и зачем-то прикусывает уголок растёгнутого манжета.

Только он думал, без никаких сомнений, что точно умрёт сегодня. Без мыслей, без чувств. Он ошибался. Сейчас Киан испытывает такое, чему сложно поверить — сравнимое с чем-то великим и светлым — и он готов раствориться в этом. Он ходит перед зеркалом, отталкиваясь от пола широким махом босых ног, словно по инерции, разрезая душный воздух длинными рукавами в ритм слышимой музыки, и улыбается сам себе, чувствуя одно желание — Тея должна быть здесь. Её не хватает. Должна быть затем, чтобы разделить это временное блаженство, пока для них здесь не будет никого. И её фотография, немного потёртая из-за постоянного ношения тесно к телу, прикрепляется Кианом к зеркалу — в кармане находится упаковка жвачки, помимо снимка. Это лицо в нежно-сиреневом цвете, словно достижение, стоившее много сил. Янг ощущает, как в его

бессознательном мареве вдруг всё пробирает энергией, несущейся по венам... И к этому чувству — опаляющему огню — он привыкает так же скоро, как его колени вновь припадают к полу.

Блестящими глазами Киан смотрит на фотографию и на себя. Он чередует, сравнивает. Касаясь зеркала, ведёт пальцы вниз и замирает в прикосновении к собственному отражению, прислонив лоб к костяшкам для удержания баланса. Он улыбается и периодически возводит взгляд вверх, к снимку. И так несколько раз. Он рисует. Так продолжается, пока он рисует в своей голове картину из воспоминаний. Киан вспоминает, что слишком рано получилось потерять свои ладони, когда ему разрешили прикоснуться. Он чувствует, как сейчас на них вздуваются вены. Его мысли ему не врут — система Теи нестабильна, и сегодня в её разуме она дала сбой, когда запустила через свою нейронную сеть реакцию на чужие прикосновения. Или не чужие. После того, что произошло, Янг перестал быть тем, кого следует относить к посторонним. Тогда ему казалось, что он терял сознание, зависая при любом касании, и чувствовал себя одурманенным, прямо как сейчас. Тогда, как и сейчас, нечто запретное быстро всасывалось в кровь и порошило рассудок. И вскоре он уже не замечал, трогая кожу под тонким материалом, как отрывается. Почти от всего. Не отрывается от себя, поскольку, как обычно, позволил себе слишком много красивого, но это всё равно не принесло удовлетворения. Только испортило. Всё, что ему сейчас нужно сделать — лишь поговорить с Теей. И получить разрешение к ней прикоснуться, как в последний раз, и напроситься на нечто большее, как животное в приступе нежности. Без капли самоуважения.

(«...хочу дотронуться до тебя, Тея. Хочу касаться тебя постоянно. Знаю, знаю, что нельзя...»)

Он знал, что закружится голова, но не знал, что сорвётся сегодня так быстро. И не знал, что Тея, не как он, не будет к этому готова. Для неё было слишком много всего. Много всего для одного вечера, дробящегося, как и она сама, в ночь. Киан хотел почувствовать её всю и, паря над соблазнами, запомнить лишь рисунок губ. И это ощущение, и тогда, и сейчас, резало его нервные окончания, подобно нити. Отличие в том, что ранее он чувствовал губы Теи над своими, теперь же — только подушечки собственных пальцев, которыми он их пронизывающе исследует, как на предмет дефекта.

Это порок. Киан несовершенен, как он предполагал. Совершенный человек вряд ли стал бы касаться себя, как это мог делать излюбленный предмет его мыслей, будь он сейчас рядом, провоцируя на тепло взаимных прикосновений.

(«Ты разрешаешь? Я просто люблю чёрный цвет...»)

— А я и не запрещал никогда... Посмотри, сейчас на мне белый, можешь потрогать. Он тебе тоже нравится, я знаю.

Сердце начинает лихорадочно стучать, когда он обнаруживает самого себя в зеркале, а объект мучительно навязчивого желания — в своём разуме. Киан смотрит в отражение, где тает в приглушённом свете его образ, полуобнажённый и бессознательный, пока в голове рождается другой — нежный и нетронутый. Он не может не хотеть этого, но не знает, как в этом признаться. Он хочет ту, которая ничего не разрешает. Хочет сорвать с

неё нимб, дотронуться, почувствовать всю и увидеть, как над её лицом озаряется утро. Хочет, кусая губы, до боли и невозможности. И мысли об этом уже приятно отдаются в животе, порождая мечты.

Горячая кожа и бешеный пульс. Киан не может этому сопротивляться. Он распространяет отпечатки своих рук по телу, понимая, что сойдёт с ума, если не сделает этого. Нервные окончания его ладоней чувствуют судорожные сокращения неприкрытого тела и напряжение в мышцах. Становится трудно дышать. Жарко, невыносимо жарко... Поясница влажная, и Янг чувствует, как его рубашка, повиснув на локтях, прилипает своим воротом внизу спины. Душно и хочется раздеться совсем. И он это делает — джинсы с характерным для тяжёлой ткани звуком падают на пол, звеня пряжкой ремня. Похоть, страсть и разнузданность порока — всё это не сковывает, находя отражение в зеркале, а прельщает взгляд, как нечто прекрасное. Он стоит, чуть разведя согнутые ноги в коленях, и не может спокойно смотреть на своё отражение, взгляд всё время скользит вниз... От воспалённых губ к ложбинке между ключицами, затем вдоль тела, вытянувшегося и наэлектризованного, и дальше — ниже того, что касается тазобедренного сустава. От пристального касания глазами к этому всему на ладонях вздуваются вены, и это ощущение приносит болезненный дискомфорт, если на нём сконцентрироваться. Киан концентрируется, но только на другом. Одной рукой, сильной и нежной, он сплетается с собственным телом и ведёт её вниз, пока другой перехватывает себя где-то под шеей, пропуская через нервные окончания пульс под кожей. То, что он видит в зеркале, прельщает невообразимо, но он не хочет на это смотреть. Только ощущать. Ощущать, как тело отзывается на его касания, как на лезвие ножа, тонко и остро. И Янг, взведя глаза вверх, к фотографии, прикрывает их тыльной стороной ладони.

До этого он думал, что был не в себе. Он ошибался. Сейчас им владеет страсть и безотвязное желание. Сопротивляться ему невозможно, ведь иначе оно убьёт. Медленно и нежно. Поддаться ощущению в ладони и двинуться ему навстречу, как в танце, воссоздавая иллюзию волн своим телом, после — вниз, позвоночником — выгнуться и упасть спиной на ковёр. Так комфортней. Здесь, лёжа на ковре, он ощущает тёплое дыхание на своей щеке. Не своё и не чужое — оно лишь часть игры его разума, которое скоро начнёт рассеиваться. Киан здесь один и ему не хватает кислорода. Он чувствует жар. В комнату задувает ветер, настоящий и холодный, но он его не ощущает, поскольку чувствует жар, иллюзорный и несносный, везде и нигде одновременно. От него вздуваются вены на руках и шее. Янг чувствует, как он себя доводит. Ему не всегда нравятся те ощущения, которые он испытывает при собственных прикосновениях, но он всё продолжает пытаться обнажить нужные нервные окончания. Отрывает ладонь, скрывающую глаза, от лица и ведёт вдоль влажного тела, от груди к низу живота, где замирает. Чувствует, как бьётся сердце. Чувствует, как дрожат колени и натягиваются прямые мышцы бёдер. Он дышит прерывисто и шумно, сначала приподнимая бёдра вперёд и вверх, затем — соприкасаясь с ворсом ковра, и различает, как вымученно приятные ощущения начинают подступать. Этого чертовски мало, хочется большего. Большого в разы. Киан возносит глаза к снимку на зеркале, следом — к потолку. Ему не хватает горячей нежности. И, кажется, той, которая могла бы её доставить, если бы захотела... Янг гладит щекой себе плечо и, преподнеся руку к лицу, целует и вдруг кусает запястье. Он провисает поясницей над полом, ощущая, как мышцы нижнего пресса

немного нервно сокращаются, а при последнем изгибе позвоночника спину пробирает на дрожь.

Киан лежит на полу, опускает свои влажные ладони и вытирает их об ковёр. Чуть приоткрыв рот, он с едва различимой улыбкой осматривает пустое пространство комнаты, ощущая, как тёплая и мягкая зыбь обурекает всё тело. С головы до ног. Сознание в пепел, мысли в вакуум... Облако тёплого тумана и обволакивающего забвения временно парализует нервы. Но всё проходит быстро. И больше не остаётся ничего, кроме собственных безнравственных ощущений.

— Ты говорила, что твоя боль — это моя свобода, помнишь? — он обращается хриплым шёпотом к фотографии. — Это не так, наоборот... Больно мне. И это, должно быть, правильно.

Поднявшись с пола на колени, он снова смотрит в зеркало, где видит себя насквозь — красивого и гнилостного где-то на задворках сознания. Видит свои красные глаза, видит боль... И видит любовь, зажатую между собственной гордостью и принципами эгоизма.

Глава 11. Свободное падение с открытыми глазами

— Кто разрешил тебе войти в дом? — бесцветно спрашивает Тея Уайт, — она не любит внезапных гостей. Впрочем, не всех.

— Твоя мама... — не слишком уверенно отвечает тот. — В комнату меняпустишь?

Эта встреча не запланирована. Киан заходит выходным днём, в четверть третьего, и останавливается на пороге. Парализованный увиденным, он думает, что сейчас упадёт на колени. Тепло во взгляде и холод в конечностях. Он чувствует это и только, чтобы сохранить равновесие, остаётся на месте и скованно хватается за брусок деревянной двери. В спальне негде ступить, но нет беспорядка. На единственно свободном квадрате пола сидит Тея, расположившись спиной к дверному проёму. Она сидит, опустив плечи и скрестив ноги, и отгораживает себя от остального пространства комнаты собственными снимками с полароида в нужном порядке. Собирает их вокруг себя, как пазл, скучный и в палитре одного оттенка. Картинки, как таковой, не получается — только кадры. Они по всей площади пола, подобно мозаике.

— А что ты ей сказал, чтобы онапустила? — она по-прежнему не оборачивается на вошедшего.

— Сказал, что твой друг, а в чём дело? Она меня помнит, Тея, как я проводил тебя тогда.

— Мы с тобой не друзья... — она подмечает это вкрадчиво, блуждая взглядом по своему творению, точно по лабиринту. — Проходи, но осторожно, чтобы не задеть.

Киан пораженно смотрит на её спину в полосатой пижаме и не представляет, как подступить, не разрушив огромный чёрно-белый пазл, собранный повсюду. Он шатко движется между его границ, как по тонкому льду. Впереди маячит соломенная голова Теи

Уайт, чьи волосы, слегка завивающиеся у измятого воротника, вызывают желание к ним прикоснуться.

— Чёрт, что ты здесь устроила? Зачем это всё?.. — пытается говорить спокойно, когда на самом деле это не так. Страшно и дико. Хотя не то чтобы слишком. Больше невероятно — видеть, как едва ли не вся поверхность пола выложена фотографиями с твоим лицом, как облицовочной плиткой.

— Это все твои снимки, какие я сделала за два года — моя коллекция... Её нужно рассортировать, — ограничивается только этим, хотя хочется сказать большее. То, что Киана вообще не должно было быть здесь, что он не должен был приходить, чтобы это не увидеть... Не увидеть её — главное — её саму, несобранную и помятую, среди этого, идеального и ровного. Это неправильно, некрасиво. Едва ли не убийственно своим дискомфортом. И этого знакомого пронизывающего взгляда из-за спины тоже хотелось бы избежать. Так тяжело, что обо всех этих навязчивых мыслях приходится молчать, чтобы не обидеть. Иначе нельзя — он уйдёт. — Я хочу, чтобы всё было красиво, но понимаю, что сама сейчас не в лучшем виде...

В комнате, полной застывших лиц на фотографиях, кажется, останавливается время. Так кажется Киану в тот миг, когда он кладет свои ладони Тее на плечи. Он молчит и, замирая в моменте, растворяется в её разговоре о каком-то идеальном принципе — слова пролетают мимо. Всё неважно, когда можно касаться. И наклоняться слишком близко, и трогать кожу где-то под волосами у шеи, и очерчивать пальцами линию скул — ему можно... Шаг за шагом и по чуть-чуть. Теперь можно.

— Ты красивая, слышишь? — вдруг прерывает он её, когда речь становится абсурдной в бесконечном потоке терминов. — В любом виде. И ещё... Я знаю, ты ненавидишь, когда так говорят, но сегодня ты страннее, чем раньше. Прости, но я не понимаю... Это мания — сортировать фотографии? В каком порядке?

— Возрастания — это по дате... Смотри, можно проследить, как ты меняешься, если начать смотреть с оттуда, и...

— Постой, начиная с самой первой моей фотографии? Но даты на них не подписаны, ни на одной... — он замирает кончиками больших пальцев на её висках, остальными — обхватывает подбородок. Теперь лицо Киана больше не светится в голубом сумраке комнаты с закрытыми шторами. Сейчас оно не выражает ничего, кроме, пожалуй, что потрясения, направленного в дальний угол — там берёт начало этот блеклый пазл. — Это нелепо, они же совершенно одинаковые...

— В этом их прелесть, стиль... Но они всё равно отличаются.

— Значит, я не ошибся, когда сказал ещё в тот день, что твоя гениальность граничит с безумием?

— Тогда ты говорил другое, а это — вырвано из контекста... И у меня нет безумия, — Тея, вскинув голову вверх, впервые за всё время здесь обращает к нему своё лицо, которое тот по-прежнему держит в своих ладонях. — Это фотографическая память, — смотрит

прямо в глаза, как не посмела бы раньше. Тогда это казалось недостижимым, как дно океана, теперь же — подобно свободному падению по своим ощущениям.

Падение в глубокий чёрный колодец, полный демонов. Тея больше в них не верит. Это трудно понять, учитывая прошлый опыт. Она смотрит в глаза без страха и ловит там блики под потолком своей спальни. Киану сложно игнорировать этот взгляд. Слишком живой и нетронутый, как и его обладательница. Чувство чего-то потрясающего, невероятного, с которым он едва справлялся, когда переходил порог этого дома, теперь становится мягче и счастливее. Теперь он понимает, почему раньше стыдился своей нежности к Тее и, собственно, подвергал всем своим экспериментам по изучению её аутистического спектра. Лишь потому, что боялся излишне привязаться. И сейчас ему тоже страшно. Он слишком поздно опускается на колени, чтобы не потерять это лицо в собственных ладонях, пока ещё есть возможность к нему прикоснуться.

— Мне хотелось, чтобы ты позже увидел всё это в полном формате, — говорит Тея о своей коллекции, обводя взглядом площадь пола. Затем она оборачивает свои пальцы вокруг тёплых запястьев, чтобы отстранить себя от касания Янга. Давление на голову. Подобное прикосновение не из приятных. — Это всё равно ненормально, да?

— Это прекрасно, я знаю... Потому что ты это любишь, — ему приходится убрать руки, которые словно парализованные, с её лица. Приходится опустить свои ладони вдоль тела, чтобы позволить Тее положить голову себе на плечо, при этом не потеряв её взгляда. Эти глаза, тёмные и тёплые, согревают, как алкоголь. Тот самый ирландский виски. И его хочется выпить до дна. — Нет, не потому что ты странная — это ложь, а потому что с тобой я не чувствую себя ненормальным — это правда...

Киан сидит на полу среди многочисленных снимков прошлого. Они блеклые, но одинаковые лица на них сияют. Глядя на них, он чувствует, как соскальзывает на глубину, где не может отдышаться. Это призраки прошлого в его голове. Становится приятно, что они не рядом. А ещё спокойно и томно. Спокойно от сумрака просторной комнаты, где мельчайшие частицы пыли летают в воздухе, а томно от ощущения настоящего соприкосновения, когда Тея держит свою голову у него на плече. От этого страстная нежность, пропущенная сквозь нервные окончания, ударяет, как током. И он теряет и руки, и голову, и губы — теряет всего себя — и как-то стихийно притягивает лицо Тэ, чтобы прикоснуться к нему с поцелуем...

— Нет, я не хочу, — вдруг требовательно произносит та и, съёжившись, чувствует, как Киан утыкается губами в середину её протянутой ладони. — Ты же знаешь, что нельзя, и всё равно... Я не разрешаю.

Он знал, что за этим последуют подобные слова. Знал, что и сегодня сорвётся так быстро. И знал, что нечто, неконтролируемое и дикое, будет бешено носиться по его венам, отдаваясь раскатами грома в разуме. Молниеносно и насыщено. В какой-то момент захочется схватить Тею за запястья, и резко, как в исступлении, опрокинуть её спиной на пол. Тогда фотографии с него взлетят вверх, как испуганные птицы, и содрогнётся разряженный воздух. Всё будет наполнено электрическими импульсами и... Нет, ничего такого не будет. Пусть эти мысли и невообразимо гложут, но это всё тьма его разума. В

этот раз она ничего не испортит, не пустится по венам вместо света. Нужно только начать тихо дышать, как при перегоревшем после дождя пожаре, и держать себя под контролем.

Тьма внутри отступает так же быстро, как за все те мысли, застигнутые врасплох минутой ранее, становится невыносимо стыдно. Пена и волны здравого смысла омывают рассудок от грязи безнравственных ощущений, когда Тея сплетается с его пальцами, и после — молча, одним взглядом, — позволяет прилечь рядом с собой на пол. Теперь внутри, как и снаружи, есть только чистота. И здесь, на глади из снимков полароида, для них больше никого нет.

— Ладно, — произносит Киан, улыбаясь, спокойно и кротко. — Но тебе я не запрещаю ничего.

Они лежат на полу. Чёрно-белые моменты прошлого, выложенные вокруг сплошными рядами, бледнеют на их фоне. Лежат напротив и вглядываются в лица. И ощущают, как под тканью одежды гладко скользят фотографии. Тея прижимает свою ладонь к лицу Киана, и тот замечает, какой у неё взгляд — живой и пронзительный. Тёмные глаза дикой кошки. У одного из них, пропущенный сквозь не плотно закрытые шторы, замирает тонкий луч света.

(«... мой цветок, да? Поставлю тебя на солнечную сторону...»)

Тее нравится, как Киан на неё смотрит: с замиранием, по нежному нервно... И нравится, что можно прикоснуться к нему, больше не ощущая прежнего удущья и воспаления. Она трогает его щёку мелового оттенка, соприкасается кончиками пальцев с небольшими и розоватыми губами, округлёнными прерывистым вздохом, опускает руку на чёрные волосы, такие мягкие и лёгкие на ощупь — и чувствует что-то безумное, восхитительное... И готова поклясться, что уже обожает это чувство.

— ...И я думаю, что ты из другого мира: не похожа на человека — такая красивая... — шёпотом говорит Киан, приоткрывая рот в очарованной улыбке. Он мягко прикасается к подбородку Тее и чуть поглаживает его большим пальцем. — Почему нельзя поцеловать? Знаешь, это даже мило, но хотя бы один раз? Потом, если понравится, снова и снова... Я бы хотел.

(«Есть в твоей прекрасной голове хоть что—то, кроме «хочу»?»)

— ... Хотел бы, если ты не против, — добавляет он тут же и, подставляя скулу, чувствует, как Тэ прикасается к ней, медленно и плавно. Затем — ниже, уже от другой руки — краями ногтевых пластин водит под рукавом.

Её прикосновения, мучительные и прекрасные, проходятся по коже, точно по электрическому проводу, и с нежностью вскрывают нервные окончания. Киан ощущает их слишком остро, как лезвие ножа. Эти прикосновения обнажают душу — он прикрывает глаза в кратковременном приступе эйфории. Это похоже на боль. Холодную и сводящую, как от сливочного мороженого. Она по-настоящему приятно дрожит в мышцах и сковывает запястья.

— Я не люблю поцелуи, — начинает объяснять Тея. Она лежит на полу, сонная и склоненная головой над Кианом, и продолжает касаться его так, как никогда прежде, потому что больше не боится. Совсем не напугана. И ей нравится трогать. Трогать что-то своё — дышащее и горячее — живое тело, а не плоское и гладкое, — его снимок. — О них я могу сказать мало: только видела в фильмах, но, похоже, это не слишком приятно... С языком противно. Терпеть не могу эту слизь изо рта — она похожа на плёнку, пахнущую и растекающуюся по коже. Поцелуи в голову и уши — плохие поцелуи, потому что в уши — слишком громко, а в голову — пачкает волосы. А поцелуи без предупреждения... Это, наверное, то же самое, что и внезапные прикосновения — неприятно до жути. Я такие видела, и мне они не понравились.

— Вот так, ладно... — мельком взглянув на её губы, Киан с какой-то грустью быстро проходится языком по собственным. И сразу же изящно приподнимается на локте с выражением истомлённого интереса. — А какие тогда нравятся?

Прежде, чем этот вопрос слетит с его губ, он успеет осознать, что Тея не может просто так продолжать к нему прикасаться. Слишком мучительно и в деталях. Она трогает кожу, как если бы что-то искала на её поверхности или под ней. И вряд ли она способна представить, как поразительно красиво выглядит сейчас. Её осязаемый восторг передаётся сквозь пальцы, длинные и тонкие, электрическими импульсами прямо в чертоги рассудка. И тонкая площадь руки наполняется светом. Киан чувствует, что становится живее, когда Тея освобождается от сковывающих инстинктов своего спектра и начинает верить своим мыслям. Всё в порядке, если не смотреть на снимки прошлого. Не смотреть назад.

— Нравятся? — спрашивает Тэ, сжимая воротник рубашки напротив и соскальзывая пальцами, как и взглядом, куда-то под материал, между ключиц. Становится теплее. — Если поцелуи сухие, не склизкие — это хорошие поцелуи.

Киан понимает, что такие поцелуи — это привилегия. Привилегия, словно достижение, стоившее ему много сил — это и всё то, что происходит сейчас. А эти прикосновения — не более, чем колыбельная для его воспалённых нервных окончаний, лишаящая сна. Сладкий сон. С ним невозможно заснуть ночью и слишком больно просыпаться утром. Но сейчас не время для сна или боли. Теперь, когда Тея рядом, а не на фотографии, он уже не может её отпустить. Он хочет так же, как и сейчас, видеть её лицо напротив и рядом каждый день. Это станет его спасительной силой.

Чуть приоткрыв рот, Киан прикладывает к своим губам два собственных пальца — указательный и средний. Так он утомлённо смотрит на Тею. И, ненадолго задержавшись в этом взгляде, вдруг протягивает руку вперёд и касается этими пальцами её губ. Та успевает лишь подумать, как это удивительно, прежде, чем услышит его голос, обращенный, казалось, к чему-то эфемерному:

— Почему я так сильно влюблён? Пожалуйста, дай мне хоть что-нибудь...

Глава 12. Под тенью и в сомнениях

Дым взлетает к потолку тонкими змейками. Они мутно—сиреневые, если просто смотреть, и тошнотворно сладкие, если вдохнуть носом и пропустить через горло. Эти ощущения, красивые на вид, не имеют ничего прекрасного в своей сути — в раскрепощении сознания и парализованности лица, когда невозможно прекратить улыбаться. Или понять, что ты улыбаешься. Зато можно перезагрузиться внутренне и прийти к выводу, где граница рассудка утопает в нелепых мыслях, а где — в небольшой спутанности сознания. Дана чувствует, как волна с головы мягко накрывает тело блаженным бездействием. Чувствует это у себя в разуме. Она полулежит на мягком белом диване, курит до тошноты и не может притворяться, будто бы ничего не ощущает. В то время как Тея, сидя на ковре, не может притворяться, будто ощущает что-то, кроме дискомфорта.

— Меня не должно было быть здесь, понимаешь? — обращается она к Киану, держа голову на его плече, и наблюдает, как струйки сладковатого дыма колыхнутся где-то наверху. После, медленно и плавно, как само время, они смешиваются с воздухом внешнего пространства из приоткрытых окон на косом потолке мансарды.

— Спасибо, что разрешила взять тебя с собой, — тот осторожно сплетается пальцами с её рукой, которая, как в нервическом припадке, держится за длинный красный ворс. — Сложно поверить, что ты здесь... — его губы произносят это, находясь в двух сантиметрах от светлой чёлки на лбу Тэ. И трудно, до невозможности трудно контролировать себя, чтобы ими к ней не прикоснуться. Хватит секунды, чтобы сделать это незаметно и тихо для всех, и ощутимо и громко для одной. — ... В голову — пачкает волосы. Это я помню, да.

— Что пачкает тебе голову? Свои же грязные мысли? — доносится со стороны дивана с едким смехом — Дана слышала. Разобрала слова, находясь так высоко, словно под потолком. — Я никому о них не скажу, а ты... — вдруг прерывается, ощущая, как её обнажённая шея молит об удушении. — Ты никому не говори, что у меня грязь в венах, Кики.

— Ещё не говори, кто ей её доставляет — тогда я буду вести себя должным образом. А вы знаете, знаете меня... Знаете, как мне нравится быть испорченным.

Джей не спешит войти. Он стоит у косяка двери и, поведя плечом, замедленно, как змея, разворачивается. Его рыжие волосы слегка растрёпаны, точно после карусели, а во взгляде, безотрывно следящем за тлеющей сигаретой в пальцах Даны, гуляет её огонёк. Ветер задувает сквозь все окна, когда он гаснет. Пепел красиво разносит по всей комнате свежий воздух. Джей бросает свой пиджак на пол, и Киан замечает, что тот похож на грязь. Ту, какую он принёс в карманах порванных чёрных джинсов, и которую хочется выбросить, подобно мусору.

— Тебе нравится только всё портить, а не быть испорченным, — мрачно произносит Киан, накрывая глаза Тэ ладонью, потому что чувствует, как что-то идёт не так... И можно быть близко. Даже нужно.

— Не выдумывай, мальчик, чего ты от меня хочешь? — говорит он и небрежно закидывает локоть на спинку дивана. — Никто в этой комнате даже не знает моего имени, зато я могу вылечить любого — всех лихорадит по-своему.

— Меня как раз слегка знобит... Так, периодически, — слабо улыбается Дана и, потянувшись к низкому столику у дивана за чипсами, вдруг резко передумывает брать. Вместо этого она зябнет в собственных руках, вжимаясь в диванную спинку, и вонзается кончиками пальцев где-то в области рёбер. Таблетку, оказавшуюся в протянутой ладони, она тут же кладёт на свой язык и чувствует, как она там растворяется. — Я вся на нервах, потом дашь мне ещё одну... И я не хочу есть, Кики, не смотри на меня так. Ощущаю себя, как при болезни, хотя при этом чертовски счастлива. Мне просто нужен комфорт.

Она понимает, как ей всё это нравится. Нравится забываться. Нравится быть под кайфом и слегка истощённой. Это продолжается снова и снова. Не отпускает. И от ещё одной таблетки не будет вреда. Так же как и от сигареты, и стакана, и бутылки, и чужих рук, на которые давно плевать — ведь она так любит всё это. Сидеть и курить на мансарде, как сейчас, где не зажжён камин, выключен свет и кое-где горят под потолком белые софиты. Так она свободна, может, и ни перед кем не виновата. Во всяком случае, была только что, пока... Пока не затерялась в музыке, доносившейся к ней откуда-то снизу, по ступенькам. Настойчиво, живо и по-настоящему — она напрочь пробивает разум.

— Я слышу шум... — хрипловато произносит она и спешит разлепить глаза. — Что это ещё за звук, мне не кажется?

Не шум, а гитарные струны. Они совсем рядом. Кто-то перебирает их, поднимаясь по лестнице, красиво и ненавязчиво. И будет перебирать как бы ненароком, улыбаясь и смотря на свои пальцы, пока не окажется в дверном проёме мансарды. Найджел слишком рано поднимает глаза, теряет только что подобранный аккорд и понимает, что готов задохнуться. Готов задохнуться от увиденного.

Он молчит, но всё чувствует, и видит так близко. Ощущая искры в глазах, бросает струны — гитара падает на пол. Здесь, стоя на пороге просторной гостиной с тусклым освещением по двум скошенным сторонам потолка, он видит всё. Видит Тею — бледную и в чёрной рубашке — она сидит на ковре и держит свою голову на плече кого-то другого. Тот закрывает ей глаза и шевелит губами в нежных словах о чём-то несерьёзном, а она разрешает на себя смотреть и даже трогать руками. Найджел понимает: его подруга меняется... И это сложно принять. Теперь он не сможет её защитить от всего нового так же, как не способен защитить и самого себя. Защитить от софитов, что раскрывают секреты девушки, красивой и с красными глазами, от таблеток, прячущих её чувства, и от испытывающего взгляда напротив, вряд ли заглянувшего сюда случайно... От всего того, что здесь творится. Это кажется слишком несерьёзным, если смотреть со стороны. Хотя, если начать приближаться медленно, но верно, по направлению к дивану, можно увидеть всю суть.

Как Джей затягивается, придерживая сигарету одной рукой, а другой — держа маленький прозрачный пакетик над столиком, пытается его разорвать. Там внутри, подобно сладкому разноцветному драже, перекатываются друг о друга пресные таблетки. Найджел видит, как Дана смотрит на них: с трепетом и азартом... Это взгляд ребёнка, который открывает свой подарок с бесперебойной верой в то, что обнаружит там щенка.

— Я ничего не понимаю... Ты на меня совсем не смотришь, и это невыносимо, — с сонной лаской говорит Найджел и почти сокрушенно смотрит на дрожащие запястья Даны, а потом — на кончик сигареты между пальцев Джея. — Из-за него или из-за всего, что он тебе может дать? Не дури, принцесса, разок попробовала — и хватит. Как и ты, рыжик, дай мне тоже затянуться... Или зажал? — за этими словами он приподнимает под локоть чужую руку и, оторвав от белой спинки дивана, выхватывает из её пальцев, иссушенных и нездоровых, почти окурков. Затем перегнувшись, прикасается его загнивающим огоньком к другой руке парня, в которой тот держит пакетик, и начинает жечь ему кожу то там, то здесь.

Лицо Джея покрывается испариной. Сам он никак не реагирует — не пытается отмахнуться или хоть бы пошевелить пальцами — лишь дерзко улыбается. И даже просит ещё.

— Огонька тебе дать, да? — спрашивает Найджел с нескрываемой улыбкой. Он ни о чём не думает и не может остановиться. Потухший уголёк сигареты между его пальцев больше не обжигает — на коже рассыпается только пепел. Он рассыпается, загрязняя свежие ожоги.

Дана смотрит на это, полубезумно улыбаясь, затем спешит затушить и свой дымящийся огарок. Не об чужую руку, нет. Она гасит его о шероховатую поверхность одной из таблеток, что внутри прозрачного пакетика. Её поверхность чуть шипит и занимается чернотой по кругу. Наблюдая за подобной реакцией, Дана чувствует, как о ней заботятся. Заботятся по-настоящему, а не играют вслепую — всё на самом деле. Она способна это понять, но не способна ощутить. Сейчас, по крайней мере, когда её лёгкие наполнены душным сигаретным дымом, а сознание — ядовитым счастьем. Ещё она изрядно пьяна. Сидит и уставшим взглядом смотрит на матовую поверхность мелких дисков за плёнкой пластика. Она знает, что с ней случится в ближайшее время... Точно умрёт сегодня, никаких сомнений. Догадывалась об этом, когда принимала один из них, заглатывая вместе со спиртным, теперь же уверена, потому что чувствует, как это близится. И тихо угнетает.

— Она не любит такие конфетки — они пресные, — продолжает Найджел, резко притянув к себе рыжего парня за воротник рубашки. — Дорогие вдобавок, и их много не съешь... Так, принцесса?

— Принцесса? — Джей закусывает губу, усмехаясь, и косит прищуренным взглядом в сторону. Так он смотрит на Дану и вдруг глотает со своей ладони ту таблетку, которую так и не смог ей передать. — Далек до такого титула — не хватает ума и манер. Она хороша только под круглые и лишь после того, как доберётся до ширинки. А ты — психопат, если впустил её в сердце раньше, но... Ладно.

В глазах Ная сколачивается мальчишеская обида. Он готов сорваться с места, как на одной сплошной, но вместо этого только сильнее натягивает края воротника напротив и вжимается ногами в пол.

— Смотри на меня, пока на всю эту сцену смотрит моя подруга, которая не переносит насилия, — он говорит со всей серьёзностью и тихо. — И для неё я — хороший, так что будь таким и ты. Или хочешь выйти и попробовать самостоятельно добраться до своей ширинки, чтобы попытаться вылизать себе там всё? А я никому не расскажу, какой грязный у тебя язык.

Затем он говорит ещё что-то — это неважное, о себе. О том, что не такой храбрый, и не такой умный, нет... Просто делает одолжение. Болтает об этом так же, как дышит, без перебора и умолку, что-то о низменном потреблении, и ещё... Это не имеет значение, когда рассказываешь о чём-то, отвлекая и забалтывая. Он заговаривает Джея какой-то глупостью, глубокой и философской, не давая вставить и слова. Заговаривает, отпуская свои ладони с его воротника, затем с осторожностью берёт прозрачный пакетик со стола и высыпает его содержимое. Разноцветный град бросается на дно стакана. Этот стук раздаётся в ушах приятной тонкой дробью, но не мешает разговору. И, когда односторонняя речь заходит о любви (такой разной, безумной и холодной), удаётся различить всплески жидкости — Найджел заливает таблетки чем-то алкогольным. Запах особенно сладок и свеж. Дана различает его и вдыхает, и тянется, и так непосредственно, с голодным интересом, наблюдает за руками Ная, как за танцем в свете софитов. Между его пальцами — большим и указательным — вспыхивает огонёк зажигалки. Тонкий и острый, точно лезвие, он сначала светится бледно-жёлтым пламенем, после — неоновым синим. Он горит на поверхности прозрачной жидкости. Горит красиво, и Дана вместе с ним. Сгорает в нём взглядом. И ощущает ультрамарин в бездонной тьме собственных глаз.

— Как хорошо, что я за них не заплатила... — сухо звучит её охрипший голос.

Некоторое время они все смотрят на пьяный огонь в стакане. Все смотрят по-разному, но в одинаковом забвении — каждый в своём. Дана кажется, что за прозрачными стенками танцует вовсе не пламя, а плещутся японские синие карпы. Найджел меркантильно думает о том, что всё, что сейчас там горит, стоит больше, чем он сам. А Джей, прищурено глядя на пылающую лазурь, пока не осознает всего происходящего... Что он будет делать, когда синева растворит и спиртное, и таблетки? В стакане горит не алкоголь. Это цена его алчности. Он смотрит на неё пустыми глазами и сдавленно произносит:

— Значит, сейчас заплатит твой дружок — я не делаю одолжений... Не люблю быть недооцененным.

У него нет здесь друзей. И больше не для кого быть хорошим, если никто не отдаст денег за товар. Пусть такой же испорченный, как и он сам.

Пока Найджел, стоя под тенью и в сомнениях, не видит перед собой ничего, кроме отражения синего пламени в глубине расширенных зрачков, Джей ненавистно смотрит только на его профиль. И медленно, как ядовитый аспид перед нападением, поднимается с дивана, вытягиваясь кверху. После — вперёд, кулаком, — замахивается и ударяет в лицо.

Он разбивает Наю нос, пока тот не видит. Коротко и быстро — это подло. И больно вместе с тем. Он сдавленно взывает, прячет лицо в ладонях и тут же ощущает, как по пальцам течёт горячая влага. Кровь и слёзы. Последние текут из глаз, в которых всё ещё видны искры. Пытаясь не упасть, он хватается за плечо сидящей на диване Даны, стирает кровь рукавом. Боль в переносице резкая и пробирающая. Най со злостью смотрит на довольную полуулыбку рыжего парня и хочет нанести ответный удар. Хочет дико, на грани потребности. И на его руках, окровавленных и бледных, почти болезненно вступают дорожки вен. Дыхание шумное, сквозь зубы — приходится терпеть. Обернувшись, он сталкивается с безэмоциональным, но ярким взглядом Теоны, чьи глаза теперь кажутся бледно-голубыми, и видит, что Киан так и не отпустил её руку. Всё это время они были здесь, рядом. Сидели на своём красном ковре, как на спасительном плоту, и наблюдали.

— Ну как, наигрался с огнём? — спрашивает Джей, снова заняв своё место. И по-прежнему вальяжно перебрасывает локоть через спинку дивана.

— Не заплатила — это хорошо... А у тебя кровь, Най, — апатично обращается Дана, глядя снизу вверх. — Это опасно. Что будешь делать, когда вода окрасится кровью?

— Что?

Дана не отвечает ему. Ощущая на себе его ладонь, нежную и крепкую, она расслабленно ведёт плечом и прикрывает глаза. Найджел всё понимает даже сквозь боль — руку приходится убрать. Остальное происходит быстро. Под тяжестью тишины, почти ничего не чувствуя, Дана обнимает себя дрожащими руками — поднимает кофту — ей жарко в комнате, где ветер задувает со всех окон. Но дело не в этом. Если ей нравится упиваться своей болью и обожать собственные страдания, удваивая их дорогой дрянью, чтобы потом броситься кому-то в руки, то Найдзелу она такого точно не пожелает. Хочет только помочь, пока не потеряла сознание. И сейчас её тело, тонко одетое и слегка истощённое, ловит свет потолочных софитов, а руки, которые уже просто болят, загибают тонкими пальцами лёд из серебристого ведёрка и набивают его в ткань кофты. Затем она просит Найджела присесть, утончённым жестом одной руки постукивая рядом, а второй, зябнувшей и худой, — показывая ему влажный моток. Тот не садится. Он лишь принимает лёд, что сочится из ткани, и стоит очень близко, запрокинув голову и прижав его к середине лица.

Лёд тает, расплываясь алым пятном на белой ткани, и превращается в жидкость. Вода окрашивается в кровь. Она капает на пол ценой его защиты. На руках, лице, ткани и паркете — повсюду кровь и вода.

— Если бы я была тобой, то никогда бы не влюбилась в меня, — говорит Дана слабым, как и она сама, голосом, наблюдая за Найджелом. Тот разворачивается и уходит. Не насовсем. Уходит, чтобы смыть с лица всё влажное и солёное. — Я никогда бы не влюбилась в такую, как я...

— В какую? — вяло интересуется Джей. — В такого мерзкую паршивку или такую прелестную дрянь?

— Заткнись, если ни о себе, — бросает Найджел уже в дверях.

На полу Тея вдруг порывается за ним. Не может спокойно видеть, сидеть и провожать глазами — устала быть за кадром. Только Киан просит её остаться. Просит неслышно, одними губами и тут же, прикоснувшись к ним пальцами, оставляет на губах Тэ отпечаток. Он сам последует за её другом, поскольку должен кое-что ему рассказать — это важное, о том рыжем парне с тонкой улыбкой. И Тея остаётся сидеть на ковре в полном одиночестве. Чувствуя, что не умещается в собственном теле, что стала больше, чем свои кости, и холоднее, чем эта комната.

Все молчат — им не о чем говорить. Если только о Дане, которая плавит своей горячей ладонью куски льда в стакане, ощущая, как высокая температура её тела противостоит проветриваемому пространству. Её лихорадит. Бросает и в холод, и в жар, как по двум течениям разных морей — то течение её крови. Она выпивает что-то, сладкое и холодное, слегка прикоснувшись губами к краю стакана, и пьёт так по чуть-чуть, поскольку ощущает нечто сводящее и болезненное... И приятное, чёрт возьми. В этом её важность и превосходство над другими. Чувство полёта — она высоко. Смерть сверху. Она лишается сомнения, когда слышит эту мысль у себя в разуме.

— Странно, что ты ещё не потеряла сознание, — сдержанно подмечает Джей, подперев подбородок костяшками сбитой руки. — Знаешь, с сигаретой или со стаканом тебя заметить легче, чем с едой... Ты вообще что-нибудь ешь?

В этот момент Тея видит, как Дана одной рукой манерно тянется к низкому столу за чем-то с подноса, но через секунду передумывает, и другой вдруг слегка касается оголённого под коротким топом впалого живота. Так тяжело смотреть. Она не пытается как-то помочь себе — лучше будет страдать. В этом она теряет и обретает себя заново. Тэ вспоминает Найджела и понимает, что если будет нужно, тот всегда поможет, ведь до сих пор никто так и не смог... Затем она замечает, как рыжий парень подсаживается ближе и прикасается большим пальцем к запавшей щеке мелового оттенка, после — вниз, остальными — ведёт по тонкой шее с несколькими отметинами холодных оттенков. И заглядывается на эти необычайно розовые волосы, что блестят под софитами. Никакого внимания с этим не следует — только пустой взгляд, точно в пропасть. Тогда Джей силой разворачивает к себе её лицо, ровное и идеальное, и, западая на блеск в глазах, где порвались капилляры, спокойно говорит:

— Ведь ты же любишь всё это: таблетки, курево, деньги... Всю эту дурь, которую никому не отдашь, я знаю. Знаю, как тебе нравится быть под кайфом... Девочка, которой пора всё бросить. Это они так говорят, а я говорю по-другому, — тут он достаёт из кармана джинсов, оголяющих острые колени, ещё пару пластиковых пакетиков. Достаёт аккуратно, в отличие от всего остального, что делает. И белый порошок, как будто в подушках, маленьких и плотно набитых, падает на чёрный стол.

— Что это? — вдруг спрашивает Тея Уайт, которой белый цвет нравится не меньше чёрного.

— Так красивая куколка Киана умеет говорить? А я думал, что ты немая или просто под чем-то — вид у тебя, конечно, ангельский, но будто не живой... Как у неё, — вскидывает подбородком в сторону Даны. — Подойди сюда.

— Нет, Тея, будь там... Пожалуйста, — подаёт голос Дана. — Он плохой, понимаешь?

— Почему? — спрашивает Джей, приближая к себе её лицо бледно-землистого оттенка, перехватив его где-то под челюстью. — Я плохой, да... А ты — удивительная. Но лишь снаружи, знаешь, внутри же ничем не отличаешься от меня... Тоже на дне. Или всплывешь, или утонешь — умрёшь в любом случае, — прерывается, на секунду оторвав руку от его шеи, затем быстро вскрывает пакетик с веществом, сыплет его снежной дорожкой вдоль фаланги своего большого пальца и прислоняет под нос Дана, пока её саму держит за голову. — Только не выдыхай.

— За тобой дверь, Джей, — Дана отвечает безразлично и сонно. И старается не дышать. Хотя ей уже некоторое время кажется, что она разучилась это делать и вовсе. — Поверь, будет лучше, если ты уйдёшь... А я сдохну и без этого.

Её мысли, перемешанные с таблетками и спиртным, уже не знают, правда это или ложь. Ничего нельзя отрицать. Даже когда вся эта боль проникает всё глубже, а сознание — покидает, она всё равно не может остановить чувство парения под потолком. И Тея это видит, ей это не нравится. Не нравится, что руки Даны висят вдоль тела серыми канатами, не нравится, что её лицо, слабое и светлое, держит кто-то сильный и тёмный. Этот кто-то чужой сначала окрасил пол в красный и разбил нос её другу, а сейчас причиняет боль тому, кого она должна был спасти. Тее нравится цвет его одежды, но не нравится рыжий цвет волос... Не нравится он сам.

— Так сделай это сейчас. Чёрт, да вдохни и умри уже наконец.

Джей успевает это сказать прежде, чем упасть. Он падает на пол вместе со своей грязью — белой пылью. Она порошит холодный воздух, подобно снегу, и Тэ, смотря на свою руку, где зажата разбитая наполовину бутылка, ничего не понимает... Ложь или истина, правда или действие, белое или чёрное... Она путается в понятиях. Кажется, что и в разуме, и в реальности какая-то ошибка, но нет. Стекло действительно в крови, непонятно только, в чьей — её или... Она начинает громко кричать. Кричит слишком громко, чтобы об этом не думать.

Когда Найджел с мокрым лицом взмывает к мансарде, то первое, что он видит — это угол. Угол, где между мраморным потухшим камином и вазой с крупными соцветиями сухих роз, сидит, сжавшись, Тея Уайт. Обнимает себя руками, плачет, раскачивается. И дрожит в истерике, сиплой и почти безголосой. Только это не она, а её голая душа, простуженная в продуваемой ветрами комнате.

— Твою мать, — вырывается у Ная, как только он замечает тело с рыжей головой лицом вниз. — Что он ей сделал?

— Д-дай мне с-собратся, пожалуйста... — у Даны дрожат губы. И не только они — вытягивается в струнку и дрожит каждый нерв. Душа у неё тоже обессиленная, как и тело. Обессиленная и пьяная. Она требует лекарства и помощи.

— Господи... Он живой? — Киан поддаётся слабой реакции, с едким презрением смотря в пол. Это длится недолго, с полсекунды, затем он торопливо подбегает к Тэ и присаживается на колени рядом. Так он трогает её холодные, как сталь, ладони, сплетается с пальцами, израненными и в свежих царапинах. — Эй, посмотри на меня, ладно? Это просто царапины, ты всего лишь порезалась... Я вытру, можно? Не трясись ты так... Ты крови теперь боишься? Или холодно? Что мне принести? Чёрт, я задаю очень много вопросов, точно... — он вымученно улыбается и, преподнеся к губам, целует её слишком аккуратные пальцы. Позволяет себе поцеловать — лишним не будет.

В недрах грудной клетки бьются воспоминания. Дана не хочет им верить. Или не может, поскольку всё ещё сомневается, были ли они реальны. Это правда или ложь? Мысли, которые она рассказывает Найджелу, туманные и хмурые, как само небо, но о них нельзя молчать. Говорить о них — мучение. Приятно лишь от того, что Най рядом, он прекрасен и искренен. В полубреду Дана понимает и говорит, что, если тот умрёт, то она надеется, что умрёт тоже... Разум твердит, что ей некуда деваться и, кажется, будто сжимаются кости.

— Но никто же не умер, — Най хочет было присесть, чтобы проверить двумя пальцами шею рыжего парня на наличие пульса, но не может из-за нахлынувшего потрясения.

Он видит, как Дану трясет. Видит, какая она бледная — почти светится изнутри. Та же ощущает, как дрожат её запястья, словно под действием тока, как чем-то, металлическим и невидимым, окольцовывает голову, подобно спавшему нимбу. Её ладони и стопы невероятно тёплые, как будто к ним приливом принесло всю кровь, в то время как голени и плечи обдаёт холодом из адского озера*. Их пробирает дрожь, покрывая корочкой льда кожу.

— Эй, — тихо зовёт Найджел, стоя за спинкой дивана, и ласково кладёт ей ладонь на лоб. Хочет проверить, всё ли в порядке с температурой, хочет успокоить... Он уверен, что незачем переживать — не было смешения таблеток со спиртным. — Что не так, принцесса?

Дана молчит, чувствуя, что рядом кто-то близкий. Она откидывается на подушки за спиной и шумно дышит сквозь тяжесть холодной тишины. Глаза гуляют по комнате. Они сталкиваются со взглядом Ная наверху и, точно в полусне, указывают ему на разорванный пакетик с рассыпчатой пудрой наркотика, после — на Джея, даже не думающего просыпаться... И тут же она теряет сознание сама. Тея это всё видит. Видит, укутавшись в плед при выключенном свете, и ей становится ещё хуже — больше не ощущает саму себя.

— Принцесса спит?.. — бесцветно спрашивает она, когда они вместе с Кианом в состоянии какой-то ирреальности подходят к дивану.

— Спит, да... — отвечает Найджел, рассеянными пальцами продолжая гладить горячий лоб под розовыми волосами. — Я очень надеюсь.

Тэ всё переживает молча, но все видят, что Джей по-прежнему лежит лицом на полу. Впрочем, на него сейчас никто и не смотрит, поскольку Дана не приходит в себя. Никто, кроме Теи. Та наблюдает, как пара прядей на рыжем затылке слегка окрашивается в

приятный ей почти чёрный цвет и, уловив мгновение тишины, она вдруг громко произносит. Так громко, как не ожидает от себя сама:

— Кажется, я убила его...

*Адское озеро — или Ледяное озеро Коцит. Оно расположено в центре Девятого круга Ада, если брать за основу план этого места из поэмы Дантэ Алигьери «Божественная комедия». Согласно произведению, в этом озере вмёрзли в лёд предатели, к каким Дана себя относит, потому что живёт тем, что меняет настоящее человеческое на мнимое высшее.

Глава 13. Немного нервно и почти свободно

У Теи расстройство аутистического спектра, и многие, даже имея представление об этом, считают её ненормальным. Считают странной, незрелой, не такой, словно с другой планеты, больной, неадекватной, психопатической, вечно перезагружаемой — разной, но, в целом, осуждаемой одинаково... Это так, да, они так думают. Думают, что она ненормальная... Ладно, пусть так: ненормальная, но вряд ли настолько, чтобы убить кого-то. Кого-то из числа тех, кто её высмеивает. Убить нормального. Тея думает, что само это понятие неправильно в той же мере, в какой ненормальна она сама и всё происходящее в этой комнате — это нечто на грани абсурда — здесь неправильно всё. И все здесь немного запутались.

Найджел и Киан тихо переговариваются, повторяя друг за другом одно и то же, как два пересмешника. Так звучит паника, должно быть. Тея не смотрит и не понимает, но за спиной уже раздаётся её голос. Эхо тревожного шёпота. Оно же в её голове при взгляде на Джея, такого же парализованного, как и она сама. Тэ смотрит на него, отвернувшись от всего вокруг, как слепая, и ощущает себя под давлением. Она закрывает глаза и хочет спрятаться в шкафу, чтобы всего этого не видеть, где хочет почувствовать, как замедляется сердцебиение... Хочет почувствовать что-то, но оцепенела изнутри. Сидит в нескольких метрах от тела и смотрит на него с отсутствием резкости — во взгляде всё расплывается тусклыми пятнами. И рыжие волосы, распавшиеся по лбу, и овал лица, белеющий на красном ворсе, и слишком аккуратный нос, и маленькие губы землисто-розового оттенка... И глаза, закрытые в молчании сна. Или смерти, чей основной признак известен.

Отсутствие дыхания. Тея не сдвинется со своего места, чтобы это проверить. Ей не видно, ни как приподнимается грудная клетка (Джей лежит спиной вверх), ни как клонится к низу ворс красного мехового ковра при возможном выдохе, ни как, что главнее всего, вздрагивают перед этим крылья носа... Слишком страшно протянуть пальцы вперёд и убедиться в этом. А ещё страшнее — в обратном.

Кто-то приносит успокоительное. Уже поздно, в голове что-то переключилось, чтобы его просто так самовольно принять. Кто-то приносит таблетку, белую и круглую, которую Тея не берёт, даже если просят. Кто-то осторожными пальцами приоткрывает рот, не давая себе отчёта в том, что делает, и заставляет принять вопреки желанию. Но это не выглядит насильно. Чересчур деликатно — вот как это выглядит.

— Это нужно, — Киан, кажется... Ему впервые по-настоящему страшно. Можно догадаться, если смотреть на руки, в которых вода дрожит в стакане. И её тоже приходится заливать против воли. Когда Тея глотает, то хватается за запястье того, кто её к этому принуждает, а затем не хочет отпускать, пока не получит ответа на свой вопрос:

— Он ведь жив, да?

— Не смотри на него: он ещё долго не очнётся.

У Киана не находится других слов, чтобы ответить, успокоив, пока не подействует препарат. Он только качает головой, гладит расцарапанные ладони и молчит, улыбаясь, рассеянно и нервно, пока Найджел зачем-то не позовёт его. Зачем-то подержать Дане голову. Тэ не оборачивается, чтобы посмотреть, зачем. Не оборачивается даже тогда, когда послышится звон стакана о зубы, затем всплески вытекающей изо рта жидкости, после — что-то резкое в словах знакомого голоса... Не обернётся, потому что смотрит на рыжие волосы так же, как некогда их обладатель смотрел на огонь: безнадёжно, неосознанно, отчаянно.

— Чёрт, да она от захлёба у тебя откинется быстрее, чем от колёс, понимаешь?

— У меня? — Най сдвигает брови в непонимающем возмущении. — Засранец же ты, Кики, раз на меня теперь всё валишь. Меня вообще здесь не было, когда она закидывалась, поэтому не возникай и наклони ей голову назад посильней, а я... Ни хрена я в этом не соображаю, но делаю всё, что могу, — на этом он отпускает подбородок Даны и тянется рукой к аптечке, где перебирает там что-то из медикаментов в поисках ещё одной таблетки.

Перебирает, прищурившись и закусив губу, будто бы понимает, с чем имеет дело. Активированный уголь — хуже не будет. Сначала в порошок, после — в воду. И снова в рот. Хотелось бы сразу и внутрь, залпом, а получается — по чуть-чуть и наружу.

— Выше голову ей держи! — уже срывается Найджел, но продолжает понемногу лить воду между этих губ, приоткрытых и бескровных. — Она не глотает, не глотает... Дана, твою мать, ну что ты совсем, хватит... пожалуйста.

Это больше не то место, в котором хочется находиться. Комната больше не та, где хочется быть. Больше не заоблачный замок, не красивая мансарда... Это чердак. И здесь грязно, холодно и многое покрыто белой пылью. Тея больше не может выносить реальность. Не может сидеть и смотреть, дожидаясь, пока рыжий парень очнётся. Она ложится на пол, чувствует под своей щекой мягкий ворс, почти закрывает глаза и пытается понять, что произойдёт раньше: отключится она сама или придёт в сознание тот, кто напротив? Впрочем, уже плевать. Становится спокойно под действием препарата. Пока он всасывается в кровь, в сознании выключается свет, в разуме затихают все слова, а вокруг

словно больше никого нет. Никого, кроме себя и тех закрытых глаз, до которых можно дотянуться. Их веки слегка дрожат по линии роста ресниц, и Тея резко, как при солнечном свете, прищуривается, чтобы лучше увидеть, как вдруг живо заблестят зрачки от невзрачного света потолочных софитов... Настолько живо, что невыносимо захочется сфотографировать.

— Ангел, что ли... — неслышно произносит Джей и, улыбаясь, сонно и косо, прислоняет палец к губам. Этот жест выходит невероятно плавным, как при замедленной съёмке.

Тея смотрит в его глаза пронзительно, без страха, и не говорит ничего. Она не может кричать и разговаривать. Даже двигаться, возможно, не может, хотя готова сорваться, потому что адреналин в её венах ещё никогда не тёк так быстро.

— ... И всё из-за этой суки... Из тех, что даже своё имя не говорят, — рассерженно звучит со стороны дивана. Найджел оттуда не отходит. Пытается привести Дану в чувство, хотя сам отдаёт последнее, и сейчас его разум — это комната, стены которой покрыты болью.

Клочок ваты, ярко пропитанный спиртом так, что тот стекает по пальцам, раскачивается у кончик носа, как по метроному. Всё без толку. Дана ничего не чувствует. Она с головой ушла под воду, но кажется, всё ещё может подняться на поверхность и вдохнуть свежего воздуха. Так кажется Наю. Ему, глядящему на это лицо в коматозном состоянии, которое он держит в ладонях, кажется ещё кое-что... Что он лжёт, говоря, будто делает всё, что может, и пожимает плечами, сомневаясь, точно ему по силам сберечь тело Даны, поскольку та не владеет рассудком, и что он уже сам срывается с катушек, когда видит, что его старания в этом никак не отражаются на результате. И Найджел прижимается своим лбом к переносице, такой горячей и нежной, и просит почти без голоса, одними губами:

— Открывай глаза... Я хочу, чтобы ты осталась.

Киан сидит рядом, на локотнике дивана, и смотрит на это. В его безнадежном взгляде всё настолько чётко, что просто ничего не хочется видеть. И это чувство — чувство его сожаления — такое же большое, как и эта комната, которую хочется сжечь дотла. Это чувство его захватывает.

— Вы оба вообще думаете? — внезапно спрашивает Джей, принимая шаткое положение на коленях, и слабо усмехается. — У девочки почти передоз, а вы суете ей под нос ватку в нашатыре... Как дети, боже. Она должна хорошо проблеваться сначала, а потом уже пить, как не в себя, — голос звучит разбито и дрябло, как выглядит и он сам, поднявшись на ноги.

Рука мимолётом взлетает к разбитому затылку, где успели склеиться рыжие пряди и, трогая их, он с трепетной теплотой в лице оборачивается на Тею. Та пусть и пугается, но глаз отвести не может — стоит и смотрит. Спокойствие снаружи, но тревога внутри. Она молча подходит к Найджелу и дёргает его за рукав, показывая пальцем — это нехорошо, не по правилам, она знает... Только для правил сейчас нет ни времени, ни места. Человек, который несколько минут назад лежал на полу грудной клеткой вниз так, что не было видно, как он дышит, теперь глубоко вдыхает и видит картину действительности яснее,

чем кто-либо в этой комнате. Его ничего не тревожит, потому что он слишком холоден для всех этих чувств и хочет взять только своё. Или вернуть обратно. Так он думает, когда заталкивает свой запакованный белый порошок в карманы джинсов, после — когда подходит вплотную к дивану и тянется высушенными пальцами к Дане, красивой и, как ему кажется, такой беззаботной...

— Это даже не героин, — бросает он Найджелу, как стражу правопорядка, когда тот на бессознательной реакции схватывает его ладонь почти у самой шеи. — Спокойно, она не перешла на новый уровень. Не успела.

— Так ты, значит, хочешь? — несильно выкручивая запястье, спрашивает Най. И тут же замечает, как в области прищуренного глаза Джея, распространяются, лопаясь, капилляры. Этообразуется сине-лиловая сеть от века и до внутреннего уголка. Последствия удара об пол на бледной и чувствительной коже.

— Даже не героин — я сам это всё смолот и хотел на ней проверить, как быстро эта штука накроет. Ничего бы не случилось... но, если вдруг, то привести её в сознание даже проще, чем к себе домой — уж я-то в этом шарю...

— Что ты несёшь?

— Руку убери, я врач, — порывисто серьёзно вырывается у него. — Я сказал, что проблеваться ей нужно, иначе сдохнет... Чем быстрее отпустишь меня, тем быстрее я это сделаю. И качественнее — даже не заметит.

— Да какой ты, нахрен, врач... — говорит неуверенно, но всё равно отпускает.

Бесславная улыбка. Джей больше ничего не говорит, не пытается оправдаться. Его больше не беспокоит этот разговор, потому что у него нет на это времени. Ведёрко из стали, где раньше блестели кубики льда и непрозрачное стекло одной бутылки, теперь почти до середины наполнено водой. Всё ещё парализованная, Тея смотрит на чужие руки, которые своим нездоровым видом погружаются туда, в холодную влагу — Джей споласкивает их после того, как облил чем-то бесцветно алкогольным с ярким и свежим запахом. И перед тем, как небрежно взять ими Дану за волосы. По той причине, чтобы потом, как котёнка, наклонять её лицом к ведёрку под ногами, когда два пальца окажутся в глубине её рта. Без лишней нервозности, точно делает это каждый день, как свою работу, он касается корня языка. Касается жгуче, с силой давит на глотку и тут же резко, точно от приступа, опускает голову девушки вниз. Реакция незамедлительна. Тея не смотрит. Это не по собственной воле — Киан накрывает своей ладонью ей глаза. Напрасно, поскольку она хочет видеть. Хочет смотреть как тот, которого она едва ли не убила, возвращает к жизни кого-то другого. Это круговорот. И его хочется видеть хотя бы потому, чтобы понять, насколько это удивительно.

«...Никто в этой комнате даже не знает моего имени, зато я могу вылечить любого — всех лихорадит по-своему».

Человек без имени. До Теи теперь доходит смысл тех его слов. Скрытый смысл. Она понимает их двоякое значение, тогда как раньше не понимала подобное вовсе. Каждого лихорадит по-своему как до, так и после приема его препаратов и, если сами по себе они

способны на время вылечить душу, то их поставщик — последствия. Сначала внутрь идут его таблетки, после — руки. Всею своё время.

Придя в себя, Дана чувствует, что не может дышать свободно. Вздохнуть за пределами сложно, когда всё тело поддаётся механически условным спазмам, перекрывающим гортань. Она задыхается от недостатка воздуха. И не понимает, отчего тело до сих пор неподвижно.

— Твою мать, Дана, будто в первый раз! Не ломай комедию... — убрав руку с её головы, Джей подставляет ведёрко поближе, подвигая ногой. — Дыши носом.

Она парализована, но кое-что ощущает. Это и холод, и стыд, и что-то, убивающее изнутри. Найджел хватается её за плечи, набросив плед, и крепко держится за худые ключицы, успокаивающе поглаживая их, пока Дана кашляет. Держит, пока у неё наворачиваются слёзы на глаза, которые она не может сдержать из-за перебоев с дыханием, пока чувствует пустоту, наступившую после, и пока откидывается на спинку дивана, посвящая себя в сознание полностью. Найджел держит её всё это время.

— Почему ты обнимаешь меня?

— Потому что все мы совершали ошибки, — спокойно отвечает Най. Он шепчет со всей серьёзностью, едва ли не соприкасаясь губами с её ухом. — Но ни сигареты, ни таблетки не помогут перестать думать о том, где ты... и, если так продолжится, то мы тебя потеряем. Неважно как. Или потом, когда тебе сначала будет светить два года в психушке, а после ещё пять — в реабилитационном центре... Этого ты хочешь? Или как могло бы произойти сейчас, потому что мы, блин, даже доктора позвать не можем — посмотри вокруг... За такое сажают. Этого добиваешься? Ты не ты, когда так себя ведёшь, и ты это знаешь, — он ненадолго замолкает, как будто забывает что-то важное. — Знаешь, когда ничего нет, то и терять нечего, но я бы не хотел потерять тебя из-за всей этой дряни...

Дане кажется, что она уже на грани, но теперь это неважно. В последнее время у неё это получается слишком хорошо — игнорировать. И это хорошо — дьявольское. В нём нет ничего толкового, а есть только глупость, навязчивость, опьянение происходящим и наплевательство на рассудок. Она пристрастилась к боли. Эта ночь могла оказаться для неё последней, но не стала. В любом случае, это были просто химикаты. В любом случае, сейчас она просто устала и больше не выбирает между тем, чтобы медленно умирать, и тем, чтобы идти дальше. Выбирает последнее, потому что ей нужны были те несколько слов. Теперь она хочет вдохнуть изо всех сил, надышаться вдоволь, затем, чтобы завтра проснуться и начать дышать по-другому: не чердачной пылью, а с высоты своего замка.

Перед тем, как уйти, Джей поднимает с пола свой пиджак и наспех бросает Киану через плечо:

— Теперь воду... Пусть пьёт сама. И как можно больше, пока снова блевать не начнёт, — он уходит с разбитым затылком, где слипшиеся между собой пряди прикрывают рану, не нуждающуюся в швах. Уходит покалеченным. С ним это тоже не впервые.

Тея стоит в начале лестницы и смотрит ему вслед, пока контур его тени не исчезнет совсем в освещённом пролете второго этажа. Не может не смотреть. В её глазах он больше

не человек. Перестал быть им, когда лежал, объёмный и застывший, подобно фотографии в трёхмерном измерении, а после, открыв глаза, вдруг стал дышать, точно оживший кадр. Такого не должно было быть — так твердит ей сознание, пока рассудок спешит поверить в обратное. Это случилось. И это было прекрасно. Прекрасно видеть, как возвращается жизнь к тому, которого ты едва ли её не лишил. Жаль, что под рукой не было фотоаппарата, чтобы этот момент сохранить. Впрочем, не страшно — сработал щелчок. И её фотографическая память растворилась в этом мгновении, подобно старой плёнке в химическом реактиве проявляющего раствора.

Пространство вокруг полно сожалений, но, вроде бы, они уже сходят на нет. Тея чувствует, как задувает ветер сквозь все окна в этой комнате, и хочет уйти, пока не стало хуже от грязного вида всего того, что здесь находится. Она закусывает нижнюю губу, беспокойно оглянувшись, и цепляется пальцами за верхнюю пуговицу своей чёрной рубашки, чтобы чем-то занять руки, дожидаясь, пока на неё, красивую и растерянную, обратят внимание. Да, ей нравится быть в уединении, но в последнее время она чувствует, как к ней вторгаются. Только делают это без грубости, как раньше, а так, как сейчас — едва заметно и почти неслышно. Ощущение кого-то за своей спиной больше не сводит ужасом. Ощущение кого-то близкого. Киан кладёт свои ладони в области её ключиц и, чуть склонившись, касается носом края щеки, и что-то приглушенно говорит. Что-то о том, что им здесь не место — Найджел разберётся сам. О том, как темно на лестнице и можно ли будет, прикоснувшись, провести её туда, где свет оставили включённым, чтобы пройти к выходу без ощущения тревоги. И обо всём остальном, отчего Тэ наконец становится теплее. Становится теплее, пока её ведут к свету, мягкому и не бьющему в глаза.

— ... Поставлю на солнечную сторону, — нечаянно врывается воспоминание в еле слышный голос Киана.

— Не люблю солнце, от него больно глазам... Ты знаешь, — Тея берёт его за руку, когда они оказываются на улице, и делает глоток ночного воздуха. Вдыхает ночь и тут же в неё влюбляется.

Она не выносит свет от фар, но влюбляется в ночь, сквозь которую они спят ей глаза. Белый автомобиль замедляет свою скорость и останавливается перед ними. Наблюдая за тем, как Тея устало прикрывает половину лица от слепящего света, Киан расплывается в полуулыбке, ощущая, как его дыхание задерживается вместе со временем. Эта реакция на раздражители внешнего мира никогда не станет обыденной — слишком красиво, чтобы привыкнуть. Он смотрит на её волосы, такие пушистые и мягкие на вид, на скулы нежного оттенка бежевого, на приоткрытые губы, какие говорят так редко, и ощущает что-то ослепительное, как эти фары. И чувствует, что сойдёт с ума, если не перестанет. Разноцветные таблетки... Да к чёрту их — он подсел на другое. На все эти соблазны, возможно, наивные, но чрезмерно приятные, чтобы быть правдой. Быть его реальностью. Где без зазрения совести к Тее можно не только прикоснуться, но и назвать её своей. Хотя бы наполовину.

В машине они не разговаривают. Киан держит свой чем-то утяжелённый рюкзак на коленях, где держит и прижатую к нему ладонь Теи Уайт. Красивая, но словно не живая,

как говорил о ней тот парень с рыжими волосами и порванными коленями. Так она себя ощущает, такой видит в маленьком зеркале заднего вида и так о себе думает. Думает она о себе сейчас, когда в темноте за окнами проносятся фонари, когда в доме, из которого они уехали, стало тихо, а её собственные разум и тело уже ощущаются ватными. Она видит, как её светлая голова, точно в беспамятстве с полужакрытыми глазами, находится на предплечье Янга, с которого струится чёрный материал. И это тоже кажется красивым. Как и очерк подбородка Киана, аккуратный и белый, как и его бледно-лиловые губы, как и глаза с пронзительным блеском. Тоже чёрные. Тее они нравятся. Нравятся не только из-за цвета. Нравятся, как ни посмотри, потому что это лицо Киана Янга, уже давно ставшее ей фетишем. Что-то в нём овладевает ей, заставляет желать фотографировать каждую его часть по отдельности, чтобы потом складывать, как мозаику или оригами. Не лицо, а головоломка, которую никак не разгадать. Игра на логику.

Раньше такого не было. Раньше всё поддавалось правилам рационалиста, а не дикаря, следовавшего по воле влечения. Раньше она не жила по природе чувств, разве что физических... А это совсем другое. Теперь ей кажется, что её чувства — это не рационализм вовсе, а безумная глупость, на какую она, оказывается, способна.

«Однажды мозг выдаёт великие идеи или рождает великую любовь. От человека к идее или от человека к человеку. Суть в том, что ему одному с этими двумя видами любви чертовски сложно жить — одно отрывает от другого. Никакой слаженности, только абсурд».

Не так давно подобным образом высказался Найджел. Высказался, должно быть, о чём-то личном, и оказался прав.

Раньше Тея окружала себя порядком. Теперь же она относится к тому типу людей, которые, стремясь к порядку, создают вокруг себя всякую несурязицу — такую паутину эмоций и желаний, где можно запутаться по горло. Сплетена она, конечно, не ей самой, но по воле собственного рассудка.

Приподняв голову с тёплого плеча резким движением, она вызывает у Киана тревожный взмах рукой и судорожное прикосновение к своим волосам. Он прижимает её к себе снова, осторожно и трепетно, и гладит пальцами по волосам, и вдруг просит у водителя остановиться. Тея дрожит, как всполошенная птица. И даже сама прижимается к гладкой ткани под своей щекой. Сквозь открывающуюся дверь настигает холодным ветром. Они выходят на улицу. Здесь ночь, крики отдалённых гудков и эхо проносящихся на всей скорости автомобилей. Тяжесть ночи давит со всех сторон.

— Эй, Тэ, — шепчет ей на ухо Киан и, с какой-то опаской прижимая к себе, неспешно ведёт по тротуару. — Что вдруг такое?

— Ничего, нет... Просто кое-что вспомнила, — она прячет лицо, уткнувшись им в его шею. Не хочет, чтобы её видели ранимой, но не понимает, что это действие говорит громче слов. — Меня не должно было быть там, не должно... Я сейчас ужасно выгляжу, да? — она вскидывает лицо и смотрит на губы напротив. Прелестные губы, которые говорят что-то не менее приятное:

— Я знаю, ты зациклена на внешности и всём таком, но наверх посмотри — сейчас ночь — никто же не смотрит... Зато я вижу, какая ты красивая, когда показываешь эмоции.

— Когда я ударила того парня, то тоже показывала эмоции... Это было некрасиво. Я не думала, что так получится, только знала, что это нужно сделать — Дана не могла помочь себе сама.

На часах давно перевалило за ноль. Полуночный туман качает фонари, чей свет не выключить. Туда, где находится дом, приходится идти пешком — город тихо засыпает. Холодно, всё вокруг будто двумерное, как фотография с шумовым дефектом. Тею пробирает дрожь, от холода или всего безумного, что было ночью, — неважно — её трясет. Она хочет прикосновений, только о них и думает. Ни о чём больше, пожалуй, остальное — холод... И просит их, тёплых и восхитительных, и бросается в больше не чужие руки нежных объятий, как после сна, и больше не чувствует угнетения собственной свободы. Если действия говорят громче слов, то это просто в голос. Это происходит. Вдобавок это делает не кто-то из родных и дома, а кто-то посторонний и на улице. Тея чувствует, как этот кто-то обнимает её впервые. И это чувство вдалбливается подошвами в разум, танцуя на его нейронах чечётку. Объятия слишком длинные, больше десяти секунд. Здесь цифры не играют роли, хотя в голове уже что-то горит.

— В первый раз... Никто и никогда? Как это возможно? — спрашивает Киан, отпустив её, и когда они уже идут вперёд по улице. Спрашивает слишком эмоционально в противовес лишённому эмоций, но с выдержанной улыбкой, ответу:

— Нет, в первый раз, когда я сама этого прошу. И разрешаю.

— А что ещё ты мне разрешишь? — он хватает её за руку и пытается заглянуть в тёмные глаза, где видно полуосвещённое шоссе.

— Домой, — не сразу произносит Тея. — Отведи меня домой.

— Мы туда и возвращаемся...

Воспоминания с начала ночи постепенно выцветают. Глядя прямо на небо, Тея посылает их в никуда, параллельно мёртвым огням звёзд, но тут же возвращается взглядом к высохшим царапинам на руках. Её уже не трясет так сильно, но внутри он снова дрожит. Снова чувствует слабость, которую отдаёт в объятия Киана, чтобы удержать теплоту нужных прикосновений.

— Если бы я там не была, то и всего бы этого не было, — говорит Тея и смотрит на фонари, сонно качающиеся вдоль дороги. Уставшая, она тоже понимает, что тихо засыпает возле рук Киана.

— Это случилось бы, ты здесь ни при чём, — он отвечает уверенно и твёрдо. — Главное, что сейчас с Даной всё в порядке, но это могло бы произойти потом — она сам себя к этому вела.

— Но ты за него переживал, я видела, она же твой друг.

— Сейчас — да, друг, это после всего... Но мы с ней были «не друзья», понимаешь? Были, потому что она врала, когда хотела, и врала, когда не хотела — врала постоянно. Это потому, что она слишком устала, чтобы всё мне рассказывать — так она говорила, когда у неё было время, когда она могла. И, знаешь, всегда говорила так же красиво, как и выглядела, а меня всё равно не покидало ощущение, словно это медовый месяц... Может, потому что она старше, или оттого, что я слишком высоко забрался, но в любом случае, у нас ничего не было, кроме прикосновений. Понимаешь, каких? Тех, что из самых тесных, после которых обычно ничего не говорят, а только уходят.

Он держит Тею возле себя и рассказывает свою историю, в которой жил, не имея рассудка и отравляя его подобно тому, как Дана травила собственные лёгкие и голову, в то время пока постоянно думала об одном и том же. О ком, если откровенно. О Джее, который давал ей то, что она просила взамен на то, что попросит он. В первом случае были всего лишь химикаты, а во втором — всего лишь тело... А в случае Киана была любовь, болезненная и прекрасная, и с ней плохо обходились, как с должной привилегией, но у неё было много вспышек, которым он всеильно позволял гореть. И сгорал сам. Это расслабляло, когда у Даны было на него время, и напрягало, изводило, колотилось где-то под языком, когда его не было, и всё, что казалось таким ценным, вновь становилось бессмысленным... В конце концов, вся та откровенность, что была в Киане, превратилась в стену, а его терпение ко лжи стало единственной причиной нужной для того, чтобы что-то и как-то сохранить. Дана просто говорила то, что должна была сказать, ведь у неё ничего кроме этих бессердечных слов не было:

(«Я не могу любить тебя, когда даже саму себя не люблю»).

Так они доходят до тёмных потухших окон дома с ярко-рыжей черепицей. Пламенный свет фонаря стекает на чёрное стекло входной двери, призывая подойти и отпереть её, чтобы прекратить слышать шорох теней повсюду. Тея не спешит этого сделать — забывает, пока, не перебивая, слушает голос Киана. Она уже не помнит, что они шли к её дому, проходя мимо стен и дверей десятков чужих. Становится грустно, ведь она хочет забыть всё, что связано с этой ночью, кроме этой прогулки. Грустно оттого, что нужно попрощаться. И, когда Тэ это делает, в третий раз за ночь принимая в объятья больше, чем на десять секунд, тишина в её разуме перестаёт быть неслышной. А Киану понадобится ещё мгновение перед тем, как отпустить, чтобы вдохнуть запах её шеи. И понять, что он снова обманывает лишь самого себя — ему нравится, что он сейчас делает, но это не то, что ожидалось — ему не разрешают войти.

Теперь свет на пороге выключен. Ощущая, как становится холодно, Янг дышит на собственные ладони, кутается в них, со всей силы обнимая себя за предплечья, и спускается со ступенек. Он не отходит далеко от дома, а стоит поблизости под недостижимо глубоким небом, которое дарит ночь. Стоит, смотрит на чёрные квадраты в стенах и, желая в темноте увидеть лицо Теоны, понимает, что окна вспыхнут с другой стороны дома — там её комната. Она там касалась, перебирала его, точно свои же снимки, а теперь оставила на улице... Даже не оставила дверь открытой. Киан, привлечённый этой дверью, всё ещё ждет, как в замке скрипнет ключ. И всё ещё смотрит на окна, какие вдруг загораются солнечно жёлтым. Тея, засыпающая и приятная в этом освещении, шатко движется вперед от усталости. Панорамные окна гостиной обнажают её ранимую

душу. Киан стоит напротив, ослеплённый внезапный светом, и ничего не может с собой поделать — улыбается и подходит к стеклу. Он видит, как Тэ прислоняет к нему одну ладонь, а другой что-то ищет по краю рамы. Слышно, как щёлкает задвижка — она тащит вбок одну из оконных створок. Делает это осторожно, потому что немного боится, и просит взять её за руку.

— Я забыл тебе кое-что вернуть, — порывисто произносит Киан, когда окно больше не разделяет их и, забравшись через него внутрь, вдруг перекидывает лямку рюкзака с плеча на локоть. Доносится слабый шум звеньев молнии. И он достаёт полароид, белый и с чёрным кожаным ободком, и отдаёт его из своих рук в другие. Отдаёт что-то из своего мира, чтобы стать ближе к другому. — Он тебе нужен. Теперь твой, да, и навсегда останется принадлежащим тебе.

— Спасибо, он такой красивый, — Тея отвечает не сразу, но принимает камеру, неверующе и с блестящими глазами осознавая, что теперь перестанет бояться жизни за объективом. — Только не уходи, — просит она и судорожно перехватывает Киана за запястье. — Ты тоже красивый. И тоже мне так же нужен.

Она вдруг примыкает к его губам, холодным, как этот ветер, задувающий сквозь открытое окно. Всё происходит немного нервно, хотя она сама ощущает себя почти свободно. Её касание, слишком нечаянное и неосознанное, оставляет отпечаток не только на знакомой улыбке, но и в голове, ведь если действия звучат громче слов, то от подобного там поднимается крик. Короткий и звучный. Кажется, впервые без страха.

Одна ночь, один крик, один поцелуй — и тишина становится очень громкой.